

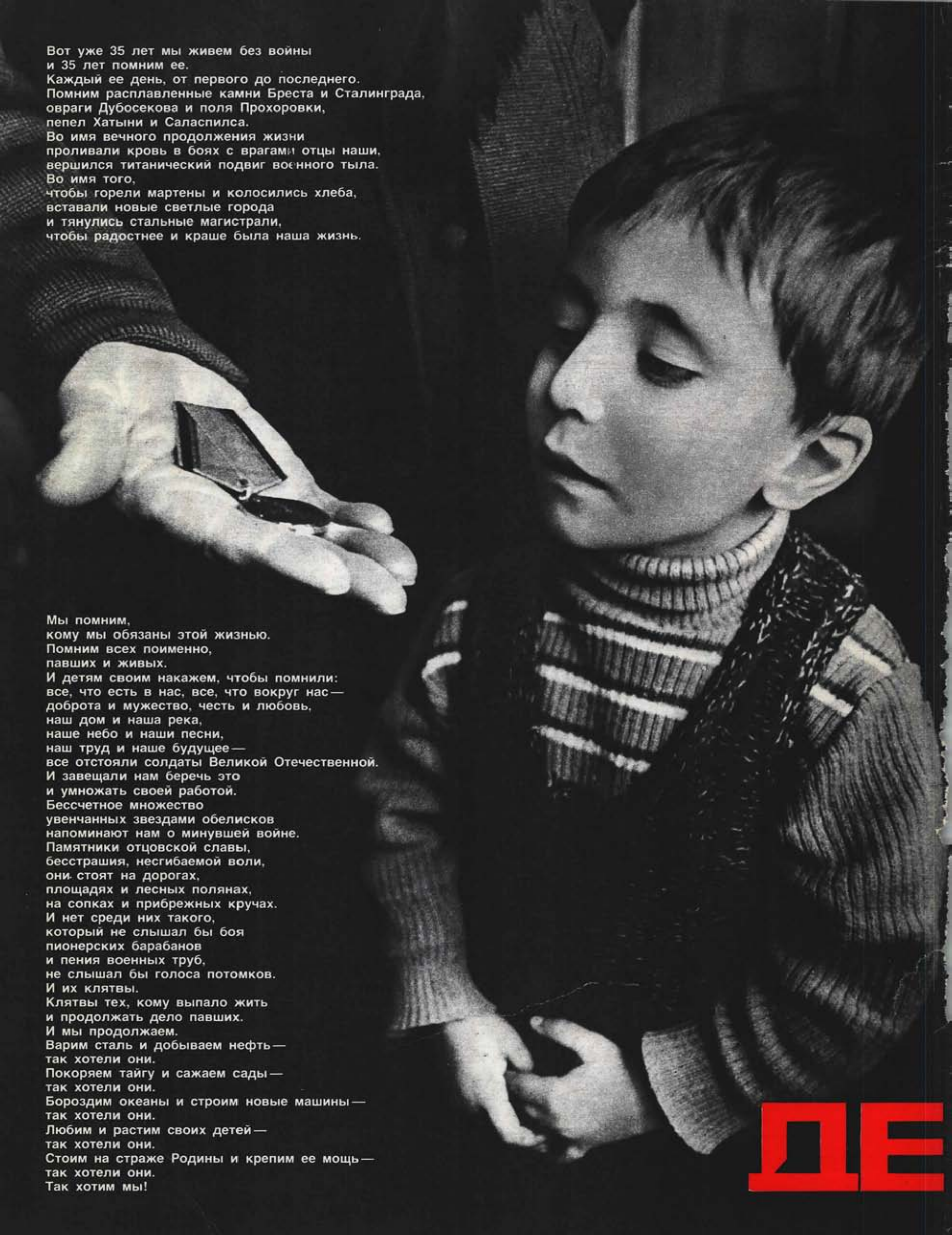

СМЕНА

№ 9 МАЙ 1980

**ПОМНИ,
МИР СПАСЕННЫЙ!**

Вот уже 35 лет мы живем без войны
и 35 лет помним ее.
Каждый ее день, от первого до последнего.
Помним расплавленные камни Бреста и Сталинграда,
овраги Дубосекова и поля Прохоровки,
пепел Хатыни и Саласпилса.
Во имя вечного продолжения жизни
проливали кровь в боях с врагами отцы наши,
вершился титанический подвиг военного тыла.
Во имя того,
чтобы горели мартены и колосились хлеба,
вставали новые светлые города
и тянулись стальные магистрали,
чтобы радостнее и краше была наша жизнь.

Мы помним,
кому мы обязаны этой жизнью.
Помним всех поименно,
павших и живых.
И детям своим накажем, чтобы помнили:
все, что есть в нас, все, что вокруг нас —
доброта и мужество, честь и любовь,
наш дом и наша река,
наше небо и наши песни,
наш труд и наше будущее —
все отстояли солдаты Великой Отечественной.
И завещали нам беречь это
и умножать своей работой.
Бесчисленное множество
увенчанных звездами обелисков
напоминают нам о минувшей войне.
Памятники отцовской славы,
бесстрашия, несгибаемой воли,
они стоят на дорогах,
площадях и лесных полянах,
на сопках и прибрежных кручах.
И нет среди них такого,
который не слышал бы боя
пионерских барабанов
и пения военных труб,
не слышал бы голоса потомков.
И их клятвы.
Клятвы тех, кому выпало жить
и продолжать дело павших.
И мы продолжаем.
Варим сталь и добываем нефть —
так хотели они.
Покоряем тайгу и сажаем сады —
так хотели они.
Бороздим океаны и строим новые машины —
так хотели они.
Любим и растим своих детей —
так хотели они.
Стоим на страже Родины и крепим ее мощь —
так хотели они.
Так хотим мы!

ДЕ

А. ДИХТЯРЬ.
Фото С. ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

У Арташеса Григоряна день рождения. Пришли его сыновья и сыновья сыновей, племянницы и племянники, их мужья и жены. Мужчины обнажили головы. Женщины надели черные платки.

Ленинакан. Проспект Победы. Две шеренги седых тополей. Третий слева посажен в память об Арташесе. Арташес Григорян погиб под Берлином в апреле

МЕДАЛЬ ДЕДА.

1945 года. 12 седых тополей. И у каждого есть имя.

Агаси Григорян посадил тополя в мае того же 1945-го. В память об отце Барсеге. О братьях отца — Аकोпе, Арташесе, Варздаде. Братьях матери — Арзумане, Вартазаше, Степане, Вагашане, Мкртиче. О двух дядях жены — двух Егишах.

Все они были членами одной семьи. Все носили одну фамилию. Командовал этим семейным отделением самый младший по возрасту — Агаси Григорян, сын Барсеге, старший сержант 409-й Армянской (позже Кировоградской) дивизии. Узы родства и верность фронтовому товариществу дали ему право посадить еще один тополь — двенадцатый. Потому что на полях сражений они были вместе.

— Помнишь, ты никак не мог осилить «Песнь о вещем Олеге»?

Мы сидим с Костей Песковым в стеклянном кафе на Чистых прудах.

Цветут тополя, и не выходит из ума строчка давнишних стихов: «Москва та-

кая молодая в цыплячем пухе тополей...»

Сквозь прозрачную стену виден бульвар, занесенный тополиным пухом. Деревья вгоняет в дрожь раскатиное дребезжание трамваев. За ветками деревьев, как за решетками, колышется синева, выше которой только солнце.

Мы вспоминаем рабочий поселок, прижатый к скудной на воду речушке. Текстильной фабрике был обязан своим существованием поселок. Зимой и летом над кирпичными домами, похожими на большие спичечные коробки, вился хлопковый пух. Как будто в поселке вечно цвели тополя.

Но тополей не было.

Мои тополя остались далеко-далеко. На полоненной чужеземцами Украине. Люди ушли, а тополя остались. Их чистый пух метался над полями, гонимый жарким дыханием горящих хлебов. Мне

ВЕЧНЫЙ. КАК ПАМЯТЬ, ОГОНЬ.

**ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ,
И У КАЖДОГО — ИМЯ.**

**ВЕЧНОЗЕЛЕНЕЕ
ДЕВО ПАМЯТИ**

не было и восьми, когда я узнал, чем пахнет порох. Горелым хлебом — вот чем он пахнет.

А в поселке хлеб выдавали по карточкам. Не продавали, а выдавали. Как можно было продавать то, что ценилось дороже денег?

Мы бегали на станцию встречать воинские эшелоны. И разве забуду я когда-нибудь угрюмого старшину, который буркнул сперва, чтобы я не путался под ногами, а потом одарил непечатой буханкой настоящего ржаного хлеба?

Позже об этом сложились стихи:

*А мы не воевали,
Шинелей не носили.
Мы жили-поживали
И ели хлеб России.
Он был тяжелый, колкий
От шелухи овсяной,
Хлеб с отстающей коркой,
Горчащий и желанный.
Он был чудес чудесней,
Тот хлеб обыкновенный.
Мы жили им и песней,
Отцовскою, военной.
И к рыжим эшелонам
На песню мы бежали.
Как взрослым, тяжело нам
Солдаты руки жали...
Они нам хлеб давали
И об одном просили:
Чтоб мы не забывали,
Как труден хлеб России.
Мы помним? Да, мы помним!
Мы позабыть не в силах!..
Мы ваш завет исполним,
Лежащие в могилах.
Ваш труд на плечи лег нам,
Ушедшие в бессмертье.
Мечтать о хлебе легком
Не смею и посметь я!*

**АГАСИ ГРИГОРЯН —
КОМАНДИР
ОТДЕЛЕНИЯ
ГРИГОРЯНОВ.**

*А если кто забудет
Святому хлебу цену,
Сама Россия будет
Судить,
Как за измену...*

Это я написал на целине. В детстве же мне и в голову не приходило сочинять стихи. Изящная словесность плохо приставала к нам, детям военного времени.

До чего же быстро летят годы!.. Кажется, совсем недавно — молодой, гибкий, мускулистый — проворно и ловко, не зная, что такое одышка, копал он ямы под топольки. Воздух родины холодил вспотевшее лицо, и звучало в душе: «Мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил»... А земля в Ленинкане... Одно название, что земля, а на поверку — больше камней, чем земли. Лопату, как несправившуюся, приходилось то и дело отстранять от работы и пускать в ход тяжеловесный лом. Со скрежетом дробились камни. «Приживутся или не приживутся?» — скребло у него на сердце.

Деревья взрослеют медленно. Это для человека время летит стрелой. Слой за слоем — по слою в год — наматывается на ствол древесина. По спирали — вкруговую и вверх, — вот как движется время, по которому живут деревья. Еще недавно они приходили сюда с сыновьями. А теперь уже хорошо знает дорогу к родным тополям и Арташес — внук Арташеса, и Барсег — правнук Барсегга — третье и четвертое поколение Григорянов.

Я вижу свой класс. Может быть, тогда, как и сейчас, светило солнце. Но мне школьное детство видится в сумеречном освещении. Мой друг, Костя Песков, с потугой человека, которого вынуждают заниматься глупостями, через пень-колоду тащится к хозарским селам и нивам. За каким чертом ему какой-то Олег? Учительница не дала догрызть комок зуболомного колоба. А он нужнее всех разумных Олегов и неразумных хозар. Потому что питательнее.

Неужели это тот самый Костя сидит сейчас за одним столиком со мной? Неужели это он грыз колоб, до посинения мерз в очередях за хлебом, болел воспалением легких, подхваченным при неудачном побеге на фронт, в осеннюю слякоть копал картошку и турнепс, ездил в мороз за дровами и никак не мог одолеть «Песнь о вещем Олеге»? Неужели это он, серьезный ученый, когда-то считал, что комок колоба нужнее Пушкина?

Звучат обычные при встрече слова: «А где теперь?», «А как поживает?», «А помнишь?»

— А как поживает Ольга Петровна? Все так же обрекает нерадивых мечам и пожарам?

— Был у нее во время отпуска.

— С букетом георгинов?

— С букетом георгинов...

У каждого свои любимые цветы. Ольга Петровна любит георгины. Потому что георгины дарил ей когда-то первый муж, которого убили под Москвой.

— Она спросила, понял ли я, для чего мне нужен Пушкин?

— А ты что?

— А я прочитал стихи Пушкина.

Костя знакомо, как в детстве, наморщил лоб и, вода ладонью по краю столика, словно стирая с него невидимую пыль, проскандировал:

В начале жизни школу помню я:

*Там нас, детей беспечных,
было много.*

Неровная и резвая семья.

Смирная, одетая убого,

Но видом величавая жена

Над школою надзор хранила строго...

Костя, читающий наизусть внепрограммного Пушкина, — это было ново, но это не было неожиданностью. Мы выросли и поняли, что одинаково важны и хлеб и цветы.

Наша обложка:
рисунок художника
Геннадия
НОВОЖИЛОВА.

28-летнему Мише Григоряну в эту весеннюю ночь снова приснился бой у Капустина хутора. Мела метель. Свистел январский ветер. И люди в долгополых шинелях серыми птицами вылетали из облепленных снегом теплушек. С винтовками наперевес бежали они по снежной равнине и исчезали в метели. Первый, второй, десятый, двенадцатый. Ничего не видно сквозь клубящийся снег. Но он знал: сначала враги были на расстоянии выстрела, потом на расстоянии броска гранаты. Десяток шагов — и задание бесшумно овладеть хутором будет выполнено. Но тут из метели вынырнули танки с крестами на башнях...

Миша никогда не видел, как это было на самом деле. Он родился уже в мирное время и в армии служил далеко от Кавказа — в Прибалтике. Но сны ему снятся отцовские, потому что он хорошо знает, как это было — тогда, в январе 43-го.

...Давний бой у затерянного в снегах Капустина хутора. Пять черных чудовищ, вынырнувших из метели, и против них — двенадцать красноармейцев, у которых только винтовки и гранаты. Они понимали: перевес не на их стороне, — но нельзя было допустить, чтобы танки прорвались к железнодорожной линии. Любой ценой должны были они продержаться, пока не подойдет подкрепление. И двенадцать красноармейцев, двенадцать Григорянов приняли бой.

Живыми из него вышли шестеро. Четверо погибли. Двое — дед и дядя Аноп — были ранены.

...В доме, где живет Миша с отцом, матерью и своей семьей, в большом зале на стене — портрет человека в кожаной куртке и в берете с трехцветной кокардой — форме бойца французского Сопротивления. Это дед. После выписки из госпиталя Барсег Григорян вернулся в действующую армию. Потом десантирование с Таманского полуострова на Керченский — и снова ранение. В себя пришел в лагере для военнопленных. Вскоре тех, кто мог стоять на ногах, погрузили в закрытые вагоны для скота и повезли на Запад. Во время одной из пересадок Барсегу и еще одному военнопленному, моряку, с которым сдружились в пути, удалось бежать. Укрыться помог железнодорожник. От него-то они и узнали, что находятся во Франции и что в окрестностях действует интернациональный партизанский отряд. Друзья по побегу стали бойцами этого отряда. В одной из стычек с карателями черноморский моряк, друг Барсега, погиб. Звали его Мишей. Мишей назвал Агаси Григорян одного из своих сыновей. Не Микаэлом, не Михаилом — Мишей.

— Мы многое поняли с тех пор, как ушли из детства, — говорю я.

— Пройти дорогу в полжизни — это что-нибудь да значит, — откликается Костя. — Во всяком случае, путь достаточно долгий, чтобы обдумать: кто ты и зачем ты? А знаешь, благодаря кому задумался я над смыслом жизни? Помнишь историю о героической жизни и смерти Вальтера Филлака по прозвищу Январь-Мартин?

Помню ли я? Конечно же, мне тоже врезалась в память и в сердце эта потрясающая боль.

Ее рассказала нам все та же Ольга Петровна.

Январю-Мартину было двадцать четыре, и он был коммунистом. Это Вальтер командовал в Туринской провинции седьмой гарibaldiйской бригадой. Поэтому краснорубашечников не на жизнь, а на смерть сражались тогда против фашистов — итальянских и германских. Но выискался доносчик, и Вальтера схватили гестаповцы. Его девушке тайком принесли записку: «Дорогая моя Инес! Я попал в плен и буду расстрелян. Ничуть не сожалею о сделанном мною для нашего великого дела. И если бы я смог начать жизнь снова, я не изменил бы своего жизненного пути. Наше зна-

комство было недолгим, и я надеюсь, что это уменьшит отчасти твою горю. Желаю тебе скорее получить от жизни то счастье, какое я стремился тебе дать. Прими мой последний поцелуй...»

Январь-Мартин ошибся. Его не расстреляли. Его повесили. На следующий день после того, как Инес получила записку.

— Представьте себе, — говорила, кутаясь во вдовий платок, наша тогда очень молодая учительница, — представьте себе: пасмурный итальянский февраль, аллея продрогших олив, тяжелая дождевая капля падает с ветки на склоненную шею сидящей под деревом девушки. Это страшно...

И мы увидели, как вздрогнули плечи Ольги Петровны, словно она ощутила удар той холодной, ею самой придуманной капли.

— Помню ли я Вальтера Филлака? Я помню его...

— Так вот, этот итальянский парень помог мне понять: главное — избрать себе в жизни дорогу и идти по ней до конца. Тогда и конца не будет. Потому что не бывает такого, чтобы по правильному пути шел только один человек...

За стеклянным кафе смеркалось. На смену доброму дню на Чистопрудный бульвар опускался такой же добрый вечер. Я и не заметил, как минута к минуте сложились часы.

Когда в мае 1945 года Агаси Барсегович сажал тополя, он еще не знал, что его отец жив.

От деда Миша получил большое наследство: свое имя, первые уроки французского, дом, который помогал строить дед, и вошедшее в кровь и плоть понимание, что история — это не параграфы учебника, что с ней мы связаны узами родства, что она биография твоих отцов и дедов, делавших эту историю. Ты их наследник. И наследство это — вместе с тем, чем дополнишь его сам, — должен передать детям.

Миша внешне очень похож на отца. Такая же застенчивая улыбка. Только у отца в ней есть какой-то оттенок грусти. У сына в ней больше беззаботности. И все равно очень они похожи улыбкой, цветом волос и глаз. Все по закону генетики. Агаси — цветовод. Он хорошо знает, что такое генетика и ее законы. Знает, что можно передать улыбку и цвет глаз, но не с генами передается чувство любви к Родине, уважение к ее многоязычному народу. Это воспитывается. Отношением к маленькому клочку земли, на которой стоит твой дом и город, уважением к делам, подвигам и памяти старших...

Каждый ли из нас вот так сознательно ощущает свое место в жизни, которая движется потому, что живут и действуют люди?

О преемственности поколений много пишут, а еще больше говорят. Но ведь преемственность — следствие активного взаимодействия предшественников и продолжателей, и вера в то, что традиции сами по себе, автоматически, передаются от поколения к поколению, так же наивна, как вера в вечный двигатель.

Самое главное, чтобы герои военной поры были для нас не просто героями, а живыми, достойными подражания людьми, чтобы каждый из нас осознал себя их наследниками и продолжателями.

Как осознают это в семье Григорянов.

Дух погибших

*должен в плоть вратки,
Семенем взойти и дать плоды —
Потому что не конец пути
Там, где обрываются следы...*

Мы преемники.

Мы продолжатели.

Справедлив общеизвестный афоризм, утверждающий, что времена меняются и люди меняются вместе с ними. Но справедливо и то, что в каждой эпохе тон задают те, кто постиг взаимосвязь времен.

1 «ВЕЧНОЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО ПАМЯТИ». Фотоочерк А. ДИХТЯРЯ и С. ПЕТРУХИНА.

6 Иван ПАДЕРИН, писатель, ветеран Великой Отечественной войны. «ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ».

8 ПАМЯТЬ МАТЕРЕЙ. Поэма Раима ФАРХАДИ «ЖДУ ТЕБЯ ВСЕГДА».

10 Григорий Аксельрод. «ЛЕИТЕНАНТ БОГУН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СТРОЙ».

12 ПАМЯТЬ ДРУЗЕЙ. Алексей МАЛЬЦЕВ. «У ОБЕЛИСКА».

14 Валентин ЛЯШЕНКО. «СЫНОВЬЯ».

15 «ВЕРНОСТЬ». Письма ветеранов войны.

16 ПАМЯТЬ ДЕТЕЙ. Иван САВЕЛЬЕВ. «ОТ ИМЕНИ ЗЕМЛИ».

18 Виктор КУЛИКОВ, первый заместитель министра обороны СССР, Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора, Маршал Советского Союза. «В БОЯХ ЗАВОЕВАННЫЙ МИР».

22 Рассказ Вячеслава КОНДРАТЬЕВА «БУДНИ».

25 Лидия ВАСИЛЬЕВА. «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ПОДВИГ».

26 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ». Вера ДОРОФЕЕВА, Виль ДОРОФЕЕВ. «НЕПРОСТЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА».

28 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ. К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. К. САВРАСОВА. «ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПЕСНЯ».

32 ОЛИМПИСКИЙ ТУРНИР ЗНАТКОВ. Третий тур.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

**СЕМЕЙНЫЙ
ОРКЕСТР
ГРИГОРЯНОВ.**

**МИША ГРИГОРЯН—
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПТУ.**

**АРТАШЕС, ВАРАЗДАД,
АКОП (Фото 1942 г.).**

У каждого поколения свой подвиг. Каждое поколение в долгу у предшественного. Поэтому надо приобщиться к заботам своего поколения, к его подвигу, взять на себя посильную часть нагрузки, легкой на плечи всего поколения, и тогда ты сможешь, обращаясь к внукам и правнукам, повторить вслед за Юлиусом Фучиком: «И мертвые мы будем жить в частице вашего великого счастья; ведь мы вложили в него свою жизнь».

Проклятое войной поколение, к которому принадлежал и Юлиус Фучик, сполна выполнило свой долг перед человечеством, долг перед потомками и историей. И для нас священо все, что напоминает об их подвиге.

Все дальше уходит в прошлое священная война. Но не уходит в прошлое герои. Слово подсвеченные багровым заревом, возникают они в памяти тех, кто всем смертям наперекор одолел огненный рубеж, отделявший войну от мира. Взахлеб живут и трудятся Агаси Григорян и его сверстники. И, видимо, это потому, что многое еще они должны совершить. И за себя и за не доживших до победы друзей. Они еще долго не сойдут с дистанции, но дети уже приняли от них знамя, древко которого хранит тепло рук передающих его друг другу героев-знаменосцев. Лучший воспитатель — пример отца.

Как ни парадоксально, профессия Григоряна — цветовод — логическое продолжение его военной биографии. Именно на войне он понял, что любить свою землю — это не только защищать ее, но и украшать. А для земли нет лучшего украшения, чем цветы и деревья.

Не так легко это делать на их высокогорном ширакском плато, которое называют «армянской Сибирью».

С детства знает он, сколько трудов требует каменистая эта земля. Ведь он вырос в маленькой деревне неподалеку от Лениакана. Окончил десятилетку и был самым грамотным в семье. Поэтому именно его, самого младшего, поставили командиром отделения.

Смотрю на горы, обведенные зарей, а вспоминается...

За оврагом, в глубине которого, картаво пришепывая, пересчитывает камешки ручей и ни в какое время дня не расходятся сумерки, разметались широкие дворы выселка, приписанного на правах бригады к колхозу «Красная нива».

Крепкие, не на одну жизнь рубленные дома глядят во все окна на единственную улицу. А над ней чертят в небе затейливые письмена стрижискорописцы. А на ней светловолосая женщина добрым грудным голосом

скликает цыплят, и они желтыми комочками подкатываются к ее загорелым ногам. И в просвете между домами, за капустными грядками, за самородными лугами, за дымкой, прозрачно-сизой, словно налет на сливе, по кромке небосклона зыбится лес.

— Туда городские приезжают отдыхать. Они не так за грибом или ягодой стремятся, как за тем, чтобы побыть на природе — в лесу, в тишине. Палатки раскинут и все лето живут, — с завистью не с завистью, но сочувствуя самому себе, говорил, помнится, мой спутник. Ему, деревенскому, непозволительно такая роскошь. Красное лето — соленый труд.

Владимиром Кашириным — вот как зовут моего спутника. Когда мы с ним познакомились, было ему двадцать семь, но должность он занимал вторую после председательской — колхозного агронома. Это вынуждало его прятать молодую застенчивость за степенную обдуманность речи.

Познакомиться с Кашириным мне посоветовал председатель «Красной нивы» Владимир Михайлович Никитин.

В легкий и ясный денек сидели мы с Владимиром Михайловичем на бревнах, сваленных у дороги.

— Раньше было что главным? — рассуждал председатель. — Сыт, пьян да нос в табаке — вот тебе и крестьянское счастье. У кого щи наваристой, тот и счастливей. О достатке в первую голову и думали те, кто сорок лет назад собрался вместе. Верили: раз одно поле, одно солнце, один колхоз на всех — не успеют отдышаться, как их «Красная нива» и на самом деле будет красна избытием. А оказалось, когда недорогие люди поджигают хлеба — было однажды такое, — нива при пожаре тоже отсвечивает красным. И от крови краснеет земля. Кто воевал, знает, как это бывает.

Никитин, помнится, замолчал, поправил здоровой рукой сползший с колена протез, заменяющий ему другую руку, и обронил негромко, будто припомнив чего-то:

— Большая война — большая беда... Однако разве могут люди пустить в распыл свое — незаемное, кровное? — Председатель опять помолчал и продолжил после вздоха: — Что хорошо кончается, то и хорошо. Выбились наконец к достатку. Но для этого понадобилось, чтобы подросли дети, чтобы на помощь подросли дети детей. Молодые грамотнее нас. Потому и открылся для них широкий простор. Время такое. Ответственность за прогресс берет на себя молодежь. Ты бы познакомился с Владимиром Кашириным. Размашистый человек. Занял он должность агронома

в двадцать два года, еще не окончив института. И много успел за это время.

Вот так, по подсказке Владимира Михайловича Никитина, попал я на заворающий выселок и нежданном гостем нагрелся к Кашириным.

Владимира дома не было. Как объяснила мне Софья Ивановна — мать Владимира, — трудно сказать, в какой он бригаде, в какой стороне. Может, на раскорчевке, где захламляют кустарники, а может, клевера пошел смотреть.

А потом мы сидели в чистой половине дома Кашириных, обыкновенного деревенского дома, где в красном углу под божицей телевизор, где напротив никелированной кровати, украшенной блестящими шариками, высокая этажерка, на которой вперемешку — журналы, бумаги, «Фрегат «Паллада», «Основы агрономии», «Шаги по росе», «Бухгалтерский учет», а на стене почти под самым потолком — так принято, — фотография «стариков» в молодости.

— У него отец был настоящий плотник, — налегая на «о», припоминала Софья Ивановна. — Затеял он и наш дом переделат, да мало мы пожили. Три года всего. Перед самой войной его в армию забрали. Он уехал 7 апреля, а Володя родился 17 мая. Отец его и не видел...

Тут я заметил: выкатилась на материнскую щеку бисерная слезинка, потом еще одна.

— Тяжело... Ведь отправляли не на войну. В апреле все спокойно было — никто и не ревел...

Софья Ивановна прижала платок к глазам, а когда отняла его, веки покраснели — горячие ободки вокруг глаз.

Была война, и враг подошел к самой Волге. В их деревне не было слышно разрывов, но когда ночное небо ломали на куски безобидные громы, Володя испуганно прижимался к худенькому плечу старшей сестры Зины.

Война... если не знаешь по себе, что это такое, все равно слово это вселяет в сердце безотчетный страх.

Заломив руки, плакала навзрыд соседка тетя Глаша, получившая похоронную. Это была война.

Скрипела самодельная коляска под безногим солдатом. Это была война.

В последний раз всхлинула и гасла копилка. Это тоже была война.

Но особенно жутким, до боли жутким стало слово «война», когда в дом Кашириных почтальонша, выждав, чтобы мать ушла на ферму, принесла извещение. В феврале сорок второго отец пропал без вести. Сколько их, пропавших без вести, возвращались потом в обезлюдившие, износившиеся до нитки, голодные села. А Володин отец не вернулся. Пропал, как в воду канул.

Лишь остался на фотокарточке. И Володя запомнил этот образ отца с фотокарточке, потому что никогда не видел отца в жизни.

Хлопнула входная дверь, зазвучали шаги в сенях, запели половицы на кухне. Я вопросительно посмотрел на Софью Ивановну.

— Он, — подтвердила она, — Явился — не запылится.

В горницу вошел загорелый, темный от пыли молодой мужчина. Протянул руку, будто старому знакомому:

— Давно ждете?

У Владимира серые глаза. Того же цвета были глаза отца, пропавшего в сорок втором. Подумалось: не глазами ли сына глядит на мир колхозный плотник Леонид Каширин? Если это так, тогда спокойно спится ему в безымянной могиле, — сын стал взрослым, сын доведет до конца дело, начатое отцом, сын понимает, что молодость дается человеку не для того, чтобы он под старость, сидя на завалинке, поминал события, очевидцем которых был, а для того, чтобы, разумно выбрав поле деятельности, быть вершителем незабываемых событий.

— Конечно, будущее за молодежью, — говорил мне Володя. — Но и пожилых сбрасывать со счетов не следует. У нас, молодых, — знания, у пожилых — опытность. А если объединить опытность и знания — можно планировать успех. Это как в древнем столбе. Нижуются год за годом на сердцевину кольца — крепнет, набирает силу дерево. Не так ли и между людьми?

Агаси было 19 лет, когда произошел тот неравный бой, после которого от семейного отделения осталось шестеро. А через день был ранен и командир. Его отправили в госпиталь, а оставшиеся в строю с войсками Закавказского фронта пошли дальше — на Ставрополь и Армавир. На Кавказе, в братской могиле, похоронен Егис. Где-то неподалеку от того самого Бахсанского ущелья, о котором поется в песне военных лет: «Помнишь, товарищ, белые снега, стройный лес Бахсана, блиндажи врага, помнишь гранату и записку в ней на скалистом грёбе для грядущих дней?»

От Егиса не осталось ни писем, ни записок. Есть только фотография в семейном альбоме: солдат средних лет в красноармейской пилотке и гимнастерке с петлицами.

Письма с фронта продолжали идти в семью Григорянов. Последнее пришло из Берлина от Арташеса. Внук Арташеса 12-летний Арташес помнит его наизусть: «Весна в Берлине совсем непохожа на нашу. Думаю, что не задержусь. Нас будет немного мужчин в доме. Но

МЕЛИКСЕТ ГРИГОРЯН — КАМЕНОТЕС.

**БАРСЕГ ГРИГОРЯН —
БОЕЦ ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ.**
(Фото 1944 г.).

**АРТАШЕС — ВНУК АРТАШЕСА.
ПОГИБШЕГО ВЕСНОЙ 45-го.**

мы все сможем. Только бы домой поскорей...»

Висит на стене увеличенная фотография Арташеса: сержантские погоны, на груди — орден Славы и две боевые медали. Еще несколько дней — и он увидит бы знамя над рейхстагом. Дети его до сих пор пишут во все концы, разыскивая боевых товарищей отца.

Осталось лишь несколько человек, которые знали Мкртича. Не по фотографии, а таким, каким он был в жизни. Но никто в этой огромной, с каждым годом разрастающейся семье не может успокоиться, потому что еще не найдена его могила. Мкртич погиб где-то в Восточной Пруссии.

Время не залечивает раны. От ран вскоре после войны умер отец Агаси. Время не успокаивает и память. Потому-то ее, наверное, и называют вечной.

Шумят на проспекте Победы двенадцать седых тополей. Слой за слоем — по

слою в год — наматывается на ствол древесина. По спирали — в круговую и вверх — вот как движется время, по которому живут деревья. А люди?

Агаси под шестьдесят. Но седины у него не больше, чем у сорокапятилетнего. Если же она бросается в глаза, так это потому, что волосы у него смоляные. Здоровьем он не обижен. Только вот в последнее время сердце стало побаливать. Особенно по ночам.

По-латыни «память» — «рекордаре», от слова «корда» — «сердце». Именно сердце древние римляне считалиместилищем памяти. С годами все больше и больше на сердце Агаси груз памяти. Он не боится перегрузок. Он хочет, чтобы его услышали сыновья, внуки и внуки внуков. И они отзываются на этот зов. В мирное время по-мирному.

Случилось так, что вышла из строя отопительная система в оранжерее.

Случилось это ночью. В самый мороз под угрозой оказалась жизнь цветов — роз, гладиолусов, гвоздик, астр. Когда в доме главного цветовода города Агаси Барсеговича раздался тревожный звонок дежурной, тут же, как по команде «Тревога!», поднялись все мужчины — братья и сыновья. Всю ночь жгли костры и факелы, согревали цветы...

Действительно, эти мужчины все могут.

*Могут построить дом.
Могут вырастить дерево.
Могут воспитать детей.*

И они, их дети, знают: любить Родину — значит уметь украшать ее. Значит уметь защищать ее.

ВЕЧНОЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО ПАМЯТИ

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Иван ПАДЕРИН,
писатель,
ветеран
Великой Отечественной
войны

Я часто бываю в дорогах моей памяти и сердцу города-героя Волгограде и Одессе. В последний раз город у моря встретил меня еще на перроне вокзала проливным дождем. Я добрался уже до гостиницы, а он все не унимался и шел еще несколько часов непрерывно, пока я отдыхал с дороги. Мне уже было больше неумогию находиться в номере, и я, увидев, что небо над городом постепенно проясняется, наполняясь мягким, трепещущим светом, обещающим раду, взял плащ и вышел на улицу. Я направился в излюбленное место одесситов и приезжих — городской парк, целым кварталом раскинувшийся по берегу моря и утопающий в зелени знаменитых одесских акаций.

Был обычный рабочий день, гуляющих в парке было немного, и я скоро ступил на широкую аллею, в конце которой возвышался обелиск. Солнце, совсем недавно таившееся за тучами, уже вовсю освещало его мраморную твердь, и я, влекомый давно живущим во мне чувством святости всего, что связано с войной и памятью о ней, направился к обелиску. Подойти и положить к его подножию букетик цветов мне не удалось, так как я был остановлен девушкой в матросской форме. Вслед за ней на аллее появились четверо ее товарищей в такой же форме — двое ребят и двое девочек — и с автоматами на ремне. Они шли, печатая шаг, торжественно и строго, по направлению к обелиску, по обе стороны которого стояли, застыв в почетном карауле, словно скульптуры, их товарищи. Едва новый караул заступил на свою торжественную вахту, зазвучал «Реквием» Дмитрия Кабалевского, в музыку которого вплетался мужественный и скорбный голос, зовущий и заклинаящий: «Помните... Помните... Помните...»

Все, кто собрался перед обелиском и наблюдал церемонию смены караула, склонили головы, объединенные в этот момент невидимым таинством вечной скорби о защитниках этого города, отдавших за него свои жизни...

«Неизвестному матросу» — золотилась надпись на обелиске, перед которым струилось почти невидимое в солнечном свете пламя Вечного Огня. Этому священному Огню не может быть помехой ни дождь, ни снег, ни сырой морской ветер, так часто пронизывающий город, как не могут быть они помехой ребятам-школьникам старших классов Одессы, несущим почетный караул у Поста № 1 на аллее Славы. Этот Пост — неотъемлемая примета города, ставшая его прекрасной и благородной традицией.

Попасть в этот почетный караул не так-то просто — среди школ города идет постоянное соревнование за право выставить свой наряд к обелиску, и только лучшим из лучших пионеров и комсомольцев школы-победительницы доверяется встать часовым у Вечного Огня.

Я еще долго стоял в стороне и наблюдал за теми людьми, что пришли к обелиску так же, как и я, по велению своего сердца. Были среди них бывшие солдаты, не знавшие слез в самые суровые часы жесточайших битв и потерь, — сейчас они неподвижно стояли перед обелиском и плакали, не стесняясь своей по-человечески понятной слабости...

Были среди них молодые матери с ребятами, которые только что носились по парку, а сейчас, приблизившись к памятнику, притихли, почувствовав своими детскими сердечками всю значительность и величие происходящего. Не скрою, больше всего я радовался за этих ребятшек: в те минуты они получали — я уверен — на всю жизнь хороший заряд нравственного воспитания, ибо торжественный ритуал у памятника «Неизвестному матросу» не может не оставить глубокого следа в душе подростка, в его отношении к миру, к тем традициям, которые ему предстоит свято беречь и приумножать.

Традиции — отзвук истории народной в сердце, в судьбе молодого поколения. Заложенные с детства, с юности, они крепки в сегодняшних молодых гражданах нашей страны, как крепки корни могучего дерева, выросшего под грозами и ливнями.

Я предвижу, что может найтись кто-нибудь, кто задаст вопрос: а почему, собственно, им, сегодняшним молодым, у которых и на своем счету достаточно славных, полезных стране дел, надо оглядываться назад? Потому, отвечаю я, что традиции — это не какая-нибудь формальность, а своеобразные проводы, по которым, словно кровь по жилам, им, молодым, передается от предыдущих поколений порыв, энтузиазм, инициатива. Потому что традиции — это связь времен, нерв истории. Как сказал поэт: «Дорогу делает не первый, а тот, кто вслед пуститься смог: второй, — не будь его, на свете тогда бы не было дорог».

Перед комсомольцами и молодежью сегодня стоят задачи несравненно масштабнее, значительнее, чем перед предшествующими поколениями, и потому так важно им не растерять того азарта, порыва и инициативы, которыми побеждали время комсомольцы 20-х, 30-х, 40-х и всех последующих поколений.

Эту преемственность и нерасторжимость традиций отцов прекрасно демонстрирует такая масштабная акция Ленинского комсомола, как продолжающийся уже много лет Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа — поход, ставший самым массовым патриотическим движением молодежи.

Разве не символично, что на последнем слете

победителей похода в Иваново в латышской делегации был комсомолец Янис Берзиньш — внук красного латышского стрелка Петериса Берзиньша, активного участника гражданской войны! Не только сыновья, но уже и внуки продолжают традиции своих отцов и дедов!

Разве могло не забиться сильнее мое, участника Сталинградской битвы, сердце, когда я прочитал строчки из сочинения одного волгоградского школьника, в которых он так выразил свое и своих школьных товарищей отношение к походу: «Этим летом мы все жили одной целью — как можно лучше, как можно тщательнее выполнить нашу задачу: пройти маршрутом героев Сталинградской битвы и доказать, что мы, комсомольцы 70-х, имеем право встать рядом с Павкой Корчагиным, Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым!»

Мне думается, что для миллионов пионеров и комсомольцев, участвующих сегодня в походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, это не просто возможность интересно и дружно провести летние каникулы, это прежде всего — причастность к героическому прошлому страны!

Это — счастье испытать себя в настоящем деле и поверить в свои силы!

Это — школа настойчивости и упорства!

Это — прекрасная школа коммунистического воспитания!

Словно яркий луч света, в деталях и подробностях высвечивает поход разные периоды нашей героической истории. Его маршруты протянулись там, где в далеком семнадцатом году рабочие Москвы строили баррикады и бросались в атаку, где пролегла первая колхозная борозда и поднималась плотина Днепрогэса, где неуязвимой славою покрыли себя солдаты и партизаны минувшей войны.

Помню, на уроке мужества в Славяногорской средней школе — мне очень по сердцу, что вот уже несколько лет день 1 сентября в школах страны традиционно начинается уроками революционных традиций, уроками мужества, — ребята попросили рассказать им о первых днях войны, о тех днях, когда перед каждым встал один вопрос: как помочь Родине в трудные дни военного урагана? Меня война застала в Новосибирской области, где я был секретарем райкома комсомола. Как только весть о начале войны дошла до нашего рабочего поселка Купино, у райкома стали собираться комсомольцы — многим из них тогда не было еще и 18 лет. Они пришли, готовые немедленно отправиться на фронт.

У военкомата, помню, вместе с мобилизованными толпились и мальчишки, ремесленники, вчерашние школьники. Им сразу отказывали: «Идите домой, ребята. Малы еще». Одни, получив отказ, шли домой, другие — в соседние пункты записи добровольцев, кое-кто даже подделывал год рождения в метриках, упрашивал зачислить их в ополчение. Так или иначе,

**«ЗАРНИЦА» ЗАКОНЧИЛАСЬ!
«ЗАРНИЦА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ!**

они добивались своего — все, с кем встречался по комсомольской работе, воевали на фронте. Только вот не всем посчастливилось вернуться домой...

Рассказывая все это ребятам, я видел, сколько было передумано и пережито ими в эти минуты! Они словно соединялись с прошлым, словно опирались на него, чтобы глубже понять себя, оценить свою силу и свою способность к подвигу.

В этой школе я бывал не раз. В ней стараниями пионеров и комсомольцев создан Музей боевой славы моей родной 62-й армии, в составе которой я воевал всю войну и вместе с которой праздновал нашу Победу в Берлине. Ребята собрали бесценные материалы. Здесь письма с фронта и письма на фронт. Фотографии и личные вещи фронтовиков. Газеты и боевые листки. Протоколы партийных и комсомольских собраний. Заявления бойцов с просьбой принять их в ряды коммунистов, написанные перед решающим боем.

Видя, с какой бережностью хранятся в музее эти бесценные реликвии, я проникаюсь чувством огромной признательности этим ребятам за их поистине подвижническую работу, благодаря которой память о выпавших на нашу долю тяжелых испытаниях и победах никогда не померкнет.

А разве не заслуживает низкого поклона ветеранов тот порыв, с которым сегодня многие студенческие строительные отряды в буквальном смысле слова по-коммунистически — без всякого вознаграждения, в свободное от работы время — воздвигают мемориалы памяти своим погибшим ровесникам. В Смоленске я познакомился со студентами педагогического института, которые два года назад возвели на окраине маленького городка Велиж прекрасный мемориал тем парням этого городка, которые ушли в 41-м на фронт и, как оказалось, навсегда — вместо них матерям пришли похоронки. На крутом склоне у реки отныне стоит обращенный к городку скромный — не из мрамора и бронзы, а из железобетона, на кирпичном пьедестале — памятник. Виден он людям со всех сторон, и все лето до глубокой осени полыхают у его подножия цветы на клумбах. Мне он представляется таким же величественным памятником участникам минувшей войны, как известные всей стране, всему миру мемориальные ансамбли.

Все меньше и меньше остается на нашей земле отметин войны. Затянулись, словно шрамы на теле, поросли травой рвы и траншеи в лесах, колосятся на месте былых кровавых сражений сочные нивы, на бывших пепелищах отстроились города и поселки... Корни памяти народной теперь — в наших сердцах, где полыхает она, эта память, Вечным Огнем. И еще — в славных делах и инициативах комсомольцев и молодежи, идущих дорогами Всесоюзного похода. Вот лишь несколько таких дел:

— молодые ленинградцы установили 464 памятника погибшим воинам, открыли 1483 общественных музея, 58 тысяч юношей и девушек занимаются

шефской работой среди ветеранов и инвалидов войн;

— в Волгоградской области проводится операция «Красное знамя». Комсомольцы собирают исторические материалы, посвященные каждому из 12 тысяч советских воинов, чьи имена золотом начертаны в Пантеоне на Мамаевом кургане;

— члены военно-патриотического клуба «Сокол» на Новгородщине поставили восемьobeliskов, ведут запись воспоминаний ветеранов Волховского фронта. Записи эти — пусть скромный, но очень дорогой вклад в создание Книги общенародной памяти, которая переживет века;

— в Оренбургской области участники похода создали 3 тысячи музеев, комнат боевой и трудовой славы, открыли 56 памятников,obeliskов, мемориальных плит в память об участниках гражданской и Великой Отечественной войн;

— а сколько матерей, благодаря красным слепопытам, через десятилетия нашли могилы своих сыновей, братья — сестер, однополчане — друзей, которых они считали без вести пропавшими...

Таких примеров тысячи!

На моем рабочем столе много, особенно сейчас, в канун 35-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, писем от пионеров и школьников, студентов и рабочих. В каждом из этих писем — волнующий рассказ о встрече ребят с войной, с мужеством отцов.

«Совет музея «Подвигу жить!» и поисковый отряд «Орленок» средней школы № 33 г. Запорожья изучают боевой путь 79-й гвардейской четырежды орденоносной дивизии, освобождавшей запорожскую землю от врага. Мы разыскиваем тех героев-воинов, кто сражался за наш родной город, собрали уже много документов и фотографий, фронтовых реликвий», — сообщают запорожские слепопыты и просят прислать воспоминания о тех далеких для них, но святых событиях.

Вот письмо с острова Сахалин — с такого далекого края земли нашей — от членов слепопытского клуба «Поиск», созданного в средней школе села Троицкое. «Двенадцать лет существует наш клуб, — сообщают ребята. — Мы активно участвуем во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, ведем переписку с сахалинцами — участниками минувшей войны, с красными слепопытками разных городов страны. Почетными членами клуба являются Борис Полевой, Алексей Маресьев и многие другие ветераны войны. Их письма учат нас свято хранить память о героях, жить и учиться так, чтобы быть достойными защитниками Родины».

Огромно желание ребят узнать о жизни и подвигах тех, кто грудью своей заслонил страну от врага. Ребята вообще любопытный народ. Но здесь любопытство особого рода — им, молодым, надо знать все о том, какие животворные токи, какие нравственные начала помогли их дедам и отцам выстоять и победить. Им это надо знать, чтобы самим походить на тех героев.

Так павшие герои и сегодня помогают нам, живым. И прежде всего им, сегодняшним молодым гражданам страны, продолжающим дело дедов и отцов.

Всего два письма из своей почты я процитировал, но и они убедительно свидетельствуют о том, что слепопытское движение пионеров и комсомольцев стало географически огромным и необъятным. Ребята из Троицкой школы Сахалина сообщают, что не они одни, а все школы области участвуют в патриотической поисковой работе. И это на Сахалине, земля

которого никогда не содрогалась от взрывов бомб! Поистине движение — единый могучий поток, сплавляющий молодые сердца одной целью — прикоснуться к подвигу!

Сегодня на нашей земле мир. Никому не надо рисковать своей жизнью. Не надо подниматься в атаку, отрывать от земли, к которой только что так доверчиво прижимался щекой. Но мы, люди старшего поколения, ветераны войны, уверены, что сегодняшняя молодежь и комсомольцы не только свято чтут имена погибших и живых героев минувшей войны, но и сами, если потребуется, способны проявить мужество и стойкость. Разве не пример тому жизнь 18-летнего рязанского комсомольца Александра Мерзлова и подвиг, который он совершил в мирные дни? Мой друг, замечательный советский писатель Константин Симонов не случайно поставил его в ряд с героями минувшей войны. «...В поступке Мерзлова, — писал он, — есть нечто, ставящее его в моем сознании в один ряд с солдатами, заставляющее думать о нем, как о человеке, не только готовом первым броситься в огонь, спасая свой трактор, но и при других обстоятельствах готовом первым подняться в атаку».

Мне кажется, что подвиг Александра Мерзлова стоит в одном ряду с подвигом тех солдат, что бросались в весенние апрельские дни 1945 года на штурм последнего оплота фашизма — рейхстага. Их и Сашу вела одна убежденность, одна целеустремленность, одно неукротимое желание победить, одно бесстрашие!

Я вспомнил весну, и мне воочию видится Одесса апреля 1944 года, ее улицы, по которым наш 220-й гвардейский полк первым ворвался в город. И вспоминаются почему-то не прекрасные белоснежные здания, превращенные в развалины, в нагромождение камня и кирпича, а вывороченные из земли с корнем многолетние одесские каштаны, растерзанные в щепы и обгоревшие пирамидальные тополя, почерневшие от гари и пороха и поникшие ограды из акаций.

Да, деревья воевали вместе с нами, прикрывая своей мощной кроной партизанские отряды, вставая непроходимой преградой перед наступающей пехотой противника. Они, деревья, тоже, наверно, миллионы полегли в минувшей войне. Все, что было возможно, мы восстановили: встали из руин города, села, заводы, фабрики, плотины. Страна наша стала сегодня как никогда богата и могуча. Но и внешне она должна быть самой красивой в мире!

У нас стало уже доброй традицией отмечать приход весны закладкой садов и парков, скверов и аллей. В этом году весна особая — это 35-я весна нашей Победы. И как прекрасно, что Ленинский комсомол решил отметить ее приход созданием Всесоюзного комсомольского парка Победы!

Пусть же каждый школьник и рабочий, студент и учащийся ПТУ выйдут в эти майские дни на улицы своего города, села или рабочего поселка и с любовью посадят в землю по одному деревцу. Пусть пионеры и октябрята бережно ухаживают за старыми деревьями-ветеранами, подсаживают к ним свои, новые и новые деревца. Они со временем наберутся сил, подтянутся и превратятся в прекрасный вечнозеленый мемориал памяти о тех, кто отстоял жизнь на земле в сражении с фашизмом.

Помните: «Идет — гудет Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум! Как молоком облитые, стоят сады вишневые, тихоонько шумят...»

Пусть же гудит на нашей земле Зеленый Шум! Этот Шум — никогда не затухающее движение Жизни!

КОМСОМОЛЬЦЫ — УЧАСТНИКИ ВСЕСОЮЗНОГО ПОХОДА ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА СЛУШАЮТ РАССКАЗ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ.

ПА

МЯТЬ МАТЕРЕЙ

Нет, неизбежно горе. И боль, привычная, непреходящая, нестихающая. Боль утраты, которую не восполнишь. Боль по сыну, по дочери, которые не вернулись к матерям. Миллионы погибли на войне. Остались в земле и в сердцах наших, да еще на фотографиях. Остались такими, какими ушли,—молодыми и сильными. И 35 лет им ничем, не берет их старость.

А лучше бы брала, лучше бы старели они вместе с теми, кому посчастливилось остаться живыми. Тогда бы среди детей, играющих за нашими окнами, могли бы бегать его дети, дети нашего солдата. И визанка дров не давила бы на плечи одинокой матери, ведь ее принес бы он. Он бы поправил покосившийся плетень и убрал виноград. А как он умел смеяться и петь. Каким был добрым и ласковым... Был.

Больно. Особенно весной, когда расцветает новая жизнь. Но останься он тогда, в 41-м, дома—могло не быть этой весны. И смеющихся детей за окном тоже могло не быть. И тополей. И еще очень многого. А они есть. Значит, и он есть. Он во всем продолжении жизни, в каждом новом звуке и побеге, в каждом ее творении. Только с матерью его нет. И поэтому больно. Особенно весной.

РАИМ ФАРХАДИ,

лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

ЖДУ ТЕБЯ ВСЕГДА

— Сколько матери?
— Девяносто лет.
Жизни нет уже,
Но и смерти нет.
Пламя белое.
Черный камень плит.
Сына ждет она.
У огня стоит.
Клок седых волос
Вьется на ветру...
Говорит она:
— Не дождусь, умру.
Годы-волны мчат.
Камни здесь молчат.
— Где ты, мой сынок,
Удалой солдат?
Запылал закат
И вдали погас.
Скорбной матери
Слушаю рассказ.
На ее плечах—
Ночь, как будто шаль.
А в ее глазах—
Вековая даль...
Вот над зыбкою
Песнь поет она.
А в окне—луна.
Да шумит сосна.
Колыбельная,
Колыбельная—
Не шуми, сосна
Корабельная!

— Первой дочь была.
А вторым был сын.
Дочь—помощница.
Гордость—он один.
Муж в тридцатом пал
От кулацких пуль...
Сын—лицом в отца.
Воспитать смогу ль?
Кончил школу сын.
Час войны настал.
Каково ему,
Коль горит металл.
Там и тут война...
Где сынок теперь?
Тишина страшна.
И не скрипнет дверь...
Сын всего один.
Похоронок три.
— Так-то,—скажет мать.—
Ну-ка, посмотри.
Это первая.
В ней лихим пером:
Мол, погиб ваш сын
В битве под Днепром.
Получила я
То письмо зимой.
А весной пришло
От сынка письмо:
«Мама, я—живой!
Вышел из огня.
Я вернусь домой.
Мама, жди меня!»

А война была,
Ох, огромная.
Вслед вторая шла
Похоронная.
Похоронка вот.
Сорок третий год.
Ей не верила.
Вновь письмо придет.
Двести дней прошло.
Отозвался сын:
«Мама, я живой!
Будем брать Берлин!»
Гордо шла тогда
Улицей села.
Говорила всем:
«Я права была—
Я не зря ждала!..»
Ах, лихая весть,
Как тебя известь?
Заслонила день
Птица темная—
Следом третья шла
Похоронная.
Пожелтел листок.
Руки все ожег.
Мать ждала и ждет,
Что придет сынок.
Долго плакала.
Больше нету слез.
Вот последнюю
Ветер в степь унес.
Укоряла дочь:

— Перестань-то ждать.
Не терзайся, мать.
Дом починит зять.
Похоронки три.
Сын всего один.
Из окна глядит:
Не идет ли сын?..
Фотография
В рамке у трюмо.
«Отзовись, сынок,
Напиши письмо...»
Запылал закат
И во мгле погас.
Скорбной матери
Слушаю рассказ.
Все ей кажется,
Что идет война.
Сына ждет она.
Сына ждет она...
В доме тишина.
И не скрипнет дверь.
Только сердце ей:
— Сын вернется, верь.

Сколько лет ждала.
Снова будет ждать.
Не устанет ждать
Потому что—Мать.
Кем она была?
Просто матерью.
Стала женщина
Вечной Памятью.

И все-таки жила надежда, не гасла! Наперекор всему верилось, что отыщется след, откроется имя человека с лейтенантскими кубиками в петлицах и простреленным виском. Верилось, хотя порой казалось, что легче найти иголку в стоге сена, чем отыскать этот след...

Коротко напомним читателям то, что уже писалось в двенадцатом номере «Смены» за прошлый год. В редакцию из Ростова-на-Дону пришло письмо от М. И. Ревякиной. Письмо лаконичное, в полстранички. Не вдаваясь в детали, она писала, что в конце войны, будучи военным врачом, по пути в Магдебург подобрала на дороге две фотографии. Долго хранила их у себя среди фронтовых реликвий, но теперь решила с ними расстаться. Она ничего не просила, не предлагала, но от одного взгляда на фотографии становилось ясно, что, отправляя их в Москву, она нерушимо и свято верила, что слова «никто не забыт и ничто не забыто» у нас в стране не просто слова.

Фотографии любительские, маленькие, с зубчиками по краям. От одной фотографии словно веет гибельным пороховым дымом... Среди развороченных глыб, на дне окопа или воронки от авиабомбы уткнулся в землю лейтенант с залитым кровью лицом, за его спиной, запрокинув голову, лежит убитый молоденький боец.

На обороте еле заметны следы карандашных надписей на немецком языке. По просьбе редакции эти надписи прочитали во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертиз, и вот что выяснилось.

В первый день войны некий унтер-офицер Франкхауз сфотографировал где-то на западной границе начальника погранзаставы, который отстреливался, сколько мог, от наседавших фашистских солдат, а последнюю пулю послал себе в висок (немецкий унтер-офицер невольно отдает дань уважения советскому командиру: «Он не сдался живым и застрелился на наших глазах»).

Кто же он, этот человек, который предпочел смерть плену? Как его звали? Где тот дом, где может быть, еще ждут вестей о нем?

«Кто ты, товарищ лейтенант?» — так и называлась та прошлогодняя публикация в «Смене». С таким вопросом редакция обратилась ко всем своим читателям в надежде, что найдутся люди, которые помогут установить имя героя и продолжат рассказ о нем.

И случилось то, что должно было, что не могло не случиться!

Журнал с очерком и снимком попал на глаза человеку, который, кажется, остался единственным из живых людей, способных сразу, с первого взгляда опознать обоих: и лейтенанта и лежащего за ним убитого бойца.

Минчанину Николаю Григорьевичу Рослякову шестьдесят лет. Несмотря на ранения, полученные в годы минувшей войны, чувствует себя крепким, на здоровье не жалуется. Да вот врачи придираются, заставили лечь в больницу для обследования.

Сестра внесла в палату пачку свежих газет и журналов. Он потянулся за «Сменой», полистал... Через минуту испуганная сестра выгнала врача. Когда Росляков пришел в себя, то обещал лежать спокойно, попросил только чистой бумаги для письма и, не вставая с постели, писал чуть ли не до утра...

Потом, много дней спустя, Николай Григорьевич скажет:

— Ты извини уж за почерк. Понимаешь? Как взглянул тогда на снимок, так словно в сердце ударило. Мужик-то я, в общем, крутого замеса, вологодский. За войну горя повидал, нахлебался им по горло. Думал—повыжгло из меня влагу. А тут пишу, а глаза застил... И будто стоит передо мной хлопцы нашей заставы. Как живые.

Письмо Н. Г. Рослякова обширное. Подробно, с деталями описывает он свою жизнь. Коснемся только той ее части, где она переплеталась с жизнью людей, заснятых в смертный их час немецким унтер-офицером.

«...Я их сразу узнал! Это начальник четвертой погранзаставы Богуна, а за ним убитым лег заместитель политрука, комсорг первой комендатуры. Звали его Паша. Фамилию, к сожалению, не помню, выбило из памяти. Но это он! Я был на заставе секретарем комсомольской организации и часто с ним имел дело. Он прибыл к нам дня за два до начала войны вместе с другими пограничниками из комендатуры и штаба отряда. Я тогда еще удивился, почему на нем гимнастерка без знаков различия

ЛЕЙТЕНАНТ ВОЗВРАЩАЕТ

в петлицах, без треугольничков. В этой гимнастерке он и лежит!

Теперь о Богуна. Он раньше служил где-то на Украине. Все мы, пограничники этого погранотряда, собрались из разных частей. Меня самого по комсомольскому набору призвали в погранвойска в 1938 году, считался я тогда шибко грамотным: работал до призыва бухгалтером в колхозе. Принимал участие в освобождении Западной Белоруссии, а в 1940 году был переведен в погранотряд, штаб которого стоял в литовском городе Таураге, недалеко от границы с Восточной Пруссией. Сначала служил при штабе, но после Нового года отправили меня на четвертую заставу, к Богуна. Ему тогда было лет тридцать. Строгий был командир, требовательный, но терпел ни малейшего беспорядка, но умел расположить к себе бойцов-пограничников, за что мы все его любили. Сам был всегда подтянутый, аккуратный, форма на нем сидела, как литая. По всему видать — кадровый военный. Обожал лошадей, верховую езду, носил всегда шпоры. Незадолго до войны привез на заставу свою жену, кажется, она была учительницей, и годовалого ребеночка. Красивые они были — Богуна и его жена, высокие, стройные, оба черноволосые. Любо было на них глядеть, и всякому было ясно, что уважают они друг друга очень. Даже имена у них были похожие, вот только не могу вспомнить, какие...

А время было тревожное. Дня не проходило без нарушений границы. То ломилась через рубеж какая-то нечисть с оружием, то летали над головой самолеты с черными крестами. Застава располагалась в двух деревянных домах хутора, покинутого жителями. С трех сторон к ней подступал лес, и только с правого, открытого, фланга в 500—700 метрах проходило шоссе Тильзит—Таураге. Примерно за неделю до начала войны приняли дополнительные меры по обороне заставы, отрыли окопы полного профиля, в лесу устроили завалы, а на правом фланге вкопали противотанковые надолбы из сосновых бревен.

Вечером 21 июня на заставе прозвучал сигнал боевой тревоги. Лейтенант Богуна сообщил перед строем, что ночью или утром возможно нападение фашистов. Приказ — немедленно занять круговую оборону и, если начнется бой, стоять насмерть, но до подхода регулярных частей не пропустить противника в глубь нашей территории.

Рассвет мы встречали в окопах. Ровно в 4.00 по заставе дважды выстрелили из оружия. И началось!

Мгновенно все пришло в движение. В сплошной гул слились рев моторов, выстрелы, лязг танковых

гусениц. По шоссе ринулись танкетки и мотоциклы. Это пошла немецкая разведка. За ней плотными колоннами двинулась мотопехота. Несмотря на значительное расстояние, наши станковые пулеметы сразу же ударили по шоссе, и мы все видели, как полетели в кювет первые подбитые мотоциклы. А между тем из леса по всей ширине фронта против заставы выдвинулись цепи пехоты. Фашисты шли, не пригибаясь, как на учениях, с автоматами, в касках, с закатанными выше локтя рукавами мундиров. По окопам передали команду Богуна: «Не стрелять! Подпустить ближе!» И вот когда цепи подошли метров на сто, раздалось: «Огонь!» Несколько раз подымались в атаку немцы и всякий раз, оставляя убитых и раненых, откатывались в лес под плотным винтовочно-пулеметным огнем пограничников. Среди нас царил огромное воодушевление, азарт. Мы били врага и били крепко!

От шоссе к надолбам подошли три немецких танка, открыли огонь из пушек и пулеметов. По

ЛЕЙТЕНАНТ ВОЗВРАЩАЕТ

команде Богуна к танкам, заходя с тыла, поползли со связками гранат трое пограничников. Среди них был наш общий любимец Ваня Клочков. Самый молодой на заставе, белокурый крепкий, он был родом откуда-то из-под Иванова и служил по первому году. Помню, он еще рассказывал, что его старший брат был политруком во время финской кампании. Пограничники скрылись в некошеной траве, и через некоторое время раздался взрыв. Два танка вспыхнули факелами, а третий, окутанный черным дымом, стал уползать. Пограничники не вернулись, остался лежать у надолбов и Ваня Клочков!

Застава все время находилась под огнем орудий и минометов. У нас уже были потери, убитые и раненые. Одним из первых на левом фланге погиб политрук. А тут залетели два самолета, стали поливать из пулеметов и бомбить. Жарко запылали бревенчатые здания заставы. Из горящего дома выбежала с ребенком жена Богуна. Она бежала и падала, бежала и падала, а ребеночек был, наверное, ранен: на белой рубашонке ярко адело пятно. Богуна, высунувшись из окопа, что-то кричал жене, показывал рукой, и она спрыгнула в ближайший окоп. Опять в атаку поднялись немецкие цепи. Но у нас кончались патроны и горел дом, в погребе которого хранились боеприпасы. Богуна послал за ними меня и еще двух пограничников. В дыму, сквозь пламя нам удалось вытащить несколько ящиков с патронами и гранатами. Мы катались по земле, гася горящее обмундирование, и едва успели спрыгнуть в окоп, как погреб с боеприпасами взлетел на воздух. Несмотря на наш огонь, неся потери, немцы спаливали деревья, делая в лесу проходы для танков. И вот двинулись две бронированные громады с открытыми люками, из которых нас стали забрасывать гранатами. И тут я увидел такое, о чем не забуду до конца своей жизни. Немцы на правом фланге ворвались в окопы. Вытащили раненых и жену Богуна с ребенком, повели их, подталкивая автоматами. Богуна стоял от меня метров в двадцати, стоял с пистолетом в руке. Он все это видел, и лицо его, залитое кровью, было страшным...

Раздался взрыв. Меня засыпало землей. Сколько пролежал без сознания, не помню. Только когда очулся, все было тихо. На опушке у леса кто-то стонал, вдали невнятно слышалась немецкая речь. Я был сильно контужен, все внутри выворачивало, да еще пуля попала в ногу, но, к счастью, ранение оказалось сквозным. Мне удалось выбраться из окопа, уползти в лес. Здесь на следующее утро меня подобрали двое наших пограничников. Они перева-

Рakov Павел Павлович, заместитель политрука. С 23 июня 1941 года числится пропавшим без вести. Родился в 1917 году, из рабочих, окончил семилетку, член ВЛКСМ, призван в погранвойска в 1938 году. Других сведений нет. (Авт.)

² Клочков Иван Степанович, стрелок, родился в 1921 году, из служащих, окончил 9 классов, член ВЛКСМ, призван в погранвойска в 1940 году. Других сведений нет. Пока нет. (Авт.)

ВОТ ОНИ—
АНТОН И АНТОНИНА.
ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК.

зали меня, взяли под руки, помогли подняться. Кроме них, я больше за все эти годы с четвертой заставы никого не встречал, ни живых, ни мертвых, пока не увидел в журнале снимок Богуна¹.

Так вот они какие, Антон и Антонина!

Эта фотокарточка, которая была сделана вскоре после их свадьбы, хранилась у родной сестры Богуна—Марии Антоновны Горбачевой. Вместе с другой сестрой, Евдокией, она живет на Кировоградчине, в селе Протопоновка, Александрийского района. В этом селе в августе 1912 года родился Антон, а в гражданскую войну трое крестьянских ребятшек в возрасте от семи до десяти лет остались круглыми сиротами. Но изменился мир вокруг

БОГУН СЯ В СТРОИ

села в приднепровских степях, и Советская власть, представшая в нетопленной хате перед братом и сестрами в облике председателя сельрады, не дала погибнуть, накормила, обогрела. Жили трудно, но жили. Антон окончил семилетку и в 1929 году навсегда ушел из села.

Нет, он не был кадровым военным. Он окончил рабфак, в 1932 году в Кременчуге—педагогический институт. Учитель истории—человек мудрой и сугубо мирной профессии. Но он был из первого поколения, взрослого после Октябрьской революции, поколения, закаленного, как сталь. Они все видели, все понимали и потому, не теряя времени, изучали военное дело, готовясь к защите рабочекрестьянского государства. Поколение тридцатилетних, почти начисто, под корень выбитое войной.

В 1934 году Богуна призывают в армию. Он служит в течение года в Москве, сдает экзамены на должность командира взвода запаса. Спустя три года—переподготовка в Киеве, ему присваивают звание лейтенанта, с октября 1939 года начинается его служба в погранвойсках. А в промежутках между службой и сборами он преподает в средней школе № 16 Ворошиловграда, работает в районо, вступает кандидатом в члены ВКП(б), женится. Киященко Антонина Варфоломеевна жила до войны с родителями, была на девять лет моложе Богуна. В 1940 году у них родился сын.

Скупые сведения о людях, о которых не было вестей почти сорок лет. В сборе этих сведений участвовали работники Центрального архива погранвойск и Александрийского райисполкома, сотрудники органов народного образования и красные следопыты Ворошиловградского Дворца пионеров. Они, следопыты, сделали многое. Восстановили факты педагогической деятельности Богуна, отыскали людей, которые с ним работали, теперь через областную газету ищут родственников его жены. И они доведут до конца свой поиск. Все, кому доводилось заниматься розысками подобного рода, знают, что если хочешь получить точный и обстоятельный ответ, обращайся напрямую за помощью к этим мальчишкам и девчонкам из отрядов красных следопытов, ревностным летописцам и хранителям славы своих отцов и дедов.

Антон и Антонина... Всего два года отвела им судьба на любовь. И жизнь, прожитая ими вместе, похожа на песню, пропетую чистыми и сильными голосами.

Не испугавшись, Антонина с ребенком поехала к мужу на заставу, в глухой приграничный лес. В

личном деле Богуна сохранилась запись: «Объявлена благодарность за участие в задержании вооруженного нарушителя». Можно представить, что чувствовала, что переживала она в эти дни и ночи, когда начальник заставы уходил на границу, когда оттуда, из леса, доносились выстрелы.

Они назвали своего сына Валерием, в честь летчика Чкалова. Они хотели, чтобы он вырос таким же смелым и сильным. И они не знали, что ровно через год сами проявят высочайшие образцы силы духа и верности долгу.

Исчезла семья. После войны ее искали сестры Богуна, родители Антонины... Остались копии коротких ответов: «Все трое пропали без вести...» Но на бывшей границе и сегодня вам расскажут немало поразительных историй о том, как самым причудливым образом складывались судьбы людей, как в крестьянских избах, в польских и литовских семьях спасали малолетних детей погибших пограничников.

Может быть—все может быть!—фотографию Антона и Антонины разглядывает сейчас смугловатый чернобровый мужчина лет сорока, который не знает, откуда он родом и кто его родители. Но если, глядя на фотографию, на душе стало у него печально и светло, то пусть отныне хранит у себя этот журнал. Как печальную весть о том, что ни проверить, ни доказать нельзя.

След Антонины, уведенной в плен, затерялся. Но что произошло с Антоном, теперь известно. И если тебе, товарищ, захочется поклониться родительской могиле, то поезжай в литовский город Таураге. Там, на 18-м километре, слева от шоссе, под высокими старыми соснами покоится прах человека, который, быть может, был твоим отцом...

Февральский снег в Прибалтике празднично ярко, искрист. Снега в изобилии. Крепостные валы поднялись по обочинам шоссе, завалены леса. Ни проехать, ни пройти.

Но мы все же едем. На двух машинах-вездеходах с группой офицеров и солдат дважды краснознаменного погранотряда едем вдоль бывшей границы.

Остался позади тихий городок Таураге, безупречно прибранный, с белыми, словно игрушечными особнячками. Пронесется мимо могучие панельовозы, синие автоцистерны с надписью «Молоко», автобусы. 18-й километр. Слово перерезав шоссе, четко чернеют три полосы. Это падает тень от вздыбленных стальных рельсов, которыми отмечен за обочинной полосе рубеж обороны первой заставы. Свернув налево, долго идем снежной целивой, оглябая овраги и закопанные в лед речушки, пока выбираемся, наконец, к невеликому бревенчатому поселочку, где установлен памятник павшим пограничникам второй заставы. По едва приметной лесной дорожке едем к месту гибели бойцов с пятой заставы, молча, читая фамилии, стоим у обелиска... Сугробы да темные ели и сосенки с бронзовыми

стволами, выросшие за эти годы на опушке старого пограничного леса, не пускают нас туда, где вели бой третья и четвертая заставы.

Но Росляков рвется в лес, увязая в сугробах. Он осанист, крижист, по всему видно, еще силен, хотя и располнел с годами.

Пережил он на своем веку немало. После боя на заставе, пробираясь на восток, был снова ранен и попал в плен. Из лагеря бежал. Прошел пол-Германии, Польшу. В Белоруссии стал партизаном, здесь, в тылу врага, в сорок втором году вступил в партию. После войны окончил ВПШ, институт народного хозяйства, долго работал председателем райисполкома, теперь—генеральный директор объединения «Минскспивпром». Контуженный, обожженный, трижды раненый, дравшийся и штыком и голыми кулаками, награжденный боевыми и трудовыми наградами, он остался жив всем смертям назло. Но сейчас глаза его влажно блестят, дрожат губы.

У всех нас перехватывает дыхание, когда он кидается в снег и говорит негромко, словно бредит:

— Хлопцы... Где же вы, хлопцы?..

Вокруг тихо, солнечно. Снежная крупа слетает с хвойных лап, сыплется жемчугами.

Солдаты помогают Рослякову выбраться из сугробов. Они совсем молоденькие, с тонкими лицами, стройные, подтянутые. Отряхиваясь, он говорит растроганно:

— Знаете, ребята, не дай вам бог пережить то, что здесь пережили ваши отцы. Но если придется... Если придется!..

Он оборвал фразу, как отрубил. Лицо будто окаменело, и в эту минуту, наверно, видел он не заметный снегами лес. В огне и дыму, в растерзанных гимнастерках, в окровавленных бинтах, с последней гранатой и облойкой встала перед ним четвертая заставка. Не отступившая, непокоренная.

Мы уезжаем, дав слово, что еще вернемся сюда, что не останется в лесу на бывшей границе безымянных могил.

Потом в переполненном зале солдатского клуба, где было зеленым-зелено от погон, Росляков вспоминал тот бой в первый день войны и говорил о том, как опознал на снимке в журнале «Смена» своих боевых побратимов. И пограничники, офицеры и солдаты дважды краснознаменного погранотряда были первыми, кто узнал, что не сдавшийся в плен лейтенант—это лейтенант Богуна.

Они возвращаются!

Они возвращаются из обвалившихся блиндажей, разрытых случайно бульдозером, из кабин самолетов, поднятых со дна озер. Обгоревшая страничка комсомольского билета, искорененный в огне орден, записка в пластмассовом футлярчике, найденном среди истлевших останков, возвращают с войны солдат, и каждый из них под своим именем занимает место в строю бессмертных.

Да, мы все как кровными узами связаны памятью о тех, кто не пришел с войны. Это святые узы. Идет время, и у Вечного огня памяти становится на караул новое поколение.

Такого истории еще не знала—в огромной стране, от Клайпеды до Сахалина, в школах, домах и дворцах пионеров детскими почерками создается рукописная летопись, может быть, самая трогательная и правдивая летопись народного подвига. Они, эти летописцы в красных галстуках, знают, что не должно быть солдат, пропавших без вести. У каждого была своя участь, своя судьба, вот только вести о них идут долго, приходят иногда через десятки лет... Но поиск еще не окончен. И мы верим; что не завершится он до той поры, пока с кровавых полей не придет последний солдат!

От редакции: После публикации в 12-м номере «Смены» за 1979 год очерка «Кто ты, товарищ лейтенант?» мы получили много взволнованных писем. Некоторые читатели, основываясь на имеющихся у них скупых данных и пожелтевших от времени фотографиях, выражали трепетную надежду, что разыскиваемый журналом лейтенант их родственник—отец, брат, дядя... Да, и спустя тридцать пять лет после окончания войны люди продолжают искать следы своих близких, не вернувшихся в те сороковые годы домой.

Сейчас, когда с достоверной точностью установлены имена двух советских пограничников, изображенных на опубликованной журналом фотографии, редакция благодарит всех откликнувшихся на нашу публикацию, всех, кто помог установить истину. И сегодня журнал «Смена» обращается к начальнику пограничных войск КГБ СССР, генералу армии В. А. Матросову:

В списки личного состава погранвойск периода Великой Отечественной войны мы просим внести исправления и не числить больше пропавшими без вести лейтенанта Богуна Антона Антоновича и заместителя политрука Ракова Павла Павловича. Против их фамилий мы просим написать: «Погибли в бою за Советскую Родину».

¹ Из донесения командования Таурагенского погранотряда о боевых действиях в первый день войны: «...Линейные заставы также в 4.00 были подвергнуты артиллерийскому и пулеметному обстрелу с германской стороны, а пехота противника пошла на окружение застав. Завставы в это время находились в окопах и приняли бой, оказывая упорное сопротивление...»

ПА

ТРАГИЧЕСКОЙ
И МУЖЕСТВЕННОЙ
КРАСУХЕ

ОТ ЗЕМЛЯКОВ

МЯТЬ ДРУЗЕЙ

Молчаливым бессменным дозором от края до края земли нашей встали обелиски. Сыновьям и дочерям Отчизны нашей. Одно имя у многомиллионной рати — солдаты. Солдаты Великой Отечественной, павшие за Родину. И внесенные памятью потомков в скрижали бессмертной славы, из которых ни время, ни лихолетья не способны вычеркнуть ни одно имя.

Они пали, но они продолжают сражаться, сражаться за мир, за светлое будущее. Сражаться силой Памяти, живущей в нас. Они умолкли, но голос их силен по-прежнему, голос ревущих турбин и работающих комбайнов, голос станков и космических кораблей. Они остались с нами в одном строю, они навечно зачислены в списки жизни. И на каждой поверке мы называем их имена. И рапортуем им о наших делах. Мы неотделимы от них, как неотделимы живые ветви от корней, как неотделимо прошлое от настоящего, как неотделимы дети от отцов.

Они завещали нам жизнь. Мы их преемники, продолжатели их дела. Мы отвечаем за то, чтобы свершились их мечты. И они свершаются.

Алексей МАЛЬЦЕВ

У ОБЕЛИСКА

На обелиске — имена.
Столбцы имен на обелиске.
Тут все, кого взяла война,
Не возвратив родным и близким.

Соседи. Школьные друзья.
И те, по ком никто не плачет.
Тут мог бы значиться и я,
Распорядись судьба иначе.

И мог бы кто-нибудь другой,
Мое отыскивая имя.
Будить кладбищенский покой
Шагами гулками своими.

Тогда мы были бы равны.
И нам на всех — одна награда...
Но я, вернувшийся с войны,
Стою живой перед оградой.

Как вечной памяти огонь,
Пылает мак, вокруг засевший.
А мелкий гравий под ногой
Скрипит, царапая за сердце.

И время пятится назад —
Я вижу вновь смешные челки,
Наивной веры свет в глазах
И блеск решимости веселой.

И мне, живому, каково
Глядеть в глаза друзьям из списка?
Как будто я их всех подвел,
Не став строкою обелиска.

Как будто с тех далеких лет,
Оставшись тут, на этом свете,
За все тревоги на земле
Я перед павшими в ответе.

Мы все у прошлого в долгу.
И жизнь теперь совсем другая.
Но я ни словом не солгу,
Я только горестно вздыхаю.

Пускай сменились времена,
Их подвиг не прошел бесследно.
А та, минувшая, война —
Была ль она и впрямь последней?

Гремят раскаты батарей
Не только праздничным салютом.
И стал ли мир с тех пор добрей?
Я не уверен абсолютно.

Но что же я друзьям скажу?
Я сон их вечный не нарушу.
Ведь я не им в глаза гляжу —
Себе заглядываю в душу.

И словно ветром на песках
Мои глаза запорошило.
Стреляет жилка у виска,
И в горле сухо запершило.

Себя стараюсь превозмочь,
А руки бьются мелкой дрожью.
И я иду куда-то прочь,
Ступая тихо, осторожно...

Над мирным лесом горячо
Разлился вширь закат багряный...
Вдруг кто-то дернул за плечо,
И я испуганно отпрянул.

Тут близко не было людей,
Так чья ж рука меня держала?
Я сквозь слезу не разглядел
Колючей проволоки ржавой.

Она, связав стволы берез,
Тянулась изгородью ровной.
Как видно, наспех, но всерьез
Тут укрепляли оборону.

А вот и глинистый окоп.
Легко понять, коль глаз наметан,—
Вон там ячейки для стрелков,
Вот тут гнездо для пулемета.

Во всей позиции видны
Следы продуманности строгой:
Прикрыться лесом со спины,
Под перекрестный взять дорогу.

А вот обзор теперь не тот.
Опушку заняли березки
И весь тактический расчет
Свели на нет — легко и просто...

Кругом покой и тишина.
И вдруг подумалось с тоскою:
Неужто здесь была война,
Вот в этом дачном Подмоскovie?

Они погибли на глазах у отца. Игнатов-старший упал на еще теплые тела сыновей, пытаясь их, уже мертвых, защитить от пуль и осколков грохочущего боя. Он опоздал. Он безнадежно опоздал. Мгновение назад он мог еще крикнуть, предостеречь, приказать. Почему не крикнул? Почему не приказал?

Через всю свою жизнь пронес этот неразговорчивый человек, отец двух Героев Советского Союза, безысходность своего великого в тот миг решения. Какие писанные трагедии могут сравниться с этой драмой отца, которую разыграла сама жизнь холодной осенью 1942 года на 257-м километре железной дороги Краснодар—Новороссийск!

...Было у отца три сына. Как в добрых старых русских сказках. Статные, широкоплечие, на голову выше отца. Глаза у всех троих серые, с голубиной. Лукавила мать улыбкой, когда хвалили ее сыновей. А отец суровел лицом—такой уж у него был характер. И ворчал, да, да, ворчал: «Я-то уже в их годы...» И сыновья в соответствии с «законом разности лет» вздыхали: «Нам бы твое время, папа...» Словом, точь-в-точь как мы сейчас завидуем нашим отцам и точь-в-точь как отцы ворчат временами на нас... Наверное, не однажды задумывался Игнатов-старший, какими вырастут его сыновья, будут ли достойными боевой отцовской юности. Особенно ког-

возвращал отцу все денежные переводы... Средний сын, Валентин, сбежал «на корабли», плавал кем-то вроде юнги, пока не назначили его механиком...

СМЕЛЫМИ. При аварии на реке затонул катер с двумя матросами. Валентин нырнул на десятиметровую глубину раз за разом, пока не вытащил людей. За этот подвиг он был награжден ценным подарком и переведен вторым механиком на теплоход «Феодосия». Старший, Евгений, задержал и доставил в милицию четырех грабителей.

Статные, сероглазые братья Игнатовы крепко держались друг за друга. Легко жонглировали двухпудовой гирей, запросто переплывали Кубань. Особенно ловок был младший, Геннадий. Пятнадцать раз крутил на турнике «солнце», делал с места сальто вперед. Позже, в партизанском отряде, эта его от избытка сил удале выливалась порой в такие дерзкие штуки, что не раз и не два держал парень суровый ответ перед комиссаром...

И еще был у братьев Дакс. Умный широкогрудый пес по нынешним временам был бы давно увешан медалями. Евгений обучил Дакса всем мыслимым собачьим премудростям. Это он, Дакс, помог Евгению справиться с четырьмя грабителями. Это Дакс тихим рычанием предупреждал партизан о засадах. И это Дакс завыл вдруг, вытянув умную морду к небу, когда отряд возвратился с задания без братьев...

«...Ах, война, что ты сделала, подлая...»
В августе 41-го сыновья перестали звать отца папой, Елена Игнатова, жена, перестала называть мужа Петей. Только так: «Товарищ командир». Танки

здорово переиграли! Евгений ударил из винтовки по смотровой щели. Танкетка остановилась. И тогда чуть-чуть, так, что образовалась лишь крохотная щелочка, второй фашист приоткрыл верхний люк, чтобы осмотреться. Щелочка оказалась достаточной для второго меткого выстрела.

Братья бросились к застывшей машине. Вытащили убитых немцев, Геннадий взялся за рычаги. Шофер, тракторист и просто сообразительный парень—для него освоить нехитрое хозяйство танкетки было делом минуты. Хотели просто приехать с шиком в отряд. Но «по дороге» решили завернуть в Смоленскую. Подкатили прямо к штабу. Геннадий настойчиво засигналил, и когда из штаба выскочили офицеры, Евгений взялся за пулемет... Жители Смоленской до сих пор вспоминают, как среди бела дня танкетка расправилась со штабом.

Из станции вырывались с боем. Танкетка горела, горела и одежда на братьях. Гасили себя в горной речке, а в отряд приплелись виноватые—все-таки переиграли.

В хронике партизанского отряда именами братьев Игнатовых сопровождается буквально каждая боевая операция. Вот Геннадий выходит с поднятыми руками навстречу двум полицаям, зажав между пальцами крохотный «дамский» браунинг—свою гордость. Два коротких выстрела—полицая падают. Вот Геннадий проникает в запретную зону, где немцы испытывают свое оружие—шестиствольные минометы. Евгений становится мастером засад, на его счету пять подбитых танков. Десятки операций, десятки диверсий...

СЫНОВЬЯ

да средний, Валентин, был пойман в соседском саду с поличным. Когда младший, Геннадий, вдруг стал приносить двойки...

Большое видится на расстоянии. У меня перед глазами картина: два согбенных временем и горем человека, отец и мать, стоят перед памятником их сыновьям. На бронзовых лицах Евгения и Геннадия—решимость, непреклонность. «Нет, они были не такими»...—наверное, думала мать. Но это не вина скульптора, изваявшего ее сыновей, это просто свойство материнской памяти, хранящей ей одной доступное: интонации голоса, шелковистость волос, прикосновение к тельцу сына в купальной ванночке...

Хорошо, дружно жили Игнатовы. Вчерашний слесарь Игнатов командовал уже не эскадром, не отрядом продармейцев, а крупными современными заводами—в Армавире, в Киеве, в Краснодаре. Подрастали сыновья, шагали уже каждый своей дорогой. Уже и внучки дождались Петр и Елена Игнатовы—маленькая Иринка, дочь Евгения, явилась на свет вроде бы провозвестницей будущего могучего клана Игнатовых. И прежде чем грянуть войне, подружившей могучий игнатовский корень, прежде чем подойти к той темной ночи, обессмертившей имена сыновей, сделаем короткую остановку, попытаемся отыскать в жизни сыновей истоки их высокого подвига.

Я отдаю себе отчет в том, что, описывая жизнь героев, поневоле выбираешь привлекательные факты их биографии, но все, что оставила память очевидцев об Игнатовых, говорит о незаурядности, о каком-то веселом жизненном таланте этой семьи. Какими они были, братья Игнатовы?

РАННИМИ. В 15 лет старший, Евгений, уже стал студентом Ростовского котлотурбинного института. В 20 лет он уже инженер-конструктор. Младший, Геннадий, в десять лет научился водить автомобиль, в 16 лет получил права шофера третьего класса и права тракториста.

ТАЛАНТЛИВЫМИ. Сохранился акварельный рисунок Евгения—белые домики, зелень, пруд с гусьями, отроги гор... И другой рисунок—Тарас Бульба, прикованный к столбу над кострищем. Этот рисунок увидел учитель в школе: «Женя, это ты сам?» Учитель послал рисунок на Всесоюзную олимпиаду детского творчества. «Тарас Бульба» был удостоен диплома.

САМОЛЮБИВЫМИ. Очень ревниво относился к боевой славе отца, к его высокому положению директора завода. Тяжело переживала мать, когда дети по примеру старшего отказались после семилетки принимать от отца помощь в любой форме. Отличник Женя ушел в ремесленное и заканчивал десятилетку, работая. И, поступив в институт, работать не бросил,

с крестами ворвались на западную окраину Краснодара днем, и тогда же с его восточной стороны ушел в предгорья Кавказа партизанский отряд. Командовал отрядом заместитель директора Краснодарского химико-технологического института Петр Карпович Игнатов. Командиром разведки ухажив инженер-конструктор Евгений Игнатов, механиком отряда, сопровождая грузовик и трактор,—школьник Геннадий Игнатов. Начальником медчасти ухаживала в горы Елена Ивановна Игнатова. Рядом, по обочине, упругими прыжками несли верный Дакс.

Это был довольно необычный партизанский отряд. Из 58 бойцов 32 имели высшее образование. Горком партии, утвердив Петра Игнатова командиром, дал ему полномочия самому подбирать людей.

Тропа войны собрала всех Игнатовых вместе. Не было только Валентина—он воевал на западе. Отряд вышел в долину реки Афипис и обосновался в неприступном ущелье, куда вела одна-единственная козья тропа.

Фильм «Неуловимые мстители»—выдумка. На реальной основе, но все-таки выдумка. Подвиги братьев Игнатовых документированы. И это же не в ковбойских фильмах, а в жизни было—Евгений Игнатов на спор пробивает из карабина подброшенную монету, Геннадий Игнатов на всем скаку делает стойку на крупе лошади...

Из боевой хроники отряда Игнатова выбираю только один боевой эпизод.

...Очень досаждала партизанам «вышка». Так прозвали наблюдательный пункт, установленный фашистами на перевале. Сама по себе «вышка» не была опасной, но с нее просматривалась вся округа. На вольную охоту за наблюдателями «вышки» послали Евгения и Геннадия.

Да, и это не выдумка: в свое время из Краснодара быстро уехал заезжий тир на колесах. Братья стреляли так метко, что тир стал «гореть» на призах.

Можно себе представить, чем была винтовка с оптическим прицелом в руках братьев, которую они взяли с собой «на охоту». Вот из дзота вышел «до ветру» долговязый немец. Выстрел. Выскакивает второй—еще выстрел. А сигналы с «вышки» принимались внизу, в долине, в станице Смоленская. Час проходит, второй—молчит «вышка». Из Смоленской послали связных. Когда они стали карабкаться в гору, Евгений снова взялся за винтовку. Ни один связной не добрался до дзота.

Из станицы выехала машина с автоматчиками. Ее встретили огнем. Три минуты боя—и все кончено. И тогда из Смоленской узнать, в чем же все-таки дело, выехала танкетка.

В этом эпизоде братья переиграли. Но до чего же

А потом поступил приказ ни в коем случае не пропустить тяжелый воинский эшелон из Краснодара в Новороссийск. Задание было чрезвычайной важности. Группу на операцию повел лично «батя»—Петр Карпович Игнатов. А до этого два дня и две ночи конструктор Евгений Игнатов и инженер Ветлугин ладили мину особой конструкции. Ведь это было только началом рельсовой войны на Кубани. Как взрывать, чем взрывать—никто толком не знал.

Эта мина была гордостью Евгения. «Автоматический фугас системы Ветлугина—Игнатова»—так написал Евгений на боку деревянного ящика. Зарой мину под шпалы, а взорвется она сама от тяжести набежавшего состава.

На операцию вышли ночью. Геннадия в отряде не было: он поправлялся на дальнем хуторе после ранения в плечо. И вдруг как из-под земли—Геннадий. Разве мог он пропустить такую операцию! Первый фашистский поезд на Кубани, который полетит под откос...

Расположились вдоль полотна, выставив боевое охранение. Рядом проходила шоссевая дорога—ее тоже «оседлали» на всякий случай. Евгений и Геннадий понесли фугас. Осторожно, не оставляя следов, закопали. Оставалось только выдернуть предохранительную шпильку. И в этот момент...

Поезд. Не может быть! Почему рано, почему не в срок? И одновременно по шоссе броневика. Принимать бой здесь, на невыгодной местности? Надо хотя бы остановить броневика...

Геннадий и Евгений метнулись на шоссе, быстро установили две малые, обычные мины. И снова бегом к полотну. Ведь фугас не готов к действию. А эшелон все ближе, ближе... Эшелон, который нельзя пропустить...

Отец подался вперед. Он понял решение сыновей. Единственное решение. Остановить, приказать может только он, командир.

Сыновья бежали к фугасу вместе, стараясь опередить один другого. На бегу выхватили гранаты. И когда паровоз наехал на фугас, две вытянутые руки одновременно метнули тяжелые, противотанковые. Фугас сдетонировал, огромной силы взрыв вздыбил паровоз, далеко-далеко по параболе полетели колеса, куски железа. Еще два взрыва на шоссе. Ударили пулеметы. А отец бежал к полотну, где, откинутые взрывом, лежали тела его сыновей. Да, он упал на еще теплые тела сыновей, пытаясь их, уже мертвых, защитить от пуль и осколков грохочущего боя.

В партизанском лагере вил, воздев морду к небу, верный Дакс. Обнявшись, сидели в землянке Петр и Елена Игнатовы. Их сыновья ушли в бессмертие, оплатив свои жизни сотнями вражескихtrupов.

ВЕРНОСТЬ

Время все дальше отодвигает от нас события военной поры. Все реже строй ветеранов, идущих сегодня в праздничных победных шеренгах. Уходят люди, но остается память о них, о их мужестве, стойкости, верности своему солдатскому долгу. И вот, верные памяти своих павших товарищей, ветераны берутся за перо и вспоминают о былом. Не могут не вспоминать, это их долг перед теми, кого уже нет, перед теми, кто только вступает в жизнь.

НАГРАДА ЗА ПОДВИГ

Начало грозного июля 1941 года. В ясный солнечный день, какие не особенно часто бывают в тех краях, командир звена 158-го истребительного авиаполка Давид Джабидзе выполнял боевое задание: в районе города Луги под Ленинградом его звено барражировало в небе. Прямо под крылом самолета спичечными коробками маячила Луга. А там, дальше, едва просматривалась в голубоватой дымке небольшая железнодорожная станция Мшинская, окруженная непроходимыми болотами.

...Эшелон с эвакуированными ленинградскими детьми должен был выехать со станции Мшинская на восток. Длинный состав шел по особому графику, почти нигде не задерживаясь в пути, по зеленой улице. Но вот на этой станции семафор оказался закрыт: гитлеровцы перерезали железную дорогу. Пока железнодорожники решали проблему движения эшелона, ребятишкам разрешили выйти из душных вагонов и побыть на свежем воздухе. Тихая станция расцвела пионерскими галстуками, зазвенела детскими голосами. Но когда чуткие детишки увидели лежащих на станции раненых бойцов, с тревогой ожидавших прибытия санитарного поезда, они сразу же присмирели. А раненые, услышав, как в воздухе загудел фашистский самолет, всполошились, и не столько за себя, сколько за детей. Раненый политрук Вакулов побежал к начальнику станции и стал его торопить с отправкой эшелона. А тем временем над станцией стал кружить двухмоторный стервятник. Мшинская оказалась совершенно беззащитной: не было ни одного зенитного орудия, способного хотя бы отпугнуть врага. Лишь несколько раненых бойцов, способных стрелять из своих винтовок, ударили по бомбардировщику. Время отсчитывало страшные и напряженные секунды, приближающие эшелон к прямой гибели. И вот уже от стервятника отделились бомбы, упавшие неприцельно в стороне от поезда. Воздушный бандит пошел на второй заход, теперь уже казавшийся роковым: он знал, как ему следует ударить точно по цели. И в эту секунду появился наш краснокрылый самолет. Джабидзе сразу оценил наметанным глазом приближающуюся трагедию, ринулся к «юнкерсу» и атаковал его. Советский летчик твердо решил, что если ему не удастся уничтожить стервятника огнем, он пойдет на опасный таран. Увидев приближающийся советский истребитель, вражеский летчик взял курс в сторону болота. Как раз это-то и надо было Давиду Джабидзе: отогнать врага от станции. Метким залпом Джабидзе сразил врага. «Юнкерс», оставляя шлейф густого черного дыма, стремительно падал в болото.

«Последнее, что мы увидели и услышали, — вспоминает очевидец этого события ленинградец Иван Петрович Панкратов, — громадной силы взрыв. Над болотом вырос огромный столб грязи. У всех у нас вырвался вздох облегчения. Детишки были спасены от гибели».

На аэродроме Джабидзе доложил командиру эскадрильи П.А. Покрышеву о сбитом над Мшинской «юнкерсе». Тот пожал герою руку, и вскоре этот боевой эпизод, заслоненный другими, был забыт. Но через несколько дней из штаба ВВС Северо-Западного направления войск пришло интересное письмо. Подполковник Ефремов прочитал его перед летчиками эскадрильи:

«Мы, отправляющиеся в эвакуацию, оторванные от матерей и отцов маленькие советские граждане, шлем наше большое спасибо незнакомому дяде-летчику, который сегодня в полдень сбил фашистско-

го стервятника и тем самым спас очень многим из нас жизнь. Обещаем вам, наш незнакомый дядя-летчик, что, когда мы вырастем большими, будем такими же храбрыми и самоотверженными для Родины».

— Этот летчик, — продолжал подполковник, — ваш эскадрилец Давид Васильевич Джабидзе!

Так был отмечен в то грозное лето 1941 года подвиг двадцати-четырёхлетнего лейтенанта Давида Джабидзе.

Герой Советского Союза капитан Давид Васильевич Джабидзе в течение войны сбил 27 вражеских самолетов и закончил войну в поверженном Берлине.

Сейчас Д.В. Джабидзе — кандидат исторических наук, преподает историю КПСС в Тбилиском государственном университете и ведет большую военнопатриотическую работу среди молодежи.

Павел КОКОШКИН,
член совета ветеранов войны,
Ровно

ТОРПЕДЫ ИДУТ В ЦЕЛЬ

В 1944 году советские войска с тяжелыми боями освобождали от фашистов Прибалтику, а с ней острова Моонзундского и Бьеркского архипелагов. Особенно активные бои на море вела Краснознаменная бригада торпедных катеров, руководил которой умный и бесстрашный, всесторонне образованный контр-адмирал М.В. Капралов.

Всегда уравновешенный, смелый, Михаил Васильевич Капралов обладал редким даром предвидения, и все операции, разработанные им, всегда приносили успех. Вот пример.

На рассвете 4 июля 1944 года из базы Койвосто вышли две группы наших торпедных катеров, которыми командовал капитан 2-го ранга А. Белуш. Выполняя боевой приказ, Белуш помнил строгий наказ адмирала: «Торпеды беречь, стрелять только с близких дистанций». Наступили сумерки. Потемнело и море и небо, стало тихо. Не слышно даже рокота волн. И вдруг сигнальщики доложили, что видят силуэты вражеских кораблей. Наши катера сбавили ход и пошли на сближение. Сигнальщики определили, что вражеские корабли идут двумя группами. В первой группе — миноносец, три тральщика и сторожевой корабль, две самоходные десантные баржи, шесть сторожевых катеров. Во второй группе шли два миноносца, четыре канонерские лодки, четыре транспорта и пять сторожевых кораблей. Капитан 2-го ранга Белуш решил действовать без промедления, он приказал атаковать сразу обе группы вражеских кораблей. Фашистские артиллеристы, заметив атаку, открыли артиллерийский огонь. Но остановить катера не смогли. Первым прорвался сквозь огненную завесу катер капитан-лейтенанта Беляева. Лег на боевой курс и, сблизившись на дистанцию торпедного залпа, ударил по миноносцу противника. Раздался взрыв. В пламени огня фашистский миноносец пошел на дно Балтики, второй миноносец был уничтожен катером младшего лейтенанта Карпова.

Советские моряки не давали фашистам ни минуты передышки, залпы торпедных катеров следовали один за другим. Вскоре на дно ушли сторожевой корабль, самоходная баржа и канонерская лодка противника. Не выдержав стремительных атак наших торпедных катеров, фашисты удрали под защиту своих береговых батарей.

А затем, стремясь взять реванш, фашисты семь раз

бросались в контратаки, и все их атаки были отбиты капитаном 2-го ранга А. Белушем.

Возвратясь на базу, наши катерники в докладе адмиралу подвели итог. В боях за Бьеркский архипелаг торпедами были уничтожены 3 миноносца, 13 сторожевых кораблей, 8 тральщиков, 3 транспорта, 5 самоходных десантных барж, 3 канонерские лодки и повреждено торпедами 12 судов противника. Пулеметчики торпедных катеров сбили два вражеских самолета. Это был редкий успех, и авторами его стали бесстрашные балтийцы, большинство из которых были комсомольцами.

Владимир ВИРЧИК,
офицер запаса,
ветеран Великой Отечественной войны,
Москва

ЖИЗНЬ МОЯ, КОМСОМОЛИЯ!

Я комсомолка 30-х годов, все хорошее связано у меня с комсомолом. Поэтому с гордостью ношу наравне с боевыми и трудовыми наградами значки ЦК ВЛКСМ.

Моя комсомольская закладка была крепкой. Жила я в то время в Ташкенте. Нам, молодым комсомолкам, дали поручение обучать неграмотных женщин-узбечек. И вот однажды хозяйин дома, в котором я обучала трех женщин, в гневе перебрал меня через дувал, глиняный забор, и сказал, чтобы ноги моей здесь не было. И все же я выполнила комсомольское поручение, обучила читать и писать нескольких женщин: ходила к ним, когда этот самодур отсутствовал.

С 1941 года началась моя военная биография. В Ташкенте сформировался 10-й отдельный батальон связи. Нас погрузили в эшелон, и прямоком на фронт. В это время мои сестренки Аниса и Раиса добровольцами ушли на фронт. Я — техником-лейтенантом, Аниса — лейтенантом медслужбы, Раиса — сержантом, радистом аэродромного обслуживания. Служили в различных частях, были ранения и контузии, но война закалила нас на всю жизнь.

В 1944 году, после госпиталя, меня направили в самоходный артополк, где я служила, исполняя обязанности начальника связи полка и комсорга подразделения.

Во время затишья, примостившись на пенке или расстелив плащ-палатку на земле, выпускала «боевые листки», рисовала карикатуры на Гитлера, Геббельса, Геринга. Мои однопольчане животы надрывали от смеха. Смех тоже оружие, да еще какое!

Запомнился мне один эпизод. Мы готовились встретить годовщину Советской Армии. Перед штурмом Кенигсберга стояли в лесу. Постирали гимнастерки, вымылись, подшили свежие подворотнички, отрепетировали свои номера для художественной самодеятельности, и вдруг поздно вечером немцы подошли к нашему расположению. Время к весне, слякоть, кое-где снег; мы залегли, заняли круговую оборону.

Отбили атаку, но так извозились, что утром, до построения, не успели привести себя в порядок. И все же праздник удался, я и мой связист спели частушки про фашистских вояк, санитарструктор Маша спела «Синий платочек», словом, всем было весело. Нам, девчатам, преподнесли только-только проклюнувшиеся подснежники. Где только ребята раздобыли такое чудо: ведь в лесу еще было много снега.

А уж День Победы, 9 Мая 1945 года, я и вовсе никогда не забуду. После штурма Кенигсберга наш полк стоял на косе Пилау, на берегу Балтийского моря. Мои связисты сидели за ремонтом радиостанций. Вдруг прибегает водитель самоходки и кричит: «Победа!!!» Мы все повскакали, включили приемники, настроились на московскую волну — правда, Победа! Стреляли из всех видов оружия, ликовали — не опишешь словами. Сколотили столы-временки, скамейки, пригласили гостей из штаба 2-й гвардейской армии, из других частей. Вместе с Победой отмечали и свадьбу: старшего сержанта Кузнецова Михаила и лейтенанта Раджаповой Заиды. Моим подвечным платьем была застиранная гимнастерка, и в ней я была самая счастливая.

После демобилизации меня направили работать на крупный завод, избрали комсоргом. С тех пор я в тесном контакте с комсомольцами завода, с допризывниками, со школьниками, студентами и не мыслю для себя другой жизни.

С мужем вырастили сыновей-комсомольцев, и внучата тоже — будущие комсомольцы. Бывают у меня минуты, когда занюхают старые раны, но стоит пойти куда-нибудь в цех, к комсомольцам — куда деваются боли!

Вот что значит для меня Комсомол!
С большим к вам комсомольским приветом

Заида КУЗНЕЦОВА,
ветеран Великой Отечественной войны и труда,
Уфа

ПА

МЯТЬ ДЕТЕЙ

Дети — это сама жизнь в пору ее цветения. Радостная, вечная. Дети наполняют жизнь великим смыслом продолжения. Во имя жизни сражались и умирали советские солдаты, во имя вечного ее обновления, уходящего в бесконечность времени.

И детей не минула война. Да и не могла минусть, если на бой с врагом встал весь народ. Вспомните ленинградскую блокаду — первыми начали умирать дети. Вспомните сотни юных партизанских героев, полковых сыновей, павших за Победу. Вспомните разбомбленные эшелоны, газовые камеры концлагерей. Фашизм воевал и с детьми тоже. Но так и не победил. Может быть, только у каждого из них отнял какую-то часть детства.

Мы возвращаем эту часть своим детям сейчас. Мы отдаем им все лучшее, что у нас есть, — таков один из главных законов нашей жизни. Но уже в пять лет они знают о минувшей войне, о детях, погибших в блокаду, о военном подвиге старшего поколения. Так нужно. Чтобы память росла с ними вместе. Чтобы потом дала им силы для мирного подвига. И ратного — если потребуется.

Иван САВЕЛЬЕВ

ОТ ИМЕНИ ЗЕМЛИ

Я говорю от имени людей,
От имени погибших и живущих,
От имени деревьев, птиц поющих,
От имени отцов и матерей:
Вот девочка —
Она ведь хочет жить!
Березка и травинка хочет жить!
Речонка без названья хочет жить!
И Волга — сколько лет ей? —
Хочет жить!
Я говорю от имени дорог,
От тех, что кровью политы обильно:
Не обращайтесь вспять пути
Насильно,
Не повторяйте горестный итог!
Я все хочу себе представить
Из нынешнего далека,
Как шли вы
Родину прославить,
Нас заслоняя от врага.
Как, не дойдя до окон Бреста,
Рассвета задымилась медь
И под бескрайним небом лета
Стволы,
Натертые до блеска,
За миг успели потемнеть.
Хочу представить:
В круговерти,
Где — ни спасенья, ни наград,
Что думается перед смертью,
Когда о ней не говорят?..

Когда поймешь в разгаре боя,
Где роты первых полегли,
Что вся земля —
Перед тобою,
А за тобою нет земли:
Когда средь
Дыма, стона, грома
Поймешь, не видя ничего:
Нет за спиной
Земли огромной,
Но вся —
У сердца твоего.
Она, приняв судьбу солдата,
Незащищенная на вид,
Сама
В руке твоей гранатой,
Готовой вырваться,
Дрожит...
И лишь дыханья не хватает,
Чтоб вымолвить о дорогом.
И вечность душу обнимает...
Но я сегодня —
О другом.
Мне славы вашей не прибавить.
Но с жарким трепетом в душе
Я все хочу себе представить
Себя на вашем рубеже.
На той полоске незнакомой,
Где не забудешь одного:
Нет за спиной земли огромной,
Но вся — у сердца твоего.

Кто скажет ныне, сколько по стране
Из края в край восходит
Обелисков?
Вы никогда не смените прописки,
Солдаты, что остались на войне.
Но как Земля не сможет позабыть,
Где вы легли за жизнь и за свободу,
Так у народа память не убить,
Когда такие дети у народа!
...Земля, твоих рассветов не любя,
К судьбе всего живого
Безразличны,
Жрецы войны упрямо, методично
В упор готовы расстрелять тебя.
Пусть замолчит
Проклятый барабан,
Что над тобою громыхает дико.
Пускай глаза им выест твой туман,
Былинка под ногами встанет пикой!
Чтоб над тобой не умер неба цвет,
Чтоб жил покой под мирной
Кровлей.
Пускай отныне каждый твой
Рассвет
Течет в глаза им пролитую кровью.
Жестоко? Да.
Но в круговерти дней
Верши, Земля, над ними
Суд суровый этот,
Чтоб никогда не умирали дети,
Верши свой суд от имени детей!

**БУДНИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И
ОБЪЕДИНЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ
ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА.**

Маршал принял в своем рабочем кабинете.

С улицы сюда доносится шум утренней Москвы. В высокие окна врывается веселое весеннее солнце. Но здесь обстановка по-военному строгая: карты, огромный глобус, книжные шкафы.

Маршал приглашает к столу, длинному столу для заседаний. Это очень удобно, когда между тобой и

только потому, что минуло столько времени, — это жестокая война попорвала здоровье многих, а иным вовсе укоротила век. А еще за словами чувствовалось: тридцать пять лет как окончилась война, но он хорошо помнит каждый ее день.

— Расскажите, как она началась для вас, где вы ее встретили, — прошу я.

— В середине июня сорок первого, сразу после окончания Грозненского военного училища, я прибыл согласно

намерению Германии напасть на СССР «лишены всякой почвы», не могло убедить этих кадровых военных. Они понимали: война близко. Это утверждали и перебежчики с той стороны границы. Так что и в нашей и в соседней 87-й стрелковой дивизии было сделано все возможное, чтобы никакая случайность не застала врасплох.

Так как в дивизии с жильем было плоховато, я и два моих товарища по улице расквартировались в «частном секторе»: сняли комнату у пана Явор-

лись артиллерийские раскаты, взрывы бомб.

— Когда вы приняли первый бой?
— Так вот эти первые минуты войны и были моим первым боем. Ведь фашисты обстреливали, бомбили не кого-то другого, а наш Владимир-Волынский, наш военный городок, нашу часть, моих товарищей.

Город, несмотря на ранний час, был похож на растревоженный улей: по улицам бежали посыльные, вызванные ими

**Виктор КУЛИКОВ,
первый заместитель министра обороны СССР,
Главнокомандующий
Объединенными Вооруженными Силами государств —
участников Варшавского Договора,
Маршал Советского Союза**

В БОЯХ ЗАВОДЕВАНИИ МИР

Беседу ведет специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ.

собеседником только зеленое сукно, а не телефонные аппараты, папки с документами, срочные бумаги. Они обязательно станут отвлекать, напоминать о текущих делах, а без них разговор всегда идет не так официально.

Мне кажется, маршал сделал это умышленно. Он и на первый мой вопрос ответил так, что я понял: можно будет говорить не только с крупным военачальником, но и просто с человеком, отшагавшим войну «от звонка до звонка», видевшим на ней всякое.

— Вы знаете, сколько служит сейчас в нашей армии участников Великой Отечественной войны? — И, назвав совершенно незначительную цифру, Виктор Георгиевич добавил, как бы объясняя: — Тридцать пять лет прошло, и какая война была...

И за этими словами было: ветераны уходили не только по возрасту, не

предписанию в 41-ю танковую дивизию; стоявшую в пограничном городке Владимир-Волынском. Представляете? Мне еще нет двадцати, в петлицах два лейтенантских «кубика», а получаю должность помощника командира разведроты. Все складывалось прекрасно: начинается моя карьера военного, о которой я с детства мечтал, которую выбрал, еще учась в Невинномысской средней школе.

Но на душе тем не менее было тревожно. Нас выпустили из училища на три месяца раньше срока. Догадывались, почему: на западной границе спокойно. И в первый же день по прибытии в дивизию мы, молоденькие красные командиры, получили тому убедительное подтверждение: над Владимир-Волынским кружил германский самолет. Как поняли из реплик работников штаба дивизии, этот разведчик не был первым. Опубликованное 14 июня заявление ТАСС о том, что слухи о

ско, пожилого поляка, очень приветливо встретившего молодых «панов поручников».

В субботу, 21 июня, вернувшись домой, мы увидели на половине хозяина незнакомого паренька, как оказалось, внука. Мы стали начищаться, чтобы погулять по городу, но тут к нам постучался Яворский.

— Разве паны поручники не знают, что завтра герман будет всех нас жечь огнем?

Хозяин объяснил, что его внук, живший по ту сторону границы, тайком переплыл Буг. Он рассказал, что немецкие войска отгоняют всех жителей от границы, занимают их дома. Когда дочь нашего хозяина отказалась подчиниться, ее убили. Вот внук и прибежал к деду.

Что нам было делать? Рассказ польского мальчишки ошеломил нас. В общем, мы остались дома. А едва стало рассветать, со стороны границы донес-

командиры, поднятые по тревоге красноармейцы. Во дворах металась испуганная канонадой жители.

Когда я добежал до казармы, личный состав был уже построен на плацу. Командир роты крикнул мне:

— Раздай боеприпасы! — и побежал к комбату.

Вскоре вызвали к комбату и меня. Он приказал мне с подразделением отправиться для обеспечения связи со штабом 87-й дивизии, действия которой должны были поддерживать два наших танковых батальона. По дороге в Орани, где в непосредственной близости от границы находился командный пункт стрелковой дивизии, наше подразделение попало под очередную бомбежку. Совсем рядом рванула бомба, и тут же раздался крик раненого сержанта Смоляникова... Война сразу обрела свою жестокую кровавую конкретность.

Война растянулась для Куликова, как и для всех наших людей, на долгих

четыре года. С боями он отходил через Прилуки на Валуйку. Потом вместе со своей частью держал оборону северо-западнее столицы, шел в контрнаступление, наступал на Ржев, Духовщину, Витебск, Даугавпилс, Ригу, Данциг и закончил войну в мае сорок пятого уже на балтийском побережье Германии. Если исключить короткое время, когда его часть отводилась на переформирование или недолгий отдых, все эти тяжелые четыре года он был на передовой. Его фронтовые должности (последняя: начальник штаба гвардейской тяжелой самоходно-артиллерийской бригады) позволили самому лично ходить в атаку, чувствовать смерть рядом не в абстрактном, а самом конкретном смысле слова. И, естественно, нацеленно постепенно пришел к теме «Человек на войне». Честно говоря, я немного опасался, что Маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов в этих воспоминаниях отнесится на второй план молодого офицера-танкиста Виктора Куликова. Это легко объяснить: за плечами маршала большая жизнь, две академии, досконально проанализированный боевой опыт всей войны, всех ее оборонительных и наступательных операций, изученных в их взаимной связи и взаимном влиянии друг на друга. Тогда как фронтовой офицер хорошо может знать только положение на его участке фронта. Мне казалось, что вот эта разномасштабность взгляда будет мешать. Я ошибся.

Я спросил:

— Какой фронтовой эпизод остался как самое тяжелое воспоминание войны?

Он ответил сразу, будто готовился заранее:

— О войне все воспоминания тяжелые. И отступать и наступать — идти в атаку или держать оборону — все тяжело. Ведь за каждую победу, за каждую оплошность приходится платить жизнью. На то она и война.

А потом, видимо, возвращаясь к давно волновавшей мысли, он сказал:

— Иногда мне приходится читать или слушать военные рассказы, где участники какого-нибудь боя приводят мельчайшие его подробности. По-моему, все они восстанавливаются позже. А в самом бою нервы человека, независимо от того, смел он или осторожен, так напряжены, так собраны, сосредоточены на одном, что он просто не в состоянии отвлекаться на что-то иное. Идти навстречу пулеметным очередям, поверьте, нелегкое дело.

— Я знаю, вам тоже доводилось ходить...

— Конечно. Летом сорок первого под Малином — это на подходе к Припяти и Днепру — нам пришлось идти в штыковую атаку. Винтовки наперевес — и вперед. Знаю, что рядом бегут товарищи, наверное; кто-то падает, сраженный, но я их не вижу. Вижу только фашистских

солдат впереди, с которыми должен сейчас сойтись, должен поразить первым. Только это и было в сознании...

— Но то рукопашная...

— В танковой стычке то же самое. Помню, в боях за Ржев разгорелся жестокий бой. Наш батальон пошел в атаку. Это уж после, по рассказам товарищей я восстановил его общую картину. Знаете, это как из отдельных камешков складывается мозаика. А во время самой атаки помнил только о целях в своем секторе, которые указал перед началом командир, и старался их быстрее поразить.

И все-таки он рассказал мне об одном эпизоде, о котором я сам решил, что он мог быть самым тяжелым воспоминанием.

— В начале августа сорок второго Западный фронт провел Ржевско-Сычевскую операцию. Наша танковая бригада поддерживала наступление пехоты. Бои шли очень тяжелые, и потери были значительными. Пятого августа, едва село солнце, командир бригады направил меня к нашим подбитым танкам узнать, живы ли их экипажи, можно ли отремонтировать машины.

Я отправился на передовую. Там около одной машины уже возились ремонтники бригады. Расспросил, где еще стоят наши танки, и перебежками, а где ползком стал преодолевать нейтральную зону, надеясь пробраться к танку старшего лейтенанта Пашинина. Еще накануне он первым ворвался в деревню Галахово, которую мы пытались освободить, проутюжил вражеские траншеи, уничтожил несколько орудий и пулеметов, но в глубине вражеской обороны наскочил на мину. Вскоре противник предпринял контратаку и сумел отбить свои позиции. Экипаж Пашинина оказался отрезанным.

Мы думали, что он погиб. Но когда бой затих, из-за переднего края стала доноситься стрельба. По пулеметным очередям, редким выстрелам пушки да стрекоту немецких автоматов, взрывам гранат мы поняли, что танк Пашинина ведет бой в окружении. И я пополз к нему, ориентируясь по следам трассирующих пуль, что секли темноту близ подбитой машины; пополз, прикрываясь где канавкой, где глубокой танковой колеей.

А потом услышал немецкую речь. Вражеские автоматчики расположились плотным кольцом метрах в 50—60 от нашего экипажа. Пробраться сквозь кольцо было невозможно. Я стал ждать, когда немцы уйдут, но миновала полночь, а они все строчили и строчили...

Вернувшись в бригаду, я доложил командиру, что под покровом ночи можно попытаться прорвать это кольцо. Хватит всего десяти отчаянных ребят. Попробуй разбери в темноте, сколько нас.

Помолчав, командир бригады глухо сказал:

— Иди в блиндаж. Обсохни...

Не было у него в то время лишних десяти человек. Он попросил генерала Чанчибадзе предпринять атаку в сторо-

ну танка хотя бы взводом пехоты. Атака состоялась на рассвете, но освободить экипаж так и не удалось.

Экипаж Пашинина дрался в окружении более трех суток. Когда у танкистов кончились боеприпасы, фашисты подтащили пушку и в упор расстреляли машину. В пылающем танке погибли старшие лейтенанты Пашинин и Митрофанов, старшина Каталонский. Только старшему сержанту Бовту удалось пробиться к нам и рассказать о последнем бое экипажа.

Галахово мы в конце концов освободили. Когда открыли люк опаленного танка, в полумраке увидели три будто сохшие мумии. Чуть тронули механика-водителя — он рассыпался, превратившись в кучку золы.

В оценках и наблюдениях Куликова все время чувствовалось, что принадлежат они военному человеку. Это естественно: такова его профессия. Но что я отметил про себя: он никогда не останавливался только на военной стороне, шел за разговор о человеке или о событиях.

Заговорили о его самых близких боевых товарищах.

— Игорь Алексеюк и Женя Лысенко — пожалуй, самые близкие. Отважные ребята и очень грамотные офицеры. Лысенко летом сорок первого имел два ордена Ленина, причем один за героический рейд в тыл противника еще во время финской кампании. После он стал героем Советского Союза. А погиб в Венгрии в сорок пятом. Игорь тоже был отличным танкистом. Любое самое трудное задание выполнял точно и очень умело. Несмотря на молодость, он был очень эрудированным человеком. Мог часами подряд читать наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, отрывки из трагедий Шекспира. Любил музыку. Отлично пел. Как-то я послал его в разведку, он вернулся, доложил о результатах.

— Иди в землянку, отдыхай, — говорю ему.

— Я лучше на танке посплю. Подышать весенним воздухом хочется. Он постелил себе на трансмиссии. И надо же шальной мне рвануть как раз рядом... Сколько талантливых людей забрала война...

Спросил, кого из крупных советских военачальников он считает образцом. Куликов назвал маршала Рокоссовского, генералов Батова, Чистякова, под чьим командованием ему довелось служить во время войны. Как и положено военному, Виктор Георгиевич рассказал, какие из проведенных ими операций он считает наиболее выдающимися, объяснил, почему. А кончил свой рассказ так:

— Они оставили след в моей памяти еще и тем, что были человеческими, очень бережно относились к солдату, старались добыть победу меньшей ценой.

Маршал Куликов рассказывал о былых сражениях, а я никак не мог отделаться от одной мысли: когда

окончилась война, ему, майору, начальнику штаба бригады, еще не было и двадцати четырех! И я спросил:

— Виктор Георгиевич, вы и ваши товарищи были тогда очень молодыми. Конечно, такая война забирала всего человека полностью. Но не одной же ею он жил...

Он понял сразу:

— Конечно, нет. Мы даже влюблялись, хотя время было суровое...

И он рассказал, как встретился со своей будущей женой. Было это весной сорок третьего на Смоленщине, совсем недалеко от Ярцевского района, родины Маши Заикиной, теперь уже Марии Максимовны Куликовой. В начале войны она, выпускница медицинского училища, попала военфельдшером на фронт. Отступала от границы до самого Калинина, провалилась из окружения, уходила от врага лесами, болотами. О своих знала только: отец на фронте, а мать осталась с двумя братишками в смоленской деревне в оккупации.

И вот весной сорок третьего танковая бригада, где служил Куликов, стояла в лесу недалеко от местечка Пречистое, а в соседней деревеньке Вишневке расположился полевой хирургический госпиталь, где служила Маша.

— На фронте как раз было затишье, на Первой госпиталь прислал к нам свою концертную бригаду, в основном девушек-медсестер. На другой день мы нанесли в Вишневку ответный визит. Пошли все мои друзья: Игорь Алексеюк, Женя Лысенко, Яков Милых, Степан Карсуков. День праздничный, мы, молодые, естественно, устроили танцы под баян Яши Милых.

Потом мы стали бывать у девочек, едва удавалось выкроить свободный часок. Подружились. А когда началось наше наступление и бригада ушла вперед, начали переписываться. В конце декабря госпиталь и бригада опять оказались почти рядом. В общем, улучил я свободный часок, повидался с Марией Максимовной. А на другой день явился к начальнику госпиталя уже не один — с бригадным врачом Л. Беркманом. У нас как раз освободилась должность медсестры, ну я и надеялся, что они договорятся о переводе моей невесты к нам. В канун Нового года приказом начальника санитарного управления фронта медсестра Мария Максимовна Заикина прибыла в 143-ю отдельную Невельскую танковую бригаду для прохождения дальнейшей службы. И в тот вечер был накрыт маленький свадебный стол. С тех пор мы вместе.

Война была жестокой, но именно поэтому на ней особенно ценились те редкие мгновения счастья и радости, которые порой выпадали на долю людей. Поэтому, спрашивая о самом радостном дне войны, я заранее был уверен, что маршал назовет день ее окончания. И не ошибся, потому что в этом ошибиться было невозможно. Я только попросил рассказать, как это было.

— На нашем участке фронта война окончилась не девятого мая, а чуть раньше. После взятия Данцига нашу бригаду перебросили на Одер. Бои там шли очень тяжелые, но это был уже конец апреля, и в исходе войны ни у кого не оставалось сомнений. Когда пал Берлин, для нас это было равносильно окончанию войны. Мы знали, что на юге, в Саксонии, в Чехословакии идут бои с миллионной группировкой генерала Шернера. Но у нас, в Померании, фашисты начали сдаваться, вылезали с белыми флагами из подвалов, развалили, остатков бывших укреплений. Дороги были забиты брошенной военной техникой, колоннами пленников, беженцев, узников, только что освобожденных из концлагерей. На каждом перекрестке заторы. А мы маршем вьемся на северо-запад к балтийскому порту Висмару. Третьего мая бригады 3-го гвардейского танкового корпуса вошли в соприкосновение с передовыми частями 2-й британской армии. На другой день нас догнали наши стрелковые части. И все — для нас война окончилась.

И все-таки, подумал я, у таких, как он, должна была быть и своя личная «черта», которую они подводили под истекшей войной. Оказалось, была.

— Четыре долгих года мы сражались, чтобы, как тогда говорили, добыть фашистского зверя в его собственном логове. И я не мог не побывать в этом логове. Понимаете: не мог! Отпросился у начальства и с друзьями на машине — в Берлин. Кажется, это было шестого или седьмого мая. Подъехали к городу, мосты через Шпрее и каналы взорваны. Но ничего, «форсировали» — помог прежний опыт. Добрались до рейхстага. Народу вокруг него попрешнему море. Все фотографируются, расписываются. Расписались и мы. И за себя и за своих товарищей, которые не дошли. Помянули их, павших за нашу свободу.

И сразу же отправились к себе в часть под Висмар. А в ночь на девятое мая, когда пришло сообщение о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии, снова поднялась такая стрельба! По восточному берегу Висмарской бухты наши солдаты поставили огненную стену из транслирующих пуль. А напротив такой же салют устроили союзники...

— В суровые годы войны зародилось боевое содружество братских народов, которые ныне объединены Варшавским Договором. Сейчас, в канун двадцать пятой годовщины заключения Договора, читатели нашего журнала, товарищ маршал, хотят знать об участии в борьбе с гитлеровским фашизмом национальных воинских формирований, сражавшихся бок о бок с Советской Армией. Может быть, вы расскажете подробнее о тех, с кем вам пришлось встречаться на фронте лично?

— Второго февраля 1943 года остатки окруженных под Сталинградом гит-

леровских войск под ударами Красной Армии прекратили сопротивление. Эта великая победа вдохнула веру в скорое освобождение от гитлеризма поработанных народов Европы. Для патриотов многих стран завершение битвы на Волге стало началом их активной борьбы против оккупантов. Одними из первых, кто делом откликнулся на эту победу, были поляки, проживавшие в Советском Союзе. Уже через несколько дней они образовали Союз польских патриотов, который объединил в едином лагере борьбы с гитлеризмом коммунистов, левых социалистов, представителей крестьянских партий, прогрессивно настроенных беспартийных деятелей. Инициаторами создания СПП были коммунисты, им принадлежало и идейное руководство союзом. Вскоре они обратились к Советскому правительству с ходатайством о формировании в нашей стране польского воинского соединения, которое должно было плечом к плечу с Красной Армией сражаться против общего врага.

Для Государственного Комитета Обороны решение этого вопроса не было простым делом. В первый год войны в нашей стране была сформирована польская армия генерала Андерса, на что Советское государство израсходовало значительные средства. Но по настоянию польского эмигрантского правительства, которое находилось в Лондоне, летом 1942 года, в самое трудное для нашей страны время, армия Андерса эвакуировалась на Средний Восток. Естественно, такая акция предельно ухудшила советско-польские отношения.

Положительный ответ на ходатайство СПП был предпринят тем, что его подписали видные деятели польского рабочего движения Ванда Василевская, Альфред Лямпе, Александр Завадский, и тем, что левые силы Польши уже в 1941 году развернули на территории своей оккупированной родины активную борьбу против захватчиков.

Формирование польской дивизии началось летом 1943 года в районе рязанской деревни Сельцы. Сообщение об этом нашло отклик у многих поляков, которые в ходе военных действий осенью 1939 года отошли в Западную Белоруссию и Западную Украину, а затем расселились по всему Советскому Союзу. Юных Войцеха Ярузельского и Эугениуша Мольчика (нынешних министра и вице-министра обороны ПНР) весть о создании польской дивизии застала в алтайском городе Бийске, куда они эвакуировались с родителями, и оба записались добровольцами в новое польское соединение. Из Средней Азии в Рязань прибыла часть польских офицеров, которые отказались уехать из СССР с армией Андерса.

Уже к середине мая 1943 года в дивизию было более пятнадцати тысяч человек, но среди них было мало офицеров, так как почти все они ушли с армией Андерса. И тогда наше Верховное Главнокомандование по просьбе польских патриотов откомандировало в

дивизию свыше 600 советских офицеров, что составило больше половины ее командного состава. Одновременно в ряде училищ были организованы роты и батальоны польских курсантов, будущих офицеров польских армий. Причем готовились не только пехотинцы, но и танкисты, артиллеристы, военные инженеры. Кроме офицеров, в формирующиеся польские части — особенно технические — Советское командование выделило и значительное количество солдат, входивших в состав боевых экипажей и расчетов.

Первого сентября, в четвертую годовщину нападения Германии на Польшу, 1-я Польская пехотная дивизия имени Т. Костюшко отбыла на фронт, а 12 октября под могиловским селом Ленино получила боевое крещение, приняв участие в прорыве «Восточного вала».

Когда в середине июля 1944 года началось освобождение восточных земель Польши, в составе 1-го Белорусского фронта сражалась уже 1-я Польская армия. А в конце августа началось формирование 2-й армии Войска Польского.

— Вам лично довелось воевать вместе с польскими частями?

— Да. Это было в конце марта сорок пятого, когда мы готовились к штурму Данцига. Вечером 21 марта бригада подходила к району сосредоточения, и вдруг у перекрестка дорог видим наши «тридцатьчетверки», но с орлами на башнях. Судя по лицам польских граждан, которые стояли у дороги, этот знак их тоже сильно озадачил. Лишь когда один из командиров танка объяснил им что-то на польском языке, они выразили бурный восторг. Оказалось, это был батальон 1-й танковой бригады имени Героев Вестерплатте, которая вместе с советскими войсками должна была принять участие в штурме польской военной базы Гдыня.

— На Вестерплатте под Гдыней прозвучали первые выстрелы второй мировой войны.

— И теперь польские патриоты вместе с нашими войсками вернулись туда, где в сентябре 1939 года маленький гарнизон польской береговой обороны сражался под огнем германского крейсера «Шлезвиг-Гольштейн».

— А сами вы участвовали во взятии Данцига?

— Да. Сначала овладели пригородами, а потом штурмом брали квартал за кварталом. Во второй раз увидел танки с орлом на привокзальной площади. Только через много лет я узнал, что командование 1-й польской танковой бригады по распоряжению маршала К. К. Рокоссовского после овладения Гдыней направило в Гданьск свои подразделения, которые повели наступление к самому его центру и водрузили там знамя Польши. А тогда, в бою, было не до распросов. Знали одно: вперед.

К концу войны. Войско Польское достигло 400 тысяч бойцов и командиров.

В 1943 году под Харьковом принял свой первый бой чехословацкий батальон, развернутый позже в бригаду, дивизию, корпус, которым командовал будущий президент ЧССР Людвиг Свобода.

В заключительных операциях Великой Отечественной войны на стороне советских войск приняли участие румынские и болгарские воинские соединения. В боях за Будапешт в рядах наступавшей Красной Армии было несколько рот венгерских интернационалистов-добровольцев.

В первый день войны, 22 июня 1941 года, в Москве состоялось совещание руководителей Коммунистической партии Германии с участием Исполкома Коминтерна, на котором было принято решение о том, что немецкие коммунисты мобилизуют все свои силы на усиление антифашистской деятельности в Германии и на оказание помощи Красной Армии. Эту политическую и разъяснительную работу возглавили видные члены КПГ В. Пик, В. Ульбрихт, И. Бехер, В. Бредель, Э. Вайнерт, Ф. Вольф. В их ряду был и Гейнц Гофман, бывший слесарь и будущий министр обороны ГДР.

В середине июля 1943 года, после Сталинграда, в самый разгар Курской битвы, исход которой уже был ясен, в нашей стране был образован Национальный комитет «Свободная Германия», в котором были представлены самые различные антифашистски настроенные слои немецкого народа. Комитет вел пропагандистскую и агитационную работу как в лагерях немецких военнопленных, так и на фронте, призывая солдат фашистской армии не сопротивляться Красной Армии, сдаваться в плен. Такая агитация дала определенные результаты, особенно на завершающем этапе войны.

Многие из деятелей Национального комитета «Свободная Германия» впоследствии принимали участие в создании Национальной народной армии ГДР.

— Варшавский Договор был подписан через десять лет после окончания второй мировой войны. Скажите, товарищ маршал, какими причинами было обусловлено такое решение социалистических стран?

— Сразу после капитуляции Германии наши западные союзники стали очень быстро сворачивать дружеские отношения с Советским Союзом, сложились во время войны. Даже мы, фронтовики, люди, далекие от «большой политики», почувствовали быстрое «охлаждение» союзнических чувств. Резко сократились контакты, взаимные дружеские визиты между нами и англичанами, с которыми встретились в начале мая под Висмаром.

Когда летом сорок пятого на Потсдамской конференции президент Трумэн объявил об испытании атомного оружия, ужаснее которого, по словам министра обороны США, не знало человечество.

было понятно, что это выпад в наш адрес.

Сразу после Готтсдама Запад принял кампанию против достигнутых там соглашений, выступил за возрождение германского милитаризма.

Речь Черчилля в Фултоне поставила все точки над «i»: Советскому Союзу и странам народной демократии объявлялась «холодная война».

Затем последовали «доктрина Трумэна», создание Североатлантического союза, цепи агрессивных блоков в районах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, в бассейне Тихого океана. Границы Советского Союза и социалистических стран охватила широкая дуга военных баз США и их союзников, насыщенных самыми современными средствами поражения, способными достичь любой точки нашей территории.

В начале пятидесятых годов НАТО ускоренно перевооружает армии стран, входящих в этот блок. Его штабы разрабатывают и проигрывают на различных учениях планы похода на Восток. Могли социалистические страны бездействовать перед лицом агрессивных приготовлений? Конечно, нет. Мы вынуждены были принять меры, которые гарантировали безопасность всего социалистического содружества. После тщательного анализа международной обстановки и всесторонних консультаций коммунистические, социалистические и рабочие партии и правительства пришли к единому мнению о необходимости объединения усилий стран социализма для отражения надвигающейся агрессии. 14 мая 1955 года в Варшаве главы правительств восьми европейских социалистических стран подписали многосторонний договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, вошедший в историю как Варшавский Договор.

— Западная пропаганда старается представить его агрессивным пактом.

— Двадцать пять лет существования Варшавского Договора доказали, что он имеет сугубо оборонительный характер, ставит своей задачей оказание вооруженной помощи его участникам только при возникновении угрозы агрессии и необходимости обороны от нее. За двадцать пять лет его существования никто из участников Договора не развязал военного конфликта, ни в одном регионе земного шара не создал напряженную обстановку.

Совсем иную политику проводят военные блоки, возглавляемые Соединенными Штатами Америки. По данным американского института Брукинга, только США с 1949 по 1975 год 215 раз использовали свои вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела других государств и достижения своих политических целей.

Из тех же агрессивных целей совет НАТО в декабре прошлого года принял решение о размещении в ряде стран Западной Европы ракет средней дальности и крылатых ракет. Подавая их как тактическое оружие, они стараются за-

маскировать то, что эти ракеты в случае конфликта способны поразить объекты как на территории СССР, так и социалистических стран Варшавского Договора и тем существенно ослабить их экономический и военный потенциал. При этом руководители НАТО рассчитывают на то, что время на обнаружение этих ракет после их запуска крайне ограничено, и потому им удастся нанести упреждающий удар, избежав ответного удара, особенно по Соединенным Штатам Америки, которые предпочитают воевать чужими руками.

Сейчас, используя ситуацию, возникшую в результате революционных преобразований в Иране и Афганистане, где США потерпели существенное поражение, на Западе развернута очередная пропагандистская кампания против Советского Союза. Ее истинная цель — обосновать новую милитаристскую программу, к осуществлению которой президент Картер приступил на самом деле задолго до событий на Среднем Востоке.

— В последнее время наиболее агрессивно настроенные политические деятели Запада, а вслед за ними и соответствующие средства массовой информации вновь подняли шум по поводу того, что государства — участники Варшавского Договора якобы имеют громадные количества танков и потому их планы войны имеют не оборонительный, а наступательный характер, что брошированы клинья русских достаточного сорока восьми часов, чтобы достигнуть берегов Рейна.

Наши читатели, товарищ маршал, хотели бы знать ваше мнение по данному вопросу, мнение не только Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами государства — участника Варшавского Договора, но и советского офицера, который всю войну прошел в танковом войскал и имеет поэтому соответствующий боевой опыт.

— Несостоятельность подобных заявлений, их конъюнктурность и умышленное искажение цифр и фактов, на которые они будто бы опираются, становятся особенно очевидными, если данный вопрос рассматривать не оторванно, а в комплексе с другими вопросами.

Прежде всего легко заметить, что подобные безответственные выступления всякий раз приурочены ко времени, когда в парламентах западных стран идет обсуждение очередных военных бюджетов, или к моменту, когда дебатруется вопрос о производстве и размещении на их территории новых видов американского оружия массового поражения, например, нейтронного или крылатых ракет.

Чтобы человек Запада стал более сговорчивым, его стараются запугать несуществующей советской военной угрозой, стальными армадами, якобы готовыми ринуться на беззащитную Европу. Тут уж не считается большим грехом

искажать истинное положение вещей, хотя, как известно — и это признают объективно мыслящие государственные деятели Запада, — существует определенное равенство сил государств Варшавского Договора и стран НАТО.

В спекулятивных заявлениях некоторых политиков умышленно опускается и тот хорошо известный всякому грамотному военному специалисту факт, что чисто оборонительных и наступательных средств борьбы не было и нет. Кавалерия, артиллерия, не говоря уже о пехоте, всегда применялись и в наступлении и обороне. Самолеты и танки — оружие двадцатого века — с самого начала их появления также использовались в наступлении и обороне. Это подтверждает и опыт всей второй мировой войны. В оборонительных сражениях под Москвой, Сталинградом и Курском наши танки сыграли исключительную роль. На ближних подступах к Москве именно танковые бригады, выброшенные вперед, замедлили наступление танковых корпусов противника и выиграли несколько дней для организации обороны. В обороне Сталинграда приняли участие две танковые армии и несколько танковых корпусов. Во время сражения под Курском летом 1943 года 1-я танковая армия генерала М. Е. Катюкова была посажена на вторую полосу обороны. Ее танки в основном действовали как прочные противотанковые средства. Примерно так же использовались 2-я танковая армия, 2-я и 5-я гвардейские, 6-й, 10-й, 31-й танковые, 3-й механизированный корпус.

В ходе оборонительного сражения была применена и 5-я гвардейская танковая армия, завязавшая с танковыми корпусами группы армий «Юг» встречное сражение под Прохоровкой.

Всего в сражении за курский выступ с обеих сторон было применено 8 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, из них более 4 тысяч советских.

Столь же массированно и активно танки в обороне применяла немецко-фашистское командование, что особенно подтверждается борьбой за удержание «Восточного вала» на участке от Киева до Кировограда.

Основываясь на опыте второй мировой войны, можно со всей определенностью сказать, что без танков современная оборона не может успешно противостоять наступлению крупных войсковых группировок, особенно в условиях начала войны, в наиболее маневренный ее период, когда, как известно, оборона носит активный характер. Как ни эффективны противотанковые средства, в частности управляемые реактивные снаряды, устойчивость их против массированного огня значительно ниже, чем танков. Кстати, и они, ПТУРСы, казалось бы, совершенно оборонительное средство, могут быть успешно использованы в наступлении для поражения прочных целей и в борьбе с контратакующими танками.

Так выглядит этот вопрос с чисто военной точки зрения.

Но мы должны помнить и о другой его стороне. Советский Союз, страны — члены Варшавского Договора всегда стояли за международную разрядку во всем мире, в том числе и в Европе. Мы не раз предлагали западным странам начать взаимное сокращение как ядерного, так и обычного вооружения.

Только за последние месяцы 1979 и в начале 1980 года руководители социалистических стран выдвинули несколько кардинальных инициатив, направленных на ослабление политической и особенно военной напряженности в мире. К ним относятся и предложения, высказанные в речи Л. И. Брежнева в Берлине 6 октября 1979 года, после консультаций с другими участниками Варшавского Договора.

Комитет министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора в ходе обмена мнениями, состоявшегося 5—6 декабря 1979 года, также уделил особое внимание проблеме военной разрядки и разоружению в Европе как ключевому вопросу в борьбе за упрочение мира и безопасности в этом регионе земного шара.

У нас слова не расходятся с делом. Недавно наша страна приступила к выводу с территории ГДР расквартированных там воинских контингентов Советской Армии. В первую очередь это танковые части, которыми так любит пугать своих граждан западная пропаганда.

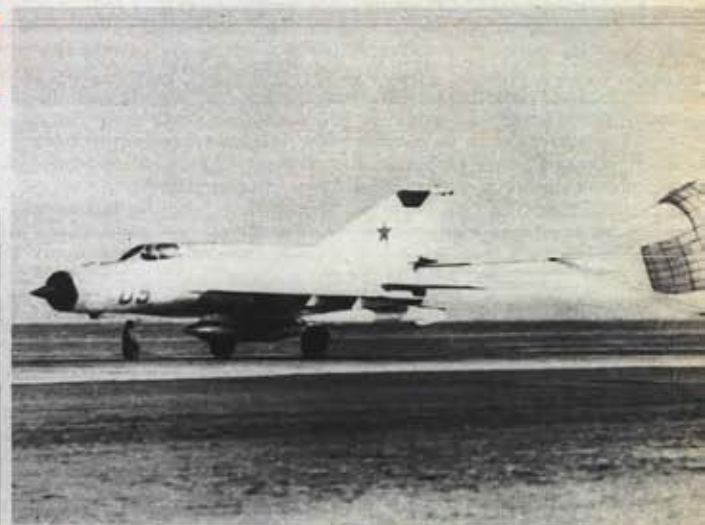
В своей речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы 22 февраля этого года Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев отмечал:

«Авантюристические «доктрины» новых проповедников «политики с позиции силы» опасны не для какой-то лишь отдельной страны или группы стран. Они несут угрозу миру и безопасности всех государств и народов. И дать отпор этим зловецам замыслам — дело всех, кому нужен и дорог мир.

Советский Союз не запугать никому. Наши силы и возможности огромны. Мы и наши союзники всегда сумеем постоять за себя и дать отпор любым враждебным наскокам. И никому не удастся спровоцировать нас. «Доктрине» военной истерии и лихорадочной гонки вооружений мы противопоставляем доктрину последовательной борьбы за мир и безопасность на земле...»

— Тридцать пять лет минуло с победного мая сорок пятого года...

— Да, уже тридцать пять лет, — проговорил маршал в раздумье, как бы мысленно пробираясь по годам войны и мира. — Целых тридцать пять лет Европа не знает войн. Потому что надежным гарантом мира выступает Советский Союз, все социалистическое содружество. Слишком дорогую цену заплатили наши народы за победу над фашизмом, чтобы позволить агрессорам развязать новую бойню.

Из ржевских тетрадей
сорок второго года

Рисунок
Семена ТРОФИМОВА

БУДНИ

Когда нас среди ночи поднял пришедший на передовую помначштаба с каким-то капитаном в полушубке и сказал: «Собирайтесь», — мы ничего не поняли.

— Куда собираться? Зачем? Что еще там начальство придумало? Опять какая-то передислокация? Может, опять пойдем ночью в наступление или в разведку? — гуторили шепотом и вылезали из шалашей.

Собирается нам незачем. Все, что у нас есть, — на себе. Автомат, два диска на поясе, две «лимонки», одна «РГД», малая саперная лопатка, противогазная сумка, набитая патронами, — вот и все. В карманах — остатки махры, обрывки листовок на завертку, капсулы для гранат в левом кармане гимнастерки и там же черный футлярчик смертного медальона.

Позевываем, поеживаемся и от холода и оттого, что опять надо куда-то топтать. За оврагом видим белеющие полушубки, и тут начинается до нас доходить — это же смена. Нам смена! А мы, мы — в тыл! Поверить в это хочется, но страшно... Вдруг просто меняют нас местами — эти, в полушубках, сюда, а мы левее, к Усову.

ПНШ ничего не говорит, а мы страшимся и спросить... Но когда доходим до землянки помкомбата, что в центре леса, а оттуда поворачиваем налево к деревне Черново, начинает пробиваться надежда — вроде бы в тыл отправляют. И здесь сразу же все невольно прибавляют шаг, но радости себе не позволяют — уж больно горько будет разочарование, если все не так окажется. А оказаться может: доведут до Черново, а оттуда опять к передку в другую местность...

Утоптанная тропка поблескивает в свете ракет водой, которая проступает в каждом следе от наших ботинок, и хотя уже углубились мы в лес, мерцание еще достает нас, еще поблескивают голубовато-каски тревожным светом передовой...

Теперь у всех одна мысль — не обнаружили бы себя новенькие. Тогда начнет немец обстрел и нам напоследок может врезаться. А это уж совсем ни к чему. Поэтому не только шаг прибавляем, но и прислушиваемся тревожно...

В Черново за два месяца только я бывал дважды, ну и писарь ротный разок, а для остальных эта деревенька совсем незнакома. Однажды прошли ночью и сейчас тоже ночью подходим. Правда, с усовского поля, освещаемого ракетами, чутко она просвечивается, и видно, что побита здорово. В деревне встречаемся со второй ротой. У них людей немного больше, штывков двадцать, ну а в нашей, первой, чуть более отделения.

Тут, конечно, как всегда, постоять пришлось... ПНШ в землянку комбата направился, а мы около полусожженного дома приостановились, да и сразу кто куда присел — ноги-то не казенные. И закурить опасаемся — вон оно, Усово, немцем занято. Как бы не заметили фрицы. А курить тянет... Ведь если и вправду в тыл, то радость-то это какая. Живым мы выходим. Как-то сразу до этого не дотумкаешь. Уж больно неожиданно это.

Но вот возвращается помначштаба. Все на него глядят мерклыми глазами — что скажет: в тыл топтать или еще куда?

— Направление — сосновый бор. Большак перейдете — и по полю. Поняли? — говорит ПНШ.

Чего не понять — в тыл! Вдохнули все разом, поднялись и — шагом марш. Поначалу шаг дали широкий, но вскоре выдохлись. Когда большак пересекли, то по полю шли уже не ходко: дает знать передовая, иссились ребята.

Странно, но той настоящей радости, которую надо бы чувствовать, не ощущаю. Так же внешне равнодушно, не оживившись и молча, идут бойцы... Либо не верим мы еще, что кончилась для нас двухмесячная маета на переднем крае, либо устали настолько, что воспринимаем это с безразличием...

А передовая уходит от нас... И с каждым шагом блекнет небо над нею. Уже не различаются отдельные вспышки ракет, а просто туманится голубовато за лесом. А стрекот пулеметных очередей совсем уже не слышен...

Начинаем покуривать. Начинаем и разговаривать по-маленьку, но по привычке шепотом, да и не густо идут разговоры: так, слово, два... А впереди темной стеной вырастает сосновый бор, и уже доносит ветерок запах хвои. Интересно, там ли нас остановят или за Волгу пойдем, совсем в тыл?

До бора от передка километров шесть, не больше, но идем мы к нему уже часа два. И такое расстояние для нас сейчас — целый поход. Так и хочется присесть, а еще лучше прилечь. Тянет к земле весомое хозяйство на плечах. На передке ведь — только автомат да «лимонка», а остальное в шалаше полеживало, а тут все на себя наворочено да и отвыкли от марш-бросков.

Но вот наконец бор... Сосны с трехэтажный дом, а главное — сухость, и сразу же, не выбирая места, валимся на землю.

Дальше над не ведут, приказывают расположиться здесь на опушке, и мы располагаемся. Группками по двое, по трое садимся у деревьев и запаливаем по пгарке. Усталость и покой смаривают нас быстро, и засыпаем мы прямо на земле, заленившись даже наломать лапнику для подстилки...

Я открываю глаза, когда лучи утреннего солнца пробиваются через деревья и золотят бор. Не сразу понимаю, почему надо мной нет зеленой крыши шалаша, а когда вспоминаю наш ночной поход от передовой и соображаю, что мы далеко от нее, в тылу, на меня накатывается удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение необыкновенного покоя и... счастья. Да, пожалуй, счастья, потому что впервые за два месяца я не жду утром минометного обстрела, не жду смерти... И несмотря на то, что ожидание смерти, будучи постоянным, стало чем-то обычным, будничным, несколько притупилось и не вызвало того ужаса, как в первые дни, сейчас отсутствие этого ожидания кажется чудом... Я глубоко вздыхаю, и невольно рот растягивается в глупой счастливой улыбке.

Смотрю на ребят. Они тоже лежат, открыв глаза, и тоже блуждают на их губах слабая улыбка.

Вставать мы не торопимся. Лежим, впитывая в себя это первое утро без визга мин, без разрывов. Первое утро в абсолютной тишине. Нет, не в абсолютной: доносятся ржание лошадей, какие-то стуки, разговоры, но для нас это тишина.

Оглядываюсь по сторонам... В глубине леса показались землянки и выюта дымки. Похоже, здесь, в этом бору, находятся тылы нашего батальона. И наш вид в этом сухом, спокойном тылу кажется нелепым: грязные, оборванные, небритые, увешанные оружием — мы словно из другого мира. Да и верно, из другого... Всего каких-то шесть верст, а разница — небо и земля.

Появляется какой-то старшина и говорит, чтоб шли к складу получать вещевые мешки, которые оставались здесь, пока мы были на передовой. Встаем, потягиваемся, топаем к складу. В вещевом мешке у меня бритва, горсть белых сухарей, пара белья, портянки, тетради и карандаши. Получаю вещмешок — бритвы и сухарей нет! Остальное вроде все цело. Человек я не жадный, но то, что увели бритву — отцовскую бритву! — не только возмущает меня, но просто бесит. Размахивая руками, наступаю на начальника ОВС, немолодого старшего лейтенанта.

— Пока мы там... на передке... А вы тут в тылу... Где скажите на милость, бритва?! — почти кричу я, и такая обида почему-то охватывает, что чуть ли не слезы на глаза.

Выгляжу я, наверное, страшновато, потому как старший лейтенант отступает от меня, поспешно заверяя, что бритву он мне достанет.

— Это отцовская — «золлинген»! Понимаете, отцовская!

Да, видимо, потому, что она отцовская, что так дорого здесь все, что из дома, я и бешусь так.

Неожиданно подходит комиссар батальона, здоровается. Я беру себя в руки, хотя внутри все клокочет. Комиссар внимательно оглядывает меня и покачивает головой: мой вид в восторг его не приводит. Особенно моя обувка — фрицевские короткие валенки, вымазанные в грязи и насквозь промокшие.

— Выпишите ему сапоги немедленно, — говорит он начальнику ОВС.

Тот козыряет и отправляется на склад, а комиссар мне очень мягко:

— Надо побриться.

Я опять взрываюсь и кричу об украденной отцовской бритве.

Комиссар почему-то улыбается, кладет мне руку на плечо.

— Успокойтесь, москвич. Сегодня вас кое-что ждет, поэтому приведите себя в порядок.

— Мы здесь останемся, товарищ комиссар?

— Пока да.

Иду к складу, получаю новые кирзашки и бритву. Разумеется, не свою. Мой «золлинген» уплыл. Раскладывая на солнце чистые портянки, что бо просохли после склада, белье, достаю у кого-то кусочек зеркала, разогреваю воду на костерике и начинаю бриться... После бритья, умывания надеваю сухонькие теплые портянки и влезая в сапоги — ощущения не передать! Сухость, легкость! Прогуливаюсь по опушке — красота! Подходит один из моих бойцов.

— Товарищ командир, какой-то старшина насчет часиков спрашивает. Нет ли у кого?

Задумываюсь. Часы у меня карманные... Вынимаю, смотрю. Жалко, конечно, до невозможности. Спрашиваю:

— Чего дает за часы?

— Буханку хлеба...

Буханку! Последние дни, там, в окопах, нас без конца накрывали артобстрелы. Не раз — только возьмешься за котелок с обедом, как начинается пальба, котелок летит на землю вместе с обедом, и ты голодный. Так что буханочку бы неплохо. Восполнить то, что пролилось на землю.

— Тащи старшину сюда, — говорю бойцу.

Старшина вскоре подходит — поленький, румяный, глазки бегают.

— У вас, лейтенант, часики?
— У меня... Кроме буханки, дашь концентратов две пачки и махры.
— Это мы подумаем. Вы часики покажите.
Внимаю часы.
— Я думал, наручные...—протягивает старшина.
Я молча забираю часы обратно. Мне бы его на передок! Он бы у меня там поползал на брюхе! Но буханка уже маячит у меня перед глазами—большая, поджаристая, и вкус мягкого черного хлеба уже на губах. Слаб человек!
— Беру,—решает старшина.—Только концентратов нету.
— Тогда катись,—с трудом говорю я.
Тот поднимается, почесывает за ухом, но не уходит.
— Тебе что сказали,—с ненавистью врзает старшине мой связной и подталакивает его стволом автомата.
— Но, но, потише,—огрызается старшина.—Ладно, лейтенант, по рукам. Принесу сейчас.—И уходит.

Возвращается скоро. Буханка в белой тряпочке, чтоб не углядел кто, а остальное вынимает из карманов. Кладу буханку и концентраты в мешок, а пачку махры распечатываю нетерпеливыми, чуть подрагивающими пальцами. Отсыпая Казакову и свертываю себе здоровую сигарку, что там «115-й номер» (были такие папиросы до войны, длинные-предлинные)—раза в три толще.

Затягиваюсь до обалдения.
В конце концов все хорошо... Мы в тылу. И живые. И живые — полуживые, но это уж детали. С чистого, безоблачного неба светит солнце, кружит голову пряный запах хвои, мы в сухом лесу. Впереди поле, но это уже не поле боя. Еле-еле виднеется Черново. В небе не висит «рама», и скоро (так сказали) будет обед, и есть надежда, что пшеница будет погуце. И у меня буханка хлеба. И еще слова комиссара, что меня сегодня что-то ждет. Что — не имею представления. Второй кубарь вешать мне, наверно, рано. С этим-то только месяц хожу. Что же еще? Ладно, чего задумываться, есть кое-какие неотложные дела. Стягиваю с себя ватник, гимнастерку, рубаху, и к костру, около которого уже колдуют мои ребята — прожаривают свои нательные рубахи...

После этой нельзя сказать чтобы очень приятной процедуры иду во вторую роту — надо проведать Пахомыча. Двое нас только осталось — однополчан. Хотя нет, во втором батальоне еще человека три, но те малознакомые, а с Пахомычем с самого начала службы — в одном взводе полковой школы были, на курсах младших лейтенантов тоже. После гибели Чебакова в первом же бою ближе его у меня здесь никого нет.

Подхожу... Вторая рота тем же занимается — прожаривают на костре бельишко.

— Ну что? А все ныл — Волгу больше не увижу... Вон она, Волга — километра три,—говорю вместо приветствия и жму руку.

Пахомов не отвечает, только сжимает мне пальцы, и глаза его подозрительно влажнеют.

— Неужто мы живы остались? А?—Голос чуть дрожит.

— Не веришь?

— Покамест — да... Как думаешь, надолго в тыл?

— Теперь, считай, месяца три на пополнении будем...

Пахомов командует взводом, но звание пока не присвоили, да и не очень-то жаждет он этого, по-моему, ему бы на Волгу, на пароход...

— Три месяца,—протягивает он мечтательно, а я говорю ему, чтоб приходил ко мне, когда обед принесут, что есть у меня хлебушко.

В общем, день начинается прекрасно... Солнце уже поднялось, и весь бор залит светом. Становится даже жарко и, придя в свою роту, снимаю телогрейку. Ребята занимаются кто чем, большинство подремливает, развались около сосен. Лица измученные, серые. Да, братишки, досталось вам... Хотя бы недельку вот так, в тишине и покое, дремать и дремать, ни о чем не думая. Ложусь тоже, под голову телогрейку, и в сон.

Будит меня Казаков, мой связной.

— К штабу, командир! Требуют...

Поднимаюсь, отряхиваюсь. Теперь-то побритый и в сапогах я чувствую себя по-другому. К штабу, а точнее, к землянке около склада, которую занимали тыловые службы, а сейчас комбат занял, бредут еще несколько человек: и рядовых и командиров — со всех рот. Зачем, для чего, пока мне непонятно. Не понимают и другие. Встречает нас помкомбата и приказывает построиться. Строимся. Стоим, ждем...

Наконец выходит из землянки комбат, комиссар и еще кто-то, видать, из бригадного начальства.

— Смирно! Равнение на середину! — подтянулись, выпрямились, уперлись глазами в начальство — чего еще надумали?

И вдруг уж совсем неожиданно, словно обухом по голове, — приказ о награждении правительственными наградами бойцов и командиров первого отдельного стрелкового батальона Отдельной стрелковой бригады.

С трепетом жду своей фамилии... И что же? «За отвагу»? Вот уж не ожидал! И за что? Ведь вроде ничего не совершил.

Гаркаю: «Служу Советскому Союзу!» — а комбат вешает мне медаль, и я отхожу в строй, словно пьяный.

Остальные тоже ошарашены вроде меня. Первые награды — это понять надо. Ярko блестят на солнце медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» на грязных темно-зеленых гимнастерках. Появляется блеск в наших усталых, мутноватых глазах, особенно тогда, когда видим на подходе старшину с термосом, а что в термосе — догадываемся сразу. Значит, обмоем награды! И верно, черпает старшина кружкой, и подходим по очереди — хлопаем! И что самое удивительное, выдает старшина по кусочку черники с маслом на закуску.

В голову ударяет сразу. Сейчас бы в настоящий тыл, на отдых, чтоб было перед кем покрасоваться медалями. Но это, пожалуй, и чересчур — это уж радость выше головы...

Комбат улыбается, глядя на нас, но улыбка какая-то измученная. И вообще стал он за эти два месяца другой: тоже похудел, складки от носа к губам стали заметней, глаза как-то померкли... Что ж, это понятно, батальона-то, считай, нету.

Комиссар поманил меня пальцем, подхожу. Жмет руку, поздравляет, а я благодарю за награду, понимая, что не без его участия мне такое — «За отвагу»! Говорю, что не знаю, за какие такие заслуги. Деревень-то мы не взяли.

— Вы свое сделали, москвич... Вы все такое выдержали, что была бы моя воля, всем бы без исключения — «За отвагу», — говорит мне в ответ, а я решаюсь спросить:

— Надолго во второй шезлон, товарищ комиссар?

— Ничего не известно. Пока будем находиться здесь. Сегодня передых, а завтра приступим к оборудованию обороны.

— Тут-то рыть — красота. Сухота и песок, — говорю и расплываюсь в улыбке. — Здесь воевать можно.

Комиссар смотрит на меня внимательно, и вижу я боль в его глазах. Это трогает меня: ведь большинство из нас в сыновья ему годятся — и вот этих сынков изо дня в день бил немец в хвост и гриву, а помочь нечем было. Приходил, правда, комиссар на передок не раз, беседовал, ободрял, но ведь хотелось ему большего — накрыть фрица хорошим огоньком, на каждую его мину двумя ответить. Но не было у нас в достатке ни мин, ни снарядов...

Давно, почти с первых дней, вертится у меня в голове мучительный вопрос — каков смысл был в наших не очень-то успешных наступательных операциях, но задать его было некому. Может, сейчас спросить комиссара? Уже было рот раскрыл, но комиссар опередил:

— Мы выполнили очень важную задачу, москвич. Не дали врагу маневрировать своими силами. Приковали к этому месту не одну, может, дивизию... Понимаете?

— Теперь — да, а до ваших слов...

— Объясните это бойцам, — перебивает комиссар.

— Есть объяснить! — щелкаю каблучками новых, чистых сапог, и самому приятно, что издают они звук, что я вроде бы опять становлюсь настоящим строевиком. Отхожу к своим ребятам. Сержант получил «За боевые заслуги», и еще один боец из моей роты — тоже эту медаль. Присаживаемся, начинаем делиться впечатлениями и ждем обеда. До буханки не дотрагиваюсь — терплю. Сосу самокрутку и полудремлю. Не один раз трогаю медаль рукой, и каждый раз — приятное замирание... У меня «За отвагу», у меня боевая награда. Бое в а я! Вспоминаю, как смотрели мы на авиадесантников на Дальнем Востоке, которые на парадах щеголяли в орденах и медалях, полученных за бои на Халхин-Голе. Смотрели и мечтать не могли, что и на наших гимнастерках когда-нибудь засверкают они.

Подходит Пахомов, поздравляет искренне, не завидуя.

— Тебе за дело дали. Ты на виду был, роту сержантом принял, а вот за что моему ротному дали — не понимаю, — говорит и присаживается рядом.

— Комиссар сказал: все заслужили, только наград-то выделили не густо... — Помолчав, спрашиваю: — Хлебушка сейчас хочешь или обеда подождем?

— Конечно, подождем... — Пахомыч располагает поудобней, потом говорит: — Все-таки чудо, Алеха, что мы живы... Я вот сейчас подсчитывал, сколько раз на дне можно было быть убитым...

— Ну и сколько? — чуть усмехаюсь я.

— Не считая ночи — каждую секунду.

— У меня и ночью бойца убило, — вспоминаю я. — Вышел из шалаша и не вернулся. Подождали, подождали, потом выхожу из шалаша и вижу — лежит рядом со входом и вроде раня никакой не видать, а мертвый...

Тут Пахомыч вспомнил схожий случай, но сразу прервал себя:

— Чего это мы разговор такой затеяли?

— Ты затеял, — напоминаю и предлагаю закурить. Завертываем по сигарке, дымим. — Надо бы письмо написать, да что-то не хочется.

— Мне тоже. Передохнем сегодня, а завтра настроим. Ты правду-то хоть раз написал?

— Что ты? Зачем? Мать и так измучена, наверно.

— Я тоже общими словами отделиваюсь, — говорит Пахомов. — А вот если правду, все как на самом деле? Не поверят?

— А ты бы поверил? — спрашиваю я и думаю, что, конечно, наши представления о войне, хотя и были мы кадровыми военнослужащими, оказались наивными.

То, что на войне трудно будет, мы знали. И походы, и рытье земли, и ползание на брюхе — все это мы испытали. Представляли мы и бой — ура, вперед перебежками, упасть, откатиться в сторону, потом опять вперед, если задержка — немедля окапываться... Это знали, а вот что сверху будут рваться бризантные и шрапнелины лететь тоже сверху и что от них, как в землю ни закапывайся, не спасешься — не знали. Не знали как следует и про мины, и что пули таким густым смертным роем будут носиться над землей, что и головы не поднимешь, — тоже не очень-то представляли. Теперь знаем в с е. Знаем и то, что, оказываясь, не все зависит от тебя, от твоей храбрости, смекалки, физической силы. Решает бой другое — сила нашей артподготовки, точные разведанные, количество приданных танков...

Солнце начинаю греть по-настоящему, и некоторые из бойцов даже сняли нательные рубахи — загорают. Наши лица и кисти рук — темные, очень темные, и отнюдь не от загара, хотя, конечно, апрельское редкое солнце немного и прошлось по ним, но больше темны они от грязи, зато тела ослепительно белы и даже с синевой. Смотрю на них, на выступающие ключицы, ребра, которые можно пересчитать, и думаю, что как нежна и беззащитна наша плоть, как легко может пронзить ее любой осколочек, не говоря о пулях. И вот этой живой, трепетной плотью и принимали мы все, что наготовили для нас немцы.

— Доволен медалью-то? — прерывает мои размышления Пахомыч.

— Знаешь, доволен...

— Помнишь, звали нас в танковое училище, в полковой школе когда были? — после некоторого молчания говорит Пахомыч, позывая.

— Помню.

— Зря не пошли... За броней воевали бы, из пушки стреляли, гусеницами гадов давили, а в пехоте что? Извиваешься на земле, как червяк какой...

Да, конечно, там в танке что-то от тебя зависит — и меткий выстрел, и маневр, и умение, и хладнокровие. Но не хотели мы тогда, бывшие студенты, получать звания. Получишь лейтенанта — и труби всю жизнь в армии, а у нас планы были другие. Кто ж думал, что война наступит. Я и против этого «кубаря» возражал, хотя и приятно было, но сейчас-то о будущем думать особо не приходится — вон она, передовая, проглядывает и пепелищем, что на большаке, и остатками Черново, и леском за ней...

И тут, прерывая мои размышления, подходит к нам боец в шинели правой, не грязной, роста моего, только чуть плотнее, спрашивает:

— Товарищ младший лейтенант, вы командир первой роты?

— Я, — говорю.

— Боец Нахаев прибыл в ваше распоряжение.

— Из тыла, что ли? — спрашивает Пахомов.

— В вещевом складе служил...

— Прощтрафился, небось? — опять Пахомов любопытствует.

— Почему прощтрафился? Может, захотел на передовую?

— Раньше надо было хотеть, когда мы там были, — замечает Пахомыч, которому, видать, сразу чем-то не понравился новый боец.

— Я и раньше хотел, товарищ сержант, а направили вот только сейчас. — Нахаев отвечает спокойно, и какая-то, как показалось мне, снисходительная улыбка кривит его губы. Это мне и не нравится: из тыла сам, а никакого почтения к нам, окопникам. И по медали моей прошелся взглядом почти безразличным.

— Хорошо. Найдите сержанта, пусть занесет в списки, — говорю сухо.

— Я с табачком, товарищ лейтенант, хотите?— говорит тот, залезая рукой в карман и вынимая кисет.

— Давай, если такой добрый,— не отказывается Пахомыч, ну и я тоже тянусь к кисету.

Завертываем, прижигаем, начинаем курить. Нахаев присаживается около нас.

— Чего про передок не спрашиваешь?— интересуется Пахомыч.

— А чего спрашивать? По вам видно.

— Чего видно-то?— спрашивает Пахомыч.

— Что досталось.

— Пока тебе ничего не видно. Вот когда сам попробуешь...— Пахомов немного злорадствует— явно не нравится ему Нахаев.

— Ну, это не скоро... должны на отдых нас.

— Это точно?— спрашиваю я.

— Говорят...— неопределенно отвечает Нахаев.

— Хорошо. Идите доложите сержанту,— приказываю я.

— Есть доложить сержанту!— Он приподнимается и отходит от нас неторопливой походочкой чуть враскачку.

— Ну и типчик!— Пахомыч затягивается в последний раз и бросает сигарку.

Я закрываю глаза. Поскорей бы обед. Может, в тылу погуще будет пшенка? Да что пшенка! Хлебушек же есть.

Сейчас у меня уже есть две вещи, доставляющие великую радость,— медаль на гимнастерке и хлебушек в мешке. И то и другое я трогаю рукой, как бы удостоверюсь— это реально.

Открываю глаза... Пахомыч привалился к стволу и дремлет. Почему-то еще на марше думалось, что из нас его убьет первым. Уж больно пустые были у него глаза, да и о Волге своей все ныл— не увижу, дескать, больше, а вот выжил. Убило ротною, убило Чебакова, Савкина... Многих убило, а мы с ним каким-то случаем уцелели. И если действительно этот отход с передних линий надолго, на отдых и на формирование, то и верно— уцелели. Сколько может продолжаться переформировка, я не имею представления, но думаю— месяца два-три. Это целое лето. Прогреемся, подкормимся, передохнем, позабудем, что пережили здесь, и— обратно.

Интересно, с какими же чувствами и мыслями пойдем во второй раз? Уже все знающие, все испытывавшие— как пойдем? Но рано, наверно, об этом задумываться, да и не сегодняшними разварными мозгами...

Через некоторое время слышу звон котелков и сразу провожу рукой по вещмешку, ощущая угловатые края буханки,— будет обед у меня с хлебушком.

Пшенка оказалась чуть погуще и погорячее, чем на передовой. Штыком от СВТ режу хлеб. Приятно щекочет ноздри: так бы и прижал к лицу, упиваясь запахом черныха. Отрезаю три больших куса— себе, Пахомычу и связному. Протягиваю им, и начинаем священнодействовать. Едим молча, вдумчиво, не спеша, смакуя каждый глоток, каждый закус от ломтя...

Не меньше часа тянем мы процедуру принятия пищи, а потом, отпустив ремни и завернув по большой сигарке, растягиваемся и начинаем дымить— разморенные, почти сытые. На разговоры нас не влечет, да и о чем говорить? Вот попадем в настоящий тыл, там можно будет порассказывать кое-что и сестренкам из санроты и другим девчатам, если отдыхать будем где-нибудь в деревне, а друг другу-то нечего— все известно.

Лежу и думаю, что наконец-то смогу написать большое письмо матери и написать без той «священной лжи», которой были полны мои предыдущие письма. Но, наверно, мать чувствовала ее между строк, догадывалась о правде. Но писать сейчас почему-то не хочется, откладывая на завтра.

Наше послеобеденное блаженное полудремотное состояние вскоре перебивает начальство— помкомбата вызывает командиров рот. Приказывает составить стрелковые карточки и начертить схемы обороны своих рот. Рот? Смешно— роты-то числом в отделение. Принимаюсь за дело, и дело это напоминает мирные занятия по тактике в полковой школе и на курсах лейтенантов запаса. Вынимаю бумагу, карандаши и начинаю. Здесь, на флангах, расположили ручные пулеметы, одну стрелковую ячейку выдвину вперед для наблюдателя... Почему-то не верится в серьезность этого занятия— не будем мы здесь стоять в обороне, не будем, чуяет мое сердце, но приказ есть приказ— черчу.

На светло-голубом небе появляется серебристая точка— с немецкой стороны приближается «рама». Тушим костры, отодвигаемся в глубь бора, но глядя на самолет спокойно, не так, как на передовой. Почему-то не верится, что этот лес будет бомбить, да и висит «рама» пока еще над Черново и если углядит людей в полушубках, то тут уж немцы поймут— новая часть прибыла, им-то и дадут.

«Рама», покрутив над передовой и над деревней, ушла, а мы начали гадать— прилетят ли самолеты на бомбежку после нее или нет? Странное чувство— знаем, бомбить-то будут не нас, но все равно сердце сжимается. Представляем мы, что будут испытывать новички, когда навалются на них «юнкерсы», как с воем будут заходить на цель, как будут видеть они поначалу черные точки вываливающихся из люков бомб, а потом слышать нависший ужас их свист...

И не успел я еще закончить чертить схему обороны роты, как появились четыре самолета над Черново— и началось. Глухо доносятся разрывы, но каждый бьет по нашим нервам— достается ребятам.

Тут и над нами прошелестел артиллерийский снаряд и взорвался где-то сзади нас, наверно, ближе к Волге. Но только один. В тылу-то мы в тылу, но и здесь, оказавшись, может достать нас война. Однако разве сравнить с передним краем.

Отбомбившись, уходят самолеты. Сидим, привалившись к стволам сосен, и опять смаривает нас дрема. Через час-полтора видим первых раненых, медленно топчущих в тыл. Полушубки на них уже не ослепительно белые а вымазанные в грязи, в крови— кто в руку ранен, кто в голову, а кто и в ногу, но легко. Спрашиваем: здорово ли бомбили? Кто отвечает, кто просто машет рукой, кто ругается, и сразу, за одну ночь и подنيا осунулись лица, посерели. Раненые присели отдохнуть и не скупясь стали потчевать табачком наших ребят, заодно и спрашивать— сколько времени на передке мы были, а когда узнали, что около двух месяцев, сочувственно захолали.

Так в вальсе на сухой земле, в полудреме проходит для нас этот первый день в тылу, и к вечеру стали отходить маленько от всего пережитого, будто сон был какой страшный. И стемнеть не успело, как завалились все спать, даже шалаши сделать поленились. Поломали только веток с молоденьких сосенок, устроили лежаки, завернулись в шинели, и на боковую, в покое и без страха, что накроет утром минометный налет, в тиши и благодати...

Лег и я. Завернул сигарку и, лежа на спине, смотрел на темнеющее небо над головой, покуривая и думая о том, что каким-то счастливым случаем уцелел за эти два месяца. И в наступлениях пролетали пули мимо, и при минометных и артиллерийских обстрелах везло, и при бомбежках только одна бомба близко упала, оглушив чуть разрывом и тряхнув взрывной волной. И только один раз немцы стреляли именно по мне. Это когда выдвинулись на простреливаемый и

проглядываемый врагом участок с редкими кустиками, демонстрируя подготовку к наступлению в тот день, когда ходила наша разведка на Усово. Вот тогда заметили меня фрицы, и тут уж спасло не знаю что. Видимо, умение применяться к местности, быстро переползая, а точнее, перекачываясь с места на место, и не смог меня поймать на мушку немецкий пулеметчик, хотя и близко рыхлили пули землю около моего тела, но вывернулся как-то...

Думаю я и о предстоящем отдыхе на переформировании, где надо бы мысленно перебрать все случившееся, передумать на досуге, что правильно делал, а что не совсем, но почему-то кажется, что не скоро это будет, что придется еще какое-то время пробыть в этом бору, оборудовать оборону... Может, сюда и будет приходиться пополнение, с которым и создадим здесь вторую оборонительную линию. Ведь начало мая уже. Скоро пообсохнет, дороги станут проезжими, и тут-то и может начать немец наступление, задавшись целью выбить нас за Волгу.

Так под эти мысли и засыпаю...

И вдруг: «Рота, подъем!»

Вскакиваем, протирая глаза: что это начальство покоя не дает, чего придумало?

— Выходи строиться!— звучит команда.

— Первая рота, в колонну по два— стройся!— кричу я.

Построились. Молча поглядываем друг на друга вопросительно, можно подумать, что кто-нибудь чего-то знает. Никто ни черта не знает, хотя предполагаем, что поведут нас сейчас за Волгу. Наверно, днем, боясь самолетов, воздержались, а теперь ночью и перемахнем ее.

Вижу Пахомыча с его взводом, машу рукой. Тот в ответ горькой улыбочкой— отдохнули, дескать, здорово.

Но не налево, в бор, тронулась колонна, а опять в поле, к передовой.

— Обратно, значит...— протянул один из бойцов.

Да, обратно. В этом уже сомнения нет, но почему-то ни отчаяния, ни смятения—обратно, так обратно, ничего не поделаешь, приказ есть приказ.

Часа полтора идем до большака, мимо сожженной деревни Погорелки, а оттуда до Черново рукой подать— виднеются уже дома. Но нет ни беззащитности в душе, ни страха особого— ведь знакомое уже все, привычное. Не так идем, как в первый раз, с замиранием сердца, с дрожью противной—спокойно идем.

Думаю уже о том, чтоб поскорей добраться до своего шалашика, забраться в него, разжечь костерик, запалить на ночь махры, благо есть, и завалиться спать, а утром завтра— будь что будет...

Но когда дошли до землянки помкомбата, что в середине рощи, мою роту направляют не вправо, где мы находились раньше, а налево, к деревне Усово, а вторую, в которой Пахомыч, на наше место. К чему такая передислокация— не пойму. Может, для того, чтоб на новом месте осторожней были, побдительней. В общем, теперь перед нами Усово, и ближе оно намного, чем было Овсянниково от старого места. К удивлению нашему, оказалась тут землянка большая, человек двадцать можно втиснуть, ну, нас-то меньше, тем более четверым на постах придется находиться. Пока сержант разводит по местам наблюдателей, залезаю в землянку, разжигаю костерик, осматриваюсь. Землянка сырая, конечно, но воды нет. Посуше тут, чем на старом нашем пятаке за овсянниковским оврагом.

Землянка—приятная неожиданность. Хоть настал и не ахти, но все же завтрашний минометный налет встретим не в шалашиках. Когда забрались туда все, кроме постовых, сразу потеплело. Надьшали, да и костерик подогревал воздух. Дым, правда, глаза ел, но это детали, а в общем-то было уютно. Нарниках, конечно, не было, но лапнику у стен наложено было густо. Расстелили шинели, прилегли около костра, задымили кууревом— жить можно. Только один из пожилых со вздохом выдавил:

— Вот тебе и на отдых, вот тебе и в тыл... Видать, без нас на передке не обойтись, больно мы здесь необходимые.

— А все же маленько, денек, в покое пожили, и то хорошо,— добавляет другой и тоже вздыхает.

Смотрю на новенького... Два раза, пока шли по лесу, спотыкался он о лежащие трупы, и я видел, как передергивался он и пробегала по лицу гримаса страха. И сейчас забился в угол и чуть дрожащими пальцами крутит сигарку. На пост ему выходить во вторую половину ночи, и обстрел придется принимать ему не в землянке, а снаружи, в какой-нибудь воронке, которые вторая рота чуть углубила, сделав некоторое подобие ячеек для стрельбы с колена. Поглядим, как поведет себя.

Устраиваюсь поудобней, докуриваю и ухожу в сон.

Просыпаемся все сразу от первой же взорвавшейся мины около самой землянки, а потом пошло... Но это был не обычный утренний минометный налет, когда немцы бросали пару десятков мин, причем с довольно длительными интервалами. Нет, сейчас идет сплошной огонь. Стоит постоянный вой, и мины рвутся пачками, без перерывов. И видно, что такой огонь немцы ведут по всей роще, а не только по нашему участку—неужто наступать вздумали? Такая мысль не у меня только. Чуть приоткрываю полог плащ-палатки, которой завешена наша нора,—вижу, что еще темно. И тут нарастают визг, и я сваливаюсь обратно, и не зря, потому как мина рвется прямо у входа, осколки режут плащ-палатку и просвистывают над нашими головами.

Но мне надо выйти. Опять карабкаюсь по земляным ступеням, опять приоткрываю уже рваную плащ-палатку и опять сваливаюсь обратно— сразу две мины рвутся у самого входа. И так—несколько раз. Только подойду к выходу, как вой очередной мины заставляет соскальзывать вниз.

И тут вваливается бледный, с перекошенным лицом тот самый новенький по фамилии Нахаев, скатывается по ступеням и замирает комочком на полу землянки.

— Встань!— кричу я.— Быстро на свой пост!

— Не могу, товарищ командир, не могу... Такой огонь,— бормочет он.— Сейчас, только чуть стихнет обстрел... только чуть стихнет.

— Встать!— повторяю я.— Марш на свой пост!

— Не пойду, командир. Стреляйте—здесь... Не могу!

Его трясет, рот искривлен, глаза выпучены. А тут совсем рядом— один разрыв, другой. Опять прорезают плащ-палатку осколки, и мы все валимся на пол.

— Может, и правду погодить немного,— говорит сержант.— Такой огонь страшный.

Нахаев, услышав поддержку, вдруг криво улыбается.

— У вас, командир, медаль «За отвагу», вот и выйдите сами, попробуйте. А я еще необстрелянный...

Он испуганно смотрит на меня, моргает. И мне жалко его, ведь там— смерть. И вдруг неожиданно, словно ныряет,—выскакивает из землянки. В этом его рывке— какое-то отчаяние.

Обстрел продолжается с той же силой, и я знаю, что тем бойцам, которые на постах, несладко приходится. Надо выходить из землянки самому, подползти к опушке и поглядеть, не идут ли немцы, но не могу. Да, не могу! Неужели так

расслабил меня день в тылу, неужели после этого отдыха страшной стала смерть?

Но нужно, обязательно нужно кому-то выйти из землянки, чтобы наблюдать за полем. Собираю последние силы, собираю все мужество, которого не так уж видно, много у меня в сегодняшнее утро, и, наконец, воспользовавшись какой-то секундной паузой между разрывами, выползаю из землянки, и первым, что увидел — убитого Нахаева, лежащего шагах в десяти от меня. Сразу ударило в сердце — и жалость и сожаление, что приказал ему возвратиться под обстрел... Прополз немного вперед глянуть на поле — оно было пусто, только убитые. Правда, еще не совсем рассвело и поле подернуто серой пеленой. И тут вой очередной мины, моей мины, потому как звук нарастал до пронзительного противного визга, потом захлебнулся где-то совсем рядом, и сразу же оглушающий разрыв... Уши заложило, но боли нигде не чувствую. И, уже не размышляя ни о чем, скребу руками и ползу обратно. Опять завывание, опять чую — близко, приподнимаюсь и рывком в землянку. Пока качусь по лестнице — взрыв. Но, слава богу, я уже в землянке.

— Как там? — спрашивает сержант.

— Убит новенький. На поле — никого.

— Что же они, заразы, не перестают? Такого налета еще не было.

Ребята жмутся к стенам землянки, понимая, что сейчас кому-то из них я прикажу идти наблюдать за полем. А я смотрю на них, и нет у меня сил на этот приказ, медлю чего-то, прислушиваюсь, не сбавил ли немец огонь. Нет, все идет, грохочет, не ослабевает мощь обстрела, даже, пожалуй, сильнее бьет фриц, особенно по опушке.

Кого послать?

— Ну, кто, ребятки? — спрашиваю глухо. — Кому-то надо. Сами понимаете...

Поеживаются, кто-то начал крутить сигарку, кто-то вздыхает тяжело... И вдруг — сразу, словно обрезало, — налет прекращается. Я бросаю к выходу, но не успеваю еще откинуть полог плащ-палатки, как слышу шепотливую немецкую речь. Прозевали! Сколько их тут? Слышу шаги, хруст веток — бродят где-то рядом. Одна граната в нашу землянку — и нас нет, одна автоматная очередь в эту нору — и нас нет! Сердце падает, сбивается дыхание, и цепенеет тело — ни одного движения не могу сделать. Замирают и бойцы. Узкий лаз землянки позволяет выбираться из нее только по одному. Что делать?

Понимаю, что виноват только я, — мне и расплачиваться. Встал у лаза, закрыл его телом: если граната, может, успею откинуть, если очередь — придется принимать ее на себя, а потом ребята что-нибудь сообразят. За спиной тяжело дышит сержант. Шепчу:

— Отойти. Незачем двоим...

Он отходит. Боюсь приоткрыть полог, заметят немцы — сразу откроют огонь. Слышу недоумевающие их голоса: куда русский Иван делся? Потом голоса удаляются — отходят от землянки. Затем приближаются. Слышу, как остановились. Сейчас подойдут к лазу. Тогда буду сразу стрелять. Но сколько их? Может быть, вошло в лес целое подразделение? А может, разведка? Но в разведку они ходят взводом, как правило. А нас девять человек. Только не плен! Об этом и мыслей нет. Будем отбиваться до конца. Вот и не увидит никто мою медаль «За отвагу»... И почему-то стало обидно очень от этого.

И вдруг справа, где раньше находились мы, а сейчас находится вторая рота, раздалась выстрелы и глухое, негромкое «ура-а».

Немцы что-то быстро залопотали, не разобрать что. А справа опять завывли немецкие мины. За их разрывами уже не слышно голосов немецких солдат, а вскоре они и наш участок начали забрасывать минами. Я приоткрываю полог плащ-палатки — никого. Сейчас бы выбраться всем и прихватить немцев на поле, но огонь, огонь, огонь такой, что вылезти из землянки просто невозможно, но надо. Оцененные сходит с меня.

— Ребята, за мной! Надо прихватить фрицев!

Не оглядываясь, но чувствую, что выползают. Бегу перебежками к опушке, за мной остальные. Ложимся, видим — немцы, не очень-то торопясь, но все же бегом уходят в Усово. Ага, наконец-то! Открываем огонь. У меня в диске транслирующиеся, и вижу, как красные нити настигают немцев. Несколько солдат залегли и открыли ответный огонь из автоматов, остальные перебежками, применяя к местности, отходят. Стреляем из автоматов, из винтовок, из ручного пулемета. Справа тоже открывают огонь наши. Видим, что несколько человек мы подбили. Их немцы тащат к себе.

Не перестаем стрелять и тогда, когда немцы уже скрылись в своих окопах. Выплескиваем до конца все, что накопилось в душах...

Стреляют и немцы, но все реже и реже. Наконец, все стихает. Посылаю сержанта к двум дальним постам. Одного из постовых убило, второй тяжело ранен. Его уносят на носилках, побелевшего от потери крови. Он в сознании и слабым движением руки прощается с нами.

Иду к землянке и натякаюсь на труп Нахаева. В сердце колет, но я был прав, вытолкнув его на пост. Может быть, остался он на посту, его бы и не убило, а если б не убило, он бы вовремя заметил немцев. Ведь только счастливым случай нас спас от гибели — в плен-то мы бы не пошли!

На востоке, из-за леса медленно, словно нехотя, выползает солнце. Вот и начинается новый день, обыкновенный день обычных фронтовых будней. Что он принесет нам — никому не ведомо, но все уже малость успокоилось после пережитого, распознаны по шалашикам, в которых суше и приятней, чем в землянке, задыхались и стали ждать обеда. Каков он сегодня будет — с сухариками или с хлебом, или только одну пшенку принесет без всего?

Я же направляюсь на свой старый участок, который занимает теперь вторая рота: как там Пахомов? Встречаю его у ручья, набирает в котелок воды. Перебегаю овраг.

— Ну, что у вас было?

— Отбили разведку. Только прихватить не удалось. Пойдем посмотришь, какую просеку они сделали минометным огнем. Отрезали нас начисто и ушли. — говорит Пахомыч и ведет меня к краю леса. И верно, словно просеку вырубил около опушки. Валяются деревья, и воронки на каждом шагу.

Рассказываю, что у нас случилось. Пахомыч покачивает головой.

— Вот нам и отдых, — говорит напоследок.

Когда вернулся к себе, уже принесли обед, и идет процедура дележки хлеба и махры. Солнце поднялось уже высоко, и начало пригревать... После обеда выбираю место посуше, снимаю ватник, расстегиваю ворот гимнастерки и ложусь в надежде, что до вечера немцы нас тревожить не будут, ну, а вечером, на сон грядущий, конечно, луланут минами и минут пятнадцать будут долбить наш пятачок, но это все привычное, обычное, хотя и не очень приятное...

Вспоминаю слова комиссара, что мы здесь выполняем очень важное — оттягиваем немецкие силы от других участков, не даем врагу маневрировать, а раз так, значит, надо нам здесь быть.

Надо — самое главное слово на войне. Самое главное...

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ПОДВИГ

Лидия ВАСИЛЬЕВА

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

Алые полотнища набегали на сцену бесконечной живой волной; алые волны кипели, вспыхивали под светом прожекторов, превращались в тугие борта сейнеров и мотоботов; потом мы увидим эти красные трепещущие вспыхивающие полотнища в окопах, в госпитале — на всем протяжении спектакля, во всех его пятнадцати эпизодах. Красный цвет для художников всегда символ — или трагический цвет боя, кровавого сражения, или торжествующий образ победы, любви.

Это всего лишь одна, но существенная деталь среди множества других, удачно найденных режиссером Грузинского государственного театра пантомимы Амираном Шаликашвили в новом спектакле «Малая земля», поставленном по одноименной книге Л. И. Брежнева.

Как родилась эта счастливая — теперь можно с уверенностью сказать, действительно счастливая мысль — поставить спектакль пантомимы «Малая земля»?

— Мы коллективно прочитали эту книгу, как только она вышла в свет, — рассказывает Амиран. — Она захватила нас высокой героикой, глубиной и обнаженностью мысли и чувства. И мы ощутили, что это, несомненно, будет страстным гимном героям при переложении на язык пантомимы, каким бы неожиданным ни казался на первый взгляд этот жанр для сценического воплощения «Малой земли».

Спектакли пантомимы всегда предельно лаконичны по внешним выразительным средствам: в них нет ни декораций, ни костюмов, ни драматического текста, ни голоса. Только пластика человеческого тела и немногие условные сценические аксессуары позволяют воссоздать на сцене трагический конфликт враждебных сил или противоборство страстей. Такая скупость средств и вместе с тем их повышенная экспрессивность, эмоциональность позволяют искусству пантомимы достигать высокой степени обобщенности: обычно спектакль пантомимы — это символ человеческого характера, мысли или чувства.

Но книга Л. И. Брежнева — произведение строго документальное, насыщенное наряду с авторскими размышлениями множеством жизненных ситуаций, боевых эпизодов. Герои книги — люди достоверные, взятые из жизни. Не станут ли противоречить друг другу документализм «Малой земли» и обобщенно-символический язык пантомимы, которому доверено будет передать богатство содержания книги? Так думалось актерам перед началом работы, по-

том — зрителям перед началом спектакля.

Но режиссерская смелость Шаликашвили оправдала себя. Сценическая основа спектакля, над которой, кстати сказать, режиссер работал более четырех месяцев, оказалась чрезвычайно благоприятной для театрального воплощения: настолько психологически достоверными были образы ее героев и подлинно драматичными события, такие великие и вечные чувства — любовь к Родине, к товарищам по оружию, радость победы и скорбь о погибших — одушевляли ее героев.

...Трепещут алые полотнища — и кажется, что окрасилась кровью вода в Цемесской бухте. Десант советских воинов шел к Малой земле, готовящейся отразить генеральное наступление гитлеровцев. На сцене — ощущение напряжения, близкого боя. Группа актеров скупой и вместе с тем динамично создает иллюзию тяжелого движения мотобота при переброске бойцов на берег. И вспоминаются слова из книги, почти текстуально воплощенные в пантомиме:

«Вскоре бот зашуршал по дну, и мы начали прыгать на берег. Резко зазвучали команды, бойцы сгружали ящики с боеприпасами, другие подхватывали их на плечи и бегом — тут подгонять не надо, огонь торопит — несли к укрытиям. Свалив груз, тотчас бежали обратно, все это под обстрелом, под грохот непрекращавшейся бомбежки. А с берега уже несли на носилках раненых, подготовленных к эвакуации, которых наше пополнение должно было сменить».

Близость сценария к тексту книги в этом случае, конечно, была важна — от этого спектакль только выиграл. Однако для искусства театральной пантомимы важнее та общая мысль, которая одушевляет спектакль, увлекает творческий коллектив, создавая предельно четкий и ясный рисунок игры и каждому актеру и труппе в целом.

Спектакль «Малая земля» решен в лирико-эпическом ключе. Реальные, памятные всему нашему народу трагические события, выраженные на языке древнего бессловесного искусства, обрели непреходящее значение символа — символа борьбы народа против захватчиков, символа народной памяти. Трагичен эпизод — похороны главнокомандующего 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе. Звучит грузинская народная песня, воины торжественно и скорбно несут меч погибшего командира. Даже в своем лаконизме композиция экспрессивна. Удивительное чувство меры — тот самый признак искусства, который был начертан древними грека-

Вера ДОРОФЕЕВА,
Виль ДОРОФЕЕВ

Валентин Прасков еле догнал бригадира.

— Где таких ребят найдем, и не знаю.
— Где? Где? Природа не терпит пустоты, стройка — тем более. Искать надо. Даже здесь, на дороге, как подкову на счастье ищут.

— Так то подкову. А человека?

— В наш безлошадный век сплошной автомобилизации человека найти легче. Вон смотри...

На пыльной обочине прямо на объемных ребристых чемоданах, наверняка отмотавших все руки, сидели двое, устало вытянув ноги. Паренек с облегчением снял пиджак. И сейчас тот лежал, сложенный на коленях подкладкой вверх, демонстрируя вспухший внутренний карман, зашпиленный в дорогу английской булавкой. Девушка, крепенькая в своем летнем платье, как боровичок, обмахивалась от жары сложенной газетой.

— Эти? — с удивлением переспросил Валентин Прасков. — Вот так прямо на дороге?

— А почему бы нет? — ответил Фоменко и решительно направился к тем двоим на чемоданах. — Откуда? — по-хозяйски спросил бригадир.

— Из Ижевска мы, — с готовностью ответила де-

Ковалевский и начальник участка Пудовкин. И поэтому, как начал с ним — всего лишь бригадиром — разговор начальник «Заводстроя», Фоменко понял, что настал тот момент на стройке, о котором он когда-то думал, ради которого принял на себя бригадирство и, по мнению некоторых, «сломал должностную карьеру».

Задание было неожиданным и срочным. Четыре колодца сложной конфигурации, без подъездных путей. И тоннель в тридцать метров из сборного железобетона и сорок восемь асбестовых труб, подогнанных с точностью до миллиметра. Никогда еще темп на стройке не был для Фоменко так ощутим, как здесь, в вагончике. И новое задание — не просто кубы грунта, метры будущего тоннеля, а нечто большее — ключ к тем срокам и планам, о которых хоть и броско, но привычно вещают плакаты наглядной агитации: «До пуска осталось ... дней».

— За сколько сделаете, Георгий Михайлович? За месяц сделаете? — спрашивает начальник. — Крайний срок!

Фоменко достает свою записную книжечку и что-то подсчитывает в ней, сверяясь с чертежами.

— За две недели сделаем. Только нам надо...

Начальник, кивая, слушает длинный перечень. Ковалевский быстро записывает требования. Но когда Жора кончает, начальник жестко говорит:

— Обеспечить. Хотя в две недели не верю.

И это «не верю» бьет Фоменко наотмашь. Он встает, упрямо бросает еще раз всем:

— Две недели, — и выходит.

надеясь «по-хорошему разозлить» и самого бригадира и всю его команду. В указанный срок на участке их траншеи собрался целый синклит строителей, который принимал работу.

Шли со специальными приборами контролеры, проверяя каждый из 96 стыков асбестоцементных труб, надежно укрывших главный энергокабель. Тут одна лишняя доля миллиметра грозила обернуться бедой, свести на нет всю двухнедельную работу. А это значит — вытаскивай все, начиная сначала. Приемщики двигались по дну траншеи, по мнению бригадира и всех остальных бетонщиков, слишком медленно! И так же медленно по верхней кромке траншеи передвигались начальник участка, начальник «Заводстроя».

Потом в вагончике, том самом, возле 125-й отметки, уже шло подписание акта. Взяв в руки скользкое, хрупкое тело авторучки с некоторой долей злорадства и торжества, Жора посмотрел на начальника.

Когда представители будущего завода потянулись из вагончика, тот сделал знак Фоменко: «Задержись». В вагончике оставались только руководители. Лицо начальника «Заводстроя» было привычно жестким и властным. И голос утратил те бархатисто-гостеприимные нотки, с которыми он прощался с заказчиками. Сейчас брезгливо-насмешливым, нарочито суховатым тоном спросил:

— С тяжелым бетоном знакомы? Знаете, с чем его едят?

— С хлопотами, наверное. С нервотрепкой.

НЕПРОСТЫЕ ДОЖА

вушка. — Вы не знаете, где можно сдать тут вещи на хранение?

— На вокзале. Супруги?

— Ой, что вы. С одного города. По телевизору смотрели про стройку — вот и решили вместе. А тут пылица. И чемоданы эти...

— А до вокзала далеко? — врезался парень в разговор.

— Мы проводим. — Фоменко наклонился к одному из чемоданов и оценивающе посмотрел на парня.

Был тот небольшого росточка. Жилистый, с загрубелыми руками, небольшими, но цепкими пальцами.

— Специальность есть? — Фоменко обращался к пареньку.

— Да есть, есть! — раздался сбоку голос спутницы. — Он же электрогазосварщик. ПТУ окончил с отличием. Его из-за этого и отпускать не хотели. Столько намутились, пока комсомольские путевки получили. Ты покажь документы. Покажь.

— Это лишнее. — Фоменко подхватил тяжеленный чемодан.

...Толя Васильев был из-под Ижевска. Есть там такое место Якшур — деревня не деревня, поселок не поселок. После 8-го класса поступил в училище. Решил: будет сварщиком. Занимался биатлоном. Первый разряд выполнил. Там и с Галей познакомился. Она по специальности отделочница.

Прощаясь у камеры хранения, Михалыч показал ребятам, как найти комсомольский штаб стройки, отдел кадров, и сказал Анатолию:

— В кадрах просись в комсомольско-молодежную бригаду Фоменко. Там сварщики нужны. Настаивай, мол, желаю, и все. Заработок приличный — триста в месяц выходит. На оформление и устройство у тебя дня три уйдет. А там на площадке поговорим подробнее. Ну, будь!

— А вы кто?

— А я и есть тот самый Фоменко. А это звеньевой Валентин Прасков.

— Очень приятно, — чинно произнесла Галя. — А как же я?

— Что как же?

— Ну а я, вместе ж с Толиком. Решили ж. Что ты молчишь?

— А вы в отделочницы. Сейчас на очистных запарка. Там отделочницы нужны. А у нас дело грубое, грязное — бетон. В одной бригаде вам все равно не работать, специальности разные. Так что думай, Толя. Решай.

Но подробнее, по душам в тот месяц им так и не удалось побеседовать. В день, когда Анатолий Васильев появился, наконец, на первом корпусе, началась запарка с кабельным каналом.

В то утро Михалыча вызвали в знаменитый штабной вагончик, что притулился возле отметки 125. Там уже сидели и начальник «Заводстроя», главный инженер

Первый кого он видит, когда ступает на земляной, еще не залитый бетоном пол. — Толя Васильев. Он держит в руках направление из отдела кадров и с независимым видом осматривает решетчатые, еще не покрытые краской ребра опорных колонн, переплетение балок и кабелей под перекрытиями, узкие, крутые лестницы...

— Пришел все же. — Фоменко еще только остывал от разговора в вагончике.

— Пришел. А вас нет.

— Ну хорошо. Пошли в бригаду.

Вдвоем они приближались к кабельной траншее. В кирзаках с подвернутыми голенищами, в толстых брезентовых штанах Толя Васильев уже не напоминал того провинциала, которому Фоменко с Прасковым помогли дотащить тяжеленные чемоданы до камеры хранения. Во всем облике, настроенном, но отчаянно пытающемся прикрыть свою растерянность независимым видом, было что-то от нахолившейся решительной птахи. Арсен спросил, не вылезая из траншеи:

— А это что за «чижик», Михалыч?

Фоменко, еще не отключившийся от разговора в вагончике, словно впервые посмотрел на новичка — действительно, «чижик». И, спохватившись, заглянул в лицо спутника: «Не обиделся?»

Но тот добродушно улыбался. Он привык к этому прозвищу. Так его звали и в училище, и в команде биатлонистов, и в армии. Так теперь — он знал это — будут звать здесь, на новом месте.

На раскочку у Толи времени не было. Задача у бригады оказалась сложной. Каждый человек на счету. И первые же дни наполнились тем состоянием решительного напряжения ума и тела, которое испытывал Васильев не раз, участвуя в эстафете биатлонистов.

В Ижевске Васильев слыл неплохим сварщиком. У него, как выразился преподаватель, было «чувство шва». Но сейчас от Толи требовалось иное. В первые его недели на стройке сварочных работ в бригаде было немного. И он вместе со всеми брался за лопату, учился орудовать вибратором, сколачивал щиты опалубки. А ведь классные сварщики на любой стройке в дефиците. Но что-то необъяснимое удержало Толю в бригаде в те первые дни.

Итак, Фоменко назвал срок в две недели. Начальник участка сказал, а руководитель «Заводстроя» подтвердил:

— Спортачите, будете переделывать в нерабочее время за свой счет. Это вам не чушки-ростверки.

Но фоменковцы уже научились работать качественно. И бригадир испытал тогда в вагончике чувство обиды не только за своих ребят, но и за начальство, которое при всей своей опытности почему-то не замечает, как бригада прибавила в мастерстве. Только позже, стороной, узнал Фоменко, что все-то начальство видело и понимало, но «делало вид»,

После триумфа на кабельном канале Фоменко не мог упустить случая взять реванш за недоверие.

— Верно, черпака поварского не хватит, чтобы все хлопоты выхлебать. И все же? Знакомы вы с тяжелым бетоном?

— В техникуме проходили...

— То-то, в техникуме. — Он с прежним сомнением и сожалением, как две недели назад, смотрел на бригадира. — А придется свести знакомство... Накоротке... Думаем поручить вам рентген-камеру в головном пролете. Ваше мнение?

— Когда кабельный канал поручали, к нашему мнению не прислушивались.

Как это вырвалось у Фоменко, он сам не знал. Но начальник даже бровью не повел.

— А теперь спрашиваем. Рентген-камера — не кабельный канал. Может, самый каверзный объект. Машина. И ка-че-ства требует. Ка-че-ст-ва.

— Когда начинать?

В глазах начальника промелькнуло торжество. На секунду, но промелькнуло. Подставился все же бригадир-передовик.

— Не так резко. Начать никогда не поздно. Вот закончить объект в срок... Известно ли вам, что такое митральный стеноз?

— Нет...

— И я не знал. Школьный товарищ — известный хирург теперь, просветил.

Фоменко вместе со всеми вежливо слушал. Было интересно, но непонятно, почему начальник завел речь о медицине, когда разговор-то должен идти о рентген-камере.

И еще Фоменко подумал, что сейчас, наверное, уже привезли крышки для фигурных колодцев, которые изготовлены по эскизам его бригады, а не по проекту. Те, что по проекту, они ставить отказались, чтобы потом не переделывать. И начальник участка сначала с ним крепко схлестнулся на планерке из-за этих крышек.

Сейчас и начальник участка здесь сидит. И тоже слушает лекцию о достижениях нашей медицины.

...Если крышки для колодцев завезли, то их сегодня бы и поставить не худо. Покончить разом и с колодцами и с кабельным каналом. Догадается Валя Прасков сам это сделать? Надо бы распорядиться. А как тут выйдешь?

— Превдвигу вопрос, — продолжал рассказчик, — какая связь между сердечной клиникой и нами? У них человеческое сердце, у нас рентген-камера, сверхплотный бетон? Вроде несоизмеримые величины. А сходство должно быть... В подготовке к операции. На вашу бригаду будет бетонный завод работать да и другие подразделения. И чтобы не оплошать, вам надо виртуозами стать. Каждому... Каждая машина раствора под персональный паспорт приниматься будет. Ну и контроль, конечно, самый жесткий, на несколько порядков выше, чем сегодня на кабельном канале... С завтрашнего дня будете

заливать полы бетоном. Работа после всего несложная. Знай гони кубы. Выкладываться не придется. Останутся силы, чтобы организовать учебу в коллективе да и самому бригадиру накопить сведения о тяжелом бетоне. Ясно?

— Ясно!

Действительно, «тяжеловатым» этот бетон может обернуться. Как со сверхплотным раствором работать, никто не знает. Сюда бы кого-нибудь, кто плотины возводил. Там этот бетон в ходу. В учебном комбинате стройки оказались специалисты, которые согласны подготовить бригаду к работе с тяжелым бетоном в теоретическом плане. А в плане практическом?

С нулевой отметки они начнут возводить метровую толщины стены рентген-камеры из тяжелого бетона. Если бы только стены. Ведь еще существуют уголки, филера, закладные детали, крепежные болты, на которые потом монтажники будут навешивать тяжелые оцинкованные листы биологической защиты...

Пухнет от записей книжечка-блокнот. Каждое слово в ней — это забота, незавершенное дело, предстоящие разговоры, требования, заказ, выбивание лимитов и фондов.

«Глубинные вибраторы». И начинается восхождение по снабженческим инстанциям. Вибраторы в дефиците. А малейшая заминка из-за них в работе сведет насмарку и всю теоретическую подготовку и все усилия ребят и людей, готовящих дорогостоящий бетон.

ся». В соседних бригадах такое случалось. А Чижик одним из первых брался за лом и бил по мерзлой земле.

Поначалу сварочной работы было немного. Но Васильев терпеливо ждал своего часа. Отказывался поменять бригаду.

Жизнь проверила Чижика. Он действительно оказался однолюбом. И по отношению к бригаде и по отношению к Гале.

На такой большой стройке человеческие чувства кипят, словно в огромном котле. Сколько бурных романов, скоропалительных увлечений, самозабвенных ухаживаний кончались крахом, неожиданным для всех разводом, душевными изломами. Не всякая любовь выдержит походный быт, выматывающую самоотдачу в работе, туманную перспективу когда-нибудь съехаться и жить под одной крышей. У Толи с Галей все получилось иначе.

Тогда на пыльной, жаркой обочине Галя с застенчивостью провинциалки на прямой вопрос Фоменко, кто ей Толя, ответила:

— Ой, что вы!

А на самом деле это была любовь, первая, юношеская. У них все было обговорено с самого начала: и отъезд из родного города, и большая стройка, и устройство собственного дома. По наивности они полагали, что здесь квартиры стоят пустыми и ждут не дождутся «молодых строителей Земли». Там, в Ижевске, собираясь в дорогу, выбывая комсомольские путевки, они все время в залепае настойчиво повторяли слово «вместе». Жизнь вместе, работа

ская свадьба в бригаде. Какие будут предложения с приданным?

— Скинемся. Чего уж там!

— А у невесты как с приданным?

— Надо что-то существенное, чтоб не впустую...

— Я, когда она только первый раз на корпус пришла с пирожками, знал, что этим кончится.

— Ай да Чижик, птичка-невеличка. Теперь чижата пойдут. Идея! Подарим детскому колесу.

— Это ж наем. Неприлично раньше времени.

— А что тут особенного? Дело житейское...

— Грубый ты человек, Карпыч.

— Зато практичный. Надо что-то такое, чтоб потом пригодилось и на всю жизнь.

— Вот когда я сестру выдавал, то мы всей семьей...

Фоменко и не предполагал, что свадебная тематика так всех заведет. Но слишком быстро перемещалась по циферблату бригадирских часов минутная стрелка. Хватит ли у комсомольского секретаря СМУ сил задерживать Чижика подольше?..

Звучно хлопнув ладонью по столешнице несколько раз, бригадир оборвал стихийные прения:

— У совета бригады тоже есть мнение. За исключением Васильева, с которым, конечно же, никто не советовался, единогласное. За прошлый месяц нам начислена солидная премия, около тысячи рублей. Совет бригады предлагает пустить ее на приданое. Просить комсомольский штаб стройки по этому случаю выделить талон на холодильник «ЗИЛ». Купить молодоженам еще телевизор, приемник. Словом, обеспечить их необходимой техникой.

— И тут механизация работ. А куда они это поставят, подумали?

— Подумали,— со вздохом ответил Фоменко. Вчера с Валей Прасковой они чуть голоса в постройке не оборвали, выбивая хоть какую-нибудь комнатенку для молодых. Но жилье светило Чижика с Галей только в конце года. «Железно, на все 99 процентов!» — облегченно вздохнул, что натиск миновал, заверил их председатель постройкома. Спорить сейчас больше не было смысла, хотя Фоменко знал, как один процент может стремительно вырасти во все сто со знаком минус. Ни по одному поводу, ни по одному вопросу не забывает начальство так быстро своих «твердых», «железных» обещаний, как по жилью. Но стрелка часов бежит, торопится, и впору решать хотя бы вопрос о подарком, пока не вернулся Чижик.

— Так кто за предложение совета бригады?

Проголосовали.

— Второй вопрос — тяжелый бетон. На следующей неделе все будет готово. Начнем первую кладку. У совета есть мнение...

В кипенно-белой сорочке Чижик уже полчаса беспомощно толкался перед зеркалом. Галстук — не держатель с электродом. Скользит, зараза, меж пальцев. Вроде он все сделал, как показано в схеме, отпечатанной на пакетике, в который упакован галстук. Петля влево, петля внахлест через узел, петля обратно... А галстук, который Галя привезла три недели назад из Ростова, висит на шее, как селедка: ни виду, ни солидности... И соседей, дружков распрекрасных, по комнате нет. С раннего утра умчались за цветами. Где-то вычитали: жених должен преподнести невесте букет роз.

...Знал бы, с вечера завязал. А с вечера было не только не до галстука, а даже не до свадьбы. Утром пошел тяжелый бетон.

Внешне все было как всегда. Только сознание, что укладывается раствор, с которым до этого на стройке никто не работал, держало всех в неприметном, но сильном напряжении. Сто сорок три точки надо было сварить Васильеву, чтобы подготовить арматуру для тяжелого бетона. График был жесткий. За час до прихода первой машины с тяжелым бетоном полагалось успеть проварить всю арматуру.

Когда появлялась усталость, Толя старался думать о постороннем и приятном...

Позавчера в гости приехала мама с младшей сестренкой Таней. Привезли ижевского меда, домашних пирожков с рисом, хоть и зачерствевших в дороге, но своих, маминских. Мама впервые заехала так далеко от дома, впервые остановилась в гостинице.

В переполненном автобусе, в котором Толя с Галей повезли их на первый корпус, мама все время молчала. Только один раз, когда машину качнуло где-то на выбоине и Толю бросило к маме, она, ощутив жесткое плечо сына, погладила его, тихо, так, что слышали только они двое, обронила: «Похудел!». Сестренка с неутомимостью девятнадцатилетних неизрасходованных сил разговаривала с Галей, то и дело прерывая беседу вопросами: «Братка, а это што?..»

По закону на устройство свадебных дел Толе полагалось три свободных дня. Арсен сказал, что без Толи звено вполне обойдется. Бригадир подтвердил. Но Толя и подумать об этом не захотел.

Чижик закончил сварку первого яруса арматуры точно в срок. Когда он поднял щиток и посмотрел на площадку, бригадир уже подписывал простыню-

ЗАТЕТЕЛЬСТВО

Собрать визы начальства под требованием, в котором обозначено «глубинные вибраторы», несложно. Но убедить завскладом, что это позарез необходимо,—целая проблема. Недоверие и бережливость — его неотъемлемые профессиональные навыки.

Фоменко приходится применять сложную смесь дипломатического такта и откровенных угроз, чтобы убедить завскладом: возведение рентген-камеры — пиковый момент на стройке.

Наконец завскладом, махнув рукой, произносит:

— Ладно, забирай пять.

— Двадцать,— беспощадно заявляет Фоменко. — И не меньше. У меня расчеты.

— А двести не хочешь? — Голос завскладом мужает от возмущения.

— Двести мне ни к чему. Но двадцать дадите.

Завскладом отходит так же стремительно, как и краснеет. Весь облик мгновенно вновь пропитывается безысходной печалью. И он фатально произносит:

— Раз надо, значит, надо.

Валей Прасков и Коля Ковалев торопливо грузят в кузов машины новые глубинные вибраторы. Фоменко достает из кармана пухленькую книжечку, пунктуально зачеркивает слово «вибраторы». Запись «бадья!!!» пока остается.

Михалыч не случайно поставил против этого слова три восклицательных знака.

Привычная бадья для работ на рентген-камере не годилась. Проектная высота будущего объекта требовала укороченных тросов, надежности креплений, простоты конструкций. Пришлось бригадиру ломать голову, как пришлось помозговать и над записью: «Чижик и свадьба», — которая неурочно вклинилась между пунктами «вибраторы» и «бадья».

Толя Васильев как-то очень быстро стал на стройке «своим». В бригаду вписался идеально. Первые дни Фоменко присматривался к нему, но затем по тому, как новичок взял держатель, как закрепил в нем белесый прут электрода, как опустил на лицо забрало шитка, как ровно повел огненный шов, Фоменко, как и Прасков и Арсен, понял: в бригаду пришел мастер. Но одно дело — оказаться классным специалистом, а другое — войти в коллектив, найти общий язык с ребятами, преодолеть их настороженное, порой ядовитое отношение к незнакомому человеку.

В то первое мгновение Арсен оказался прав. Толя Васильев действительно был «чижиком» — со своим восхищением перед огромностью стройки, со своими немножко наивными вопросами, с отношением к своей Гале...

И еще обнаружилась у Чижика безотказность, которая ценилась в бригаде больше мастерства. Газоэлектросварщик такой квалификации, как у Толи, вполне мог стать в позу и заявить: «Это не мое дело. С лопатой, лопатой пусть другие управляют-

вместе, трудности вместе. А Гале пришлось пойти в бригаду отделочников, которая работает на очистных, за десяток километров от первого корпуса. И между женским и мужским общением, в которых они пока что получили по личной койке и личной тумбочке, пролегал размашистая привокзальная площадь, на которой еще только разбивают газон будущего цветника и выводят цементную чашу фонтана. Для того, чтобы побыть вместе, Чижам оставались лишь немногие воскресенья, когда жизнь на стройке замирала. Да и то накатывался какой-нибудь комсомольский воскресник или другое мероприятие, которыми Толя не считал возможным манкировать. Не случайно именно его через три месяца выбрали комсоргом бригады.

Теперь Чижик с Галей решили пожениться. И Михалычу параллельно с началом работ на рентген-камере предстояло еще принять участие в организации первой комсомольской свадьбы в их бригаде. По скромности Толя попросил бригадира лишь помочь «выбить» одну из столовых, в которой в воскресенье можно было устроить свадьбу, собрать две бригады — его и Галину. Немного, всего человек 100, самых близких... И Фоменко при этом подивился, как быстро эти двое обросли людьми в незнакомом городе.

Надо было думать и про подарки молодоженам и про жилье, которое, наверное, сейчас выбить не удастся, но постараться на будущее все же стоит.

С комсоргом СМУ договориться было нетрудно. Все разыграл как по нотам. Посыльный из управления появился на корпусе ровно за пятнадцать минут до конца смены. Он безоговорочно произнес:

— Васильева в комитет комсомола! Срочно! — и стремительно исчез. Чижик только хлопал глазами и растерянно бормолал:

— А собрание бригады?.. По рентген-камере?.. — И вдруг решительно заявил: — Не пойду. У них там какой-нибудь пустяк. А здесь серьезное дело.

Фоменко мягко, но настойчиво посоветовал идти, даже если вопрос пустяковый.

— По-видимому, твое присутствие обязательно. Зря посыльного не гоняли бы.

Секретарь комитета комсомола потом со смехом рассказывал Фоменко, сколько сил стоило ему удержать тогда Чижика, не пустить раньше времени на площадку. Положив перед собой на стол часы, он вел неспешный разговор о роли комсомольцев бригады в предстоящем возведении рентген-камеры, о наглядной агитации, посвященной этому же событию, о методике организации соревнования между звеньями. Толя Васильев мял в руках свою спортивную шапочку, чуть помпон не открутил в нетерпении, ерзал на стуле, но вежливо слушал секретаря.

А тем временем в бригадном вагончике Фоменко, сняв часы с руки и положив их перед собой, тоже то и дело посматривал на циферблат. Приходилось торопиться. И бригадир без предисловия начал собрание:

— Значит, так. Чижик женится. Первая комсомоль-

**К 150-летию
со дня рождения
А. К. Саврасова**

ТОРЖЕСТВ

Михаил ГОРЕЛОВ

«С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле».

И. И. Левитан

Кому не знакома с детства картина Алексея Кондратьевича Саврасова «Грачи прилетели» — простая, скромная, но незабываемая на всю жизнь! Этот небольшой пейзаж рассказывает о первых весенних днях, когда природа вновь пленяет нас сладкими запахами клейких веток и почек, оттаявшей землей, нежными подснежниками, забытыми за зиму шорохами и звуками.

Стояла долгая суровая русская зима с беспощадными морозами и обильными снегами. Замерзли реки, притихли птицы — словно бы вся жизнь оледенела. Но вот в одно мартовское утро повеяло теплом, и вместе с весенним ветром примчались на родину с далекого юга

бледно-голубые просветы облаков, медленно отступают и исчезают снега, и в душе зрителя появляется радость.

Картина Саврасова «Грачи прилетели» появилась на первой передвижной художественной выставке в 1871 году, привлекла всеобщее внимание и вызвала бурный восторг. Она волновала сокровенные чувства души, воспитывала любовь к людям, к широкому русскому приволью. Это произведение свидетельствовало о том, что русская пейзажная живопись поднялась до выражения подлинно поэтического осмысления, осознания природы. Картина «Грачи прилетели» как бы знаменовала собой весну всего русского искусства и явилась одной из тех жемчужин отечественной живописи, которые составляют «золотой фонд» шедевров реалистической школы.

Алексей Кондратьевич Саврасов написал множество замечательных произведений, которые чаруют силою вдохновения и неповторимой поэзией своих образов. Он воспел красавицу Волгу, проселочные дороги после пролившихся осенних дождей, тихие уголки палисадников около провинциальных домиков, задумчивые вечера и закаты, прохладные бодрящие ночи и радостное пробуждение дня.

Саврасов родился в Москве 12 (24) мая 1830 года в купеческой семье.

Детство проходило в постоянном конфликте между стремлением отца воспитать в нем торговца и желанием сына посвятить свою жизнь искусству. Когда подростку исполнилось 13 лет, отец холодной осенью переселил его за страсть к живописи на чердак. Только благодаря вмешательству преподавателя Московского училища живописи и ваяния Карла Ивановича Рабуса юный Саврасов из отцовской квартиры переехал в дом художника А. М. Зыкова и начал посещать художественные классы.

Но вскоре будущий художник примирился с отцом и вернулся в семью. В свою очередь, отец примирился с мыслью, что сын никогда не станет купцом, и больше не чинил препятствий к получению Алексеем художественного образования. Однако в документах Училища живописи и ваяния имя Саврасова с 1844 по 1848 год не упоминается. Только недавно выясненные подробности семейной хроники Саврасовых объясняют, почему юный художник прервал обучение в Училище. В 1846 году его мать скончалась от чахотки, оставив пятерых детей, через год отец женился вторично. В эти годы юный Саврасов вместе со своим старшим братом Михаилом вынужден был помогать отцу и потому не имел возможности совместить занятость в лавке с посещением

классов. Но, поступив, наконец, в 1848 году в Училище живописи и ваяния, он через два года получает звание некласного художника и обгоняет всех своих товарищей. Такие феноменальные успехи при отсутствии серьезной подготовки в области живописи и рисунка нельзя объяснить одной талантливостью. Остается предположить, что все эти четыре года Алексей Саврасов, помогая отцу в торговых делах, в свободное время занимался в домашней школе у Рабуса, который безвозмездно покровительствовал юным талантам. В первый же год обучения в Училище Саврасов был упомянут среди учеников, представивших лучшие эскизы.

Рабус оказался не только учителем, но и воспитателем Саврасова. Не ограничиваясь общением с учениками во время классных занятий, Рабус широко открыл им двери своего дома, а наиболее талантливые из них были его постоянными гостями. Дом этого высокообразованного художника-педагога славился как один из культурных центров Москвы 1840—1850 годов. Близкими друзьями Рабуса были проживающие в Москве опальные декабристы Михаил Орлов, Вадим Пассек и Федор Глинка. Рабус был коротко знаком с А. И. Герценом и В. Г. Белинским. В его доме на Садовой, около Сухаревой башни, по четвергам собирались поэты и писате-

**ВИД
В ОКРЕСТНОСТЯХ
ОРАНИЕНБАУМА.**

РАДУГА.

первые вестники весны — грачи. И ожил задворок. Гомон грачей нарушил тишину, наполнил природу оживленным движением и шумом. Весна словно прилетела на крыльях птиц, как бы вспыхнула с прилетом грачей, и белоснежная даль на наших глазах темнеет, и голубеет небо, манит к себе пленительной новизной перемен. Сквозь ажурные ветки берез (справа прекрасных и стройных, слева — изуродованных зимними бурями и выгонами) на фоне клубящихся облаков вырисовывается шатровая колокольня рядом с пятиглавой церковкой. От пейзажа веет безыскусственной правдивостью и высокой поэзией пробуждающегося к весенней жизни дня. В рассеянном свете, струящемся сквозь

ЕННАЯ ПЕСНЬ

ли: А. В. Кольцов, Ф. Б. Миллер, братья Н. А. и К. А. Полевые, воспитатель М. Ю. Лермонтова С. Е. Раич, живописец-портретист К. А. Горбунов, скульптор и художественный критик Н. А. Рамазанов, знаменитый артист Пров Садовский. Это окружение Рабуса одновременно было и окружением его учеников. И юный Саврасов сразу же попадает из нездоровой, отравленной мещанскими интересами атмосферы купечества и торгашества в мир высокого искусства, поэзии — в мир передовой русской культуры. Глубоко восприимчивый и впечатлительный, Саврасов с юности усвоил пламенные идеи русских просветителей 1840—1850 годов.

Рабус на страницах журнала «Москвитянин» писал о Москве как о городе национально-русской славы, который должен вдохновить художников любить родину и природу своей страны: «А неужели покрытый историческою славою древности великолепный фантастический Кремль наш не пробудит в душе, оживленной любовью к родине, желания иметь свою историю в картинах?»

И как бы откликаясь на призыв учителя, юный Саврасов в том же году пишет картину «Вид на Кремль от Крымского моста в ненастную погоду». Художник изобразил момент просветления погоды после грозы, когда рядом с лиловой тучей легкие расходящиеся облака вдруг расступились и Кремль озарился солнечными лучами. Бело-розовые облака и синие тучи придают соборам и зданиям Кремля нежные розоватые и синеватые оттенки.

Критика того времени обратила внимание на правдивость передаваемого в этой картине изменчивого состояния погоды. Рамазанов писал в «Москвитянин»: «В картине солнышко пробилось сквозь тучи и бросило лучи на Кремль, как бы не желая с ним расстаться, как нам, признаюсь, не хотелось бы расстаться с самой картиной. Нынешним летом ... несколько раз грозные тучи виснули над Москвой, и надо отдать справедливость Саврасову, что он пере-

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ.

**ВИД НА КРЕМЛЬ
ОТ КРЫМСКОГО МОСТА
В НЕНАСТНУЮ ПОГОДУ.**

дал этот момент чрезвычайно верно и живо. Очень приятно, что в такое короткое время существования Училища появляются такие замечательные таланты».

Получив звание неклассного художника в 1850 году, Саврасов продолжал совершенствовать свое искусство и участвовать на выставках Училища живописи и ваяния. Летом 1854 года он получил командировку в Петербург, где все лето делал множество зарисовок побережья Финского залива, на основе которых создал две картины — «Вид в окрестностях Ораниенбаума» и «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума».

На картине «Вид в окрестностях Ораниенбаума» — уголок южного побережья Финского залива. Огромные валуны — немые свидетели многих тысячелетий, столетние дубы, под сенью которых растут молодые ели; на открытом участке неба клубятся бесконечные облака, и оно то жмурится, то проясняется; белый и розовый парусники мелькают в заливе подобно вечно движущимся облакам... Вечное и изменчивое — эти черты особенно ярко проступают на портрете Природы кисти Саврасова.

За эти картины императорская Академия художеств тогда же, в 1854 году, присудила Саврасову звание академика. Он первым из всех учеников Рабуса получил это звание и по возвращении в Москву становится его помощником в пейзажном классе. Вскоре картину «Вид в окрестностях Ораниенбаума» приобрел П. М. Третьяков для своей галереи.

Училище живописи и ваяния в 1850-е годы было единственным учреждением в Москве, в котором устраивались выставки, свободно посещавшиеся любителями искусства. Среди товарищей Саврасова были талантливые молодые художники-пейзажисты Константин Герц и Михаил Бочаров. Однажды Герц пришел на выставку ученических работ со своими двумя сестрами — Софьей и Адель. После осмотра выставки брат познакомил их с авторами понравившихся им картин — Саврасовым и Бочаровым. Завязавшиеся знакомства через несколько лет закончились свадьбами. Саврасов женился на Софье, Бочаров — на Адели. Три друга породнились между собой. Семья Герц жила в собственном доме около Меньшиковой башни. Брат Константина Карл Карлович был преподавателем истории искусств в Московском университете. Софья и Адель в совершенстве знали немецкий, французский и английский языки. Так что в семейном кругу Саврасов находил не только родственное тепло и уют, но и прекрасную возможность интеллектуального общения.

Жил Саврасов в основном в Москве — истинном сердце России. Еще юношей художник рисовал виды Москвы и уголки пригорода. Теперь же он обращает главное внимание на образы русской природы, русского крестьянина. Этот крестьянин оказывается то пастушком в картинах «Сельский вид в окрестностях Москвы на закате солнца» и «Пейзаж с дубами», то рыбаком, тянущим сети, в картине «Пейзаж с рекой и рыбаком». В работах Саврасова ощущается скрытая жизнь природы: словно слышится шелест трав, шепот листьев, угадывается движение облаков. Современники видели в его полотнах новое, реалистическое содержание, которое вносил молодой Саврасов в русскую пейзажную живопись. После смерти Рабуса в 1857 году Саврасов на протяжении 25 лет вел ландшафтный класс в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Рабус первый обратил внимание на его талант наставника и воспитателя и незадолго до кончины сделал своим преемником. И не ошибся. Саврасов оказался педагогом-новатором: учебный процесс стремился объединить с творчеством. Он добился открытия учебной мастерской для своего пейзажного класса и сам стал рисо-

вать при учениках. Наблюдая за тем, как работает учитель, они постигали его творческий метод. Это означало, что Саврасов готовил не только художников, но и педагогов. Такой метод стирал прежнюю обязательную дистанцию между педагогом и учеником, сблизил их между собой и устанавливал взаимопонимание. Учитель словно сошел с пьедестала, стал другом и старшим товарищем.

После открытия мастерской — одновременно учебной и творческой — ничего не осталось от скучной учебы. Слова мастера словно подтверждали его виртуозная кисть, вызывая не подражание, а прилив творческих сил и стремление найти свое оригинальное решение, свое творческое «я».

Саврасов считал, что вводимое в Московское училище общее образование не только расширит кругозор учащихся, но и окажет влияние на более углубленное освоение специальности. Художник не должен быть узким ремесленником, лишь ловко владеющим кистью. Он обязан стать развитой личностью, постоянно и истово впитывая в себя знания. По убеждению Саврасова, искусства и науки должны «идти в художнике рука об руку». Учебный процесс должен быть глубоко осмыслен как педагогом, так и учащимися и помогать вырабатывать собственные убеждения, развивать в них способность мыслить. Только благодаря сознательному обучению будущий художник сумеет по-настоящему «прилагать познания практически в живописи».

Эти мысли Саврасова характеризуют его как крупного художника-педагога. Они были высказаны им в условиях еще крепостной России, но за этот более чем столетний период не потеряли своего значения и являются ценнейшей традицией в деле воспитания поколений советских художников.

Высказывания Саврасова отражали взгляды передовых педагогов того времени и прежде всего педагогические идеи великих революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, призывавших воспитывать специалистов, как сознательных граждан и подлинных патриотов родины. Преподаватели и воспитанники Московского училища буквально дышали этими идеями. Демократически настроенный художник М. С. Башкилов в 1860-х годах, исполняя должность инспектора училища, заболтался о поступлении в его библиотеку самой передовой просветительской литературы, в частности журнала «Современник» — органа революционной демократии. Он поддерживал Саврасова во всех его начинаниях, заботился и об условиях жизни художника — это он выхлопотал Саврасовым казенную квартиру при Училище, когда проблема жилья стала для семьи особо острой.

Саврасовы переезжают во флигель, расположенный во дворе Училища. Само же Училище помещалось в особняке с колоннами по Мясницкой улице напротив Почтамта. Скромно обставленная квартира была сплошь украшена комнатными цветами. По вечерам Саврасов обычно рисовал, жена читала вслух. После классных занятий заходили коллеги-преподаватели, обсуждали итоги прошедшего учебного дня, делились соображениями, как улучшить обучение и методы преподавания. В другие дни среди собравшейся здесь молодежи разгорались страстные споры о будущей судьбе русского искусства. С большой теплотой вспоминала об этих вечерах дочь Саврасова Вера Алексеевна, которая в те годы была еще маленькой девочкой: «Старшие ученики, будущие славные имена, принимали участие в этих горячих дебатах. С домашним бытом переплетались вопросы искусства и высшего порядка. Здесь рождалась и осуществлялась идея передвижных выставок». Вся атмосфера этих разнообразных вечеров была наполнена подлинным творчеством.

Педагогическая деятельность Саврасова была неотделима от творчества. Одним из любимых мест занятий с учениками на природе был Лосиный остров в Сокольниках. Здесь во время летней практики и была задумана картина с тем же названием. На ней изображен участок цветущего луга с мирно пасущимися на опушке сосновой рощи стадом. Стройные стволы сосен озарены солнцем и вносят в пейзаж ощущение гармонической стройности. И природа, вызывая целый мир переживаний, невольно заставляет осмотреться вокруг и ощутить радость земного бытия. Настроение произведений Саврасова не поэзия усыпления и забвения, а поэзия пробуждения, поэзия жизни. Не идиллия, обращенная в мир грез, а глубокое оптимистическое чувство, навеянное образом реальной природы. В то же время в этом простом мотиве живет какое-то внутреннее преобразование, выражена мечта о гармонии правды и красоты, и словно слышатся слова Саврасова: «Природа вечно дышит. Всегда поет, и песнь ее торжественна».

В 1870 году в Училище появился новый инспектор К. А. Трутовский, который, к огорчению пейзажистов, недооценивал значение ландшафтного класса. Саврасова лишают казенной квартиры. И он на полгода уезжает с семьей в Ярославль. В этом городе он проживал в доме Петровой по Дворянской улице (ныне проспект Октября, д.35). В ту пору Саврасов писал П. М. Третьякову: «Тихая жизнь в Ярославле позволяет мне сосредоточенно заниматься искусством». В уютной небольшой квартире из двух комнат на втором этаже Саврасовым была написана картина «Волга над Юрьевцем», начаты «Разлив Волги под Ярославлем» и «Могилы на Волге». Отсюда художник уехал на север Костромской губернии, где написал эскизы к картине «Грачи прилетели».

Расцвет творчества Саврасова, начавшийся этой знаменитой картиной, падает на 1870-е годы. В это десятилетие он становится наряду с Ф. А. Васильевым зачинателем лирического пейзажа. Этому способствовало еще и то, что он был одним из членов-учредителей Товарищества передвижников, одним из его вдохновителей и организаторов.

Каждой весной Саврасов переносил свои занятия на природу. И не случайно, что его лучшие ученики Л. Л. Каменев, С. Н. Аммосов, братья С. А. и К. А. Коровины, С. И. Светославский и И. И. Левитан до конца своих дней находили в природе Московской губернии источник подлинного вдохновения. Здесь они впервые открывали для себя неприметные с виду, но полные неиссякаемого разнообразия и внутренней красоты уголки природы, постигали лиризм и поэзию тихих затонов, перелесков и береговых рощ. Ученики Саврасова вспоминали о днях общения с ним, этим бесконечно дорогим для них человеком, как о самом счастливым времени молодости. Ученик Саврасова Константин Коровин писал: «В мастерской Алексея Кондратьевича Саврасова — одно из дивных воспоминаний моего детства. Мне было всего пятнадцать лет. Мы все, его ученики, — Левитан, я, Светославский, мой брат С. Коровин, Несслер, Ордынский, — мы все так его любили. Его огромная фигура с большими руками, широкая спина, большая голова с большими добрыми глазами, — он был похож на какого-то доброго доктора: такие бывают в провинции. Говорил он, когда смотрел на вашу работу, не сразу, сначала как бы конфузилась, чамкал: «Это, это не совсем то. Как вам сказать? Вы не влюблены в природу, в природу, говорю я. Посмотрите, вот я был на днях в Марьиной роще. Дубы — кора уже зеленеет. Весна чувствуется в воздухе. Надо почувствовать, надо чувствовать, как хорошо в воздухе чувствуется весна».

Конечно, творчество Саврасова чуждо какой-либо территориальной замкну-

тости. Его нельзя назвать художником одного Подмосковья. Он пейзажист широкого национального плана. Большинство картин, в особенности таких, как «Проселок», «Вечер. Перелет птиц», «Грачи прилетели», — это типичный облик русскими равнины. Наряду с лучшими пейзажистами-реалистами И. И. Шишкиным, Ф. А. Васильевым и своим любимым учеником И. И. Левитаном Саврасов вошел в историю русского искусства как подлинно народный и национально-русский художник.

Саврасов активно участвует в деятельности Московского общества любителей художеств. Общество поручило ему перевезти из Петербурга в Москву знаменитую картину Александра Иванова «Явление Христа народу» (с многочисленными этюдами и эскизами) и установить ее для обозрения в Румянцевском музее (ныне в этом здании размещена библиотека имени В. И. Ленина). Это ответственное поручение было исполнено Саврасовым с большими предосторожностями, обеспечившими сохранность огромного по размерам произведения.

В 1870-е годы Саврасов встречается с В. Г. Перовым, который становится ведущим преподавателем в Московском училище. Оба художника были не только активными передвижниками, идейными соратниками на ниве искусства, просвещения и художественного образования, но и близкими друзьями. Они стремились к прогрессу, к глубокому осмыслению природы и жизни, мечтали о непреходящей славе русского искусства, готовили себе достойную смену. Но чем больше росла слава Саврасова, тем чаще он встречал скрытое недружелюбие, зависть и непонимание со стороны руководства Училища. Это, в частности, проявилось в том, что даже в период наиболее широкой известности Саврасова ему так и не была предоставлена казенная квартира и он должен был переезжать весной на дачу со всеми вещами, а осенью каждый год искать и снимать новую квартиру в Москве. Постоянные переезды предельно осложняли и отягощали жизнь семьи, тормозили работу художника.

Поэзия произведений Саврасова была наполнена предчувствием скорого обновления общественной жизни. Подлинная красота представлялась ему в слиянии правды и счастья. И вдруг... светлый мир его души нарушил мрачный 1881 год. Казнь героев «Народной воли», воцарение нового монарха Александра III, реакция и палача, наводнившего творцы и казematы лучшими, передовыми, свободомыслящими людьми. По выражению И. Е. Репина, «какая-то кровавая полоса прошла через этот год».

Саврасов был художником души чуткой, нежной, болезненно-ранимой. Разгром движения народолюбцев лишил его надежд на лучшие перемены в общественной жизни, и, подавленный и смятенный, художник-поэт оказался в безвыходном моральном и духовном тупике.

Глубоко разочарованный, с разбитыми надеждами, сломленный духом, Саврасов ищет забвения среди природы. Особенно тяжелым ударом для него стала смерть В. Г. Перова, скончавшегося в 1882 году. В том же году Саврасова увольняют из Училища. Жена с детьми покидает его, и он становится бездомным скитальцем. Тяготы жизни, внутреннего надломленность сказываются на его творчестве: только лишь в отдельных вещах вспыхивает его прежний талант. 26 сентября (8 октября) 1897 года Саврасов умирает в отделении для бедных Второй Градской больницы.

Но трагическая судьба художника не исказила черты его творчества лучшей поры, не изменила обаятельный облик художника-поэта, не повергла его в забвение. Творчество Саврасова, его чарующая, сокровенная поэзия — это торжественная песнь русской природе, русскому народу.

НЕПРОСТЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Начало на 26-й стр.

ведомость, которую передал ему шофер. Каждая машина с тяжелым бетоном имела свой паспорт, где перечислялись не только технические данные, но еще и результаты лабораторных испытаний.

Первая бадья с необычным бетоном, подхваченная мостовым краном, поднялась, проплыла в приглушенном свете пролета и опустилась в полутемную коробу из металлических щитов. Бетонщики во главе с бригадиром быстро и спорно, словно тугое тесто, раскатывали, растягивали, ровняли раствор по всему периметру.

Толя спустился вниз, когда уже третья бадья, опущенная, легко возносилась вверх, весело покачиваясь на укороченных строплах. Толя привычно поддел лопатой черную массу, но поднял через силу. Бетон действительно оказался особо тяжелым. Бетонщики ровняли тяжелое, упругое, вязкое месиво и не погружали, а втискивали в него цилиндры вибраторов. И слои бетона, уплотненные силой вибрации, спекались в толстый единый монолит сверхплотного вещества.

Нетерпеливо-возбужденное ожидание вернулось к бригаде вновь после обеда. Фоменковцы вывели первую из стенок рентген-камеры на метр. Она была как «проба пера». И в конце дня, когда бетон должен был уже схватиться, авторитетной комиссии предстояло проверить его качество. Без контрольных проверок вести работу дальше не имело смысла.

В четыре часа дня строители начали снимать опалубочные щиты. Обнаженная поверхность выведенной стенки казалась чуть блестящей от начальной полировки.

В эти минуты в районе рентген-камеры народу заметно прибавилось. С бесстрастным лицом стоял начальник «Заводстрой», лишь перебрасываясь отрывочными репликами с главным инженером. С незаметным видом устанавливали аппаратуру сотрудники лаборатории бетонного завода и ученые из московского института, специально прилетевшие для этого. Начальник участка, демонстративно отвернувшись от бетонной кладки, что-то оживленно рассказывал начальнику СМУ. Но Толя успел заметить: волнуется, переживает. Стояли в отдалении ребята из соседних бригад. Стояли, плотно придвинувшись к невиданным лабораторным приборам, свои, бригадные из второй смены, пришедшие на площадку раньше часа на два...

Инструмент в руках лаборантов, словно скальпель хирурга. Надрез, второй, третий. Надрез по плоскости метровой стены. Надрез с торца. Надрез с верхней кромки. У проверяющих свои приемы работы, свой язык жестов. Главный инженер бетонного, словно заведенный челнок между возведенной стеной, группой контроля и начальством «Заводстрой». Кубик первый, кубик второй..., утвердительные слова «норма», которые бросает зав. лабораторией сотруднице, торпливо заполняющей данные в простыню дефектной ведомости. Через сорок минут ожидания следует заключение: «Раковин и прочих дефектов не обнаружено».

Поздравления, дружеские гульки хлопки по плечам и спине! Ребята из соседних бригад скандируют хором: «Мо-лод-цы!»

Действительно, тяжелый бетон особый. Пальцы, напряженно держащие вчера черенок лопаты, словно чужие. Не получается на галстук нужный узел, хоть плачь...

Голос Льва Лещенко, певшего про соловьев и рощу, оборвался в репродукторе на полуслове. И тотчас же женский, хорошо знакомый голос торжественно прозвучал: «Передаем Указ Президиума Верховного Совета СССР».

За успехи, достигнутые в выполнении плана и принятых социалистических обязательств, Президиум Верховного Совета СССР награждает орденами и медалями СССР большую группу рабочих, инженерно-технических работников и служащих...

Орденом Трудового Красного Знамени...

Толя в который раз с раздражением распустил не получившийся опять узел. И кто только эти галстуки выдумал! Женский голос в репродукторе торжественно продолжал перечислять фамилии, имена, отчества, должности:

«Нестерова Степана Константиновича, бригадира слесарей трубоукладчиков УСМР».

Пиворонаса Гинтаутаса Ионон, бригадира электромонтажников.

Украинцеву Екатерину Петровну, бригадира штукатуров-маляров.

Фоменко Георгия Михайловича, бригадира комплексной бригады управления «Заводстрой»...

Михалычу орден! Вот это да! А он знает? К черту галстук. Завяжу потом. Так. Документы в пиджаке. Деньги у Гали. Она вчера с книжки сняла. Туфли запылились. А щетка сапожная опять не на месте. Ай да Михалыч! Первый тост за такое событие.

Толя как нажал на кнопку перед дверью в квартиру Фоменко, так и не отпустил. Мелодичный звонок «Сигнал» аж зашелся в переливистой трели. Михалыч в тренировочном костюме, в тапочках на босу ногу в тревоге распахнул дверь. Толя с криком: «Радио! Почему молчит?» — ужом проскользнул мимо бригадира в комнату и до отказа крутанул виньер репродуктора.

«Даром пре-по-да-ва-те-ли время со мною тратили!» — пронзительный голос Аллы Пугачевой захлестнул большую комнату. И Фоменко, стараясь перекричать певицу, громко спросил: «Что случилось? Зачем радио? Да выключи ты эту тарахтелку!»

Толя вырубил репродуктор.

— Орден... тебе... Михалыч... Трудового Красного... Указ по радио... Сам слышал... Полным титулом... Бригадир комплексной бригады...

Чижик все никак не мог отдышаться...

Звонок снова зашелся трелью. Арсен к Фоменко успел вторым.

Даже когда Галя с Толей стояли на ворсистом ковре перед столом в загсе, а ребята из бригады, принаряженные, смотрели на весь чинный обряд регистрации в отдалении, чувство у всех было такое, будто каждый уже принял по бокалу Цимлянского игристого. К свадьбе готовились, покупали подарки, писали шуточные поздравления. Она была запланированной и неизбежной, как приход поезда по расписанию. А вот орден — первый в бригаде.

Цветные воздушные шары мотались под ветром, с пискливым скрипом терлись о боковые стекла машины. По традиции, никем не установленной, но прочно уже укоренившейся среди молодых строителей, новобрачные сразу же после загса направлялись на машинах на возводящийся корпус. Фоменко ехал на второй машине. Только сейчас, на этом кратком пути, он смог побыть один на один с собой, подумать обо всем, что узнал за последний час, что невидимой цепью замкнуло разрозненные в памяти, но такие существенные события. И замороженное февральское утро 1976 года, когда он в продуваемом ветрами котловане упрямо говорил о предстоящей работе опустошенным, изверженным людям. И бессонные сутки КамАЗа. И обреченная фигурка Удачливого, выходящего из вагончика под конвоем Арсена и Эльбруса. И растерянное лицо Чижика там, на пропыленной обочине. И вчерашний отдых, неуверенность, а вдруг не получится что-то, — чувства, которые он не имеет права обнаружить ни случайным словом, ни малейшим жестом, а оттого вдвойне тяжелые.

Сейчас все это выстроилось воедино, плотно сомкнув ряд, словно создавая сверхплотный монолит, подобный вчерашнему, имя которому — жизнь всего лишь одного человека — Георгия Фоменко.

И еще Жора думал об ордене. В праздничные дни он не раз видел его на лацканах выходных костюмов у некоторых знатных строителей и на КамАЗе и здесь. Славный орден, как бы вобравший в себя романтику, напор, одухотворенность легендарных первых пятилеток, с изображением плотины гидроэлектростанции, будто обрамленный крупнозубчатой шестеренкой. Орден создателей.

Фоменко знал, когда еще третий, вспомогательный корпус сдавали, что его представили к ордену. Но одно дело — представление, а другое — Указ, которого он еще не слышал, не читал, но который ему старался пересказать каждый, переступивший сегодня порог его квартиры.

По ухабам разбитой самосвалами, закаменевшей от зноя дороги машины выехали под своды первого корпуса. Толя Васильев выскочил из головной «Волги» и бережно помог выйти Гале. К рентген-камере легковушки проехать не смогли. И молодожены пошли по тропкам и пешеходным мосткам в глубь пустынного первого корпуса, обходя от цементной пыли белые лодочки невесты и ослепительно выдраенные черные штилеты жениха. Свадьба разворачивалась по плану...

...К трем часам дня в столовой остались одни «биточки по-казацки». Жора Фоменко еще летом окрестил их — «полурыбчик-полукозень». Гарнир тоже был не в подарок — тушеная капуста. Арсен быстро утопил первый голод. Но раздражение не проходило.

Он со злостью натянул лыжную шапочку, нахлобучил поверх каску и пошел к выходу. Со вчерашнего дня был отдан строгий приказ: всем на первом корпусе непременно надеть каски. Народу на пуск уже съехало немало. В соседнем пролете, где успели установить первые станки, то и дело вспыхивали блицды фотокорреспондентов. Вручали там молодым работникам, одетым в новенькую, с иголки робы защитного цвета, комсомольские билеты.

Раздражение, которое овладело Арсеном еще со вчерашнего дня, не проходило, а может, все началось раньше...

Неделю назад, когда они работали на самом верху стен рентген-камеры, уплотняя тяжелый бетон, бригадира вызвали куда-то «вверх». Вернулся Жора Фоменко минут через сорок в странном состоянии. Не то злой, не то довольный. Не поймешь. В конце смены, когда ребята ровняли самый край торцевой стены, бригадир спустился вниз и позвал за собой Арсена. По-видимому, за время, что они принимали последние кубики тяжелого бетона, Жора остыл и принял решение.

— Значит, так, — начал бригадир. — Я уезжаю с делегацией в Ленинград.

— А как же пуск?

— А что пуск? Митинг, речи, оркестр... Бригаду на это время возглавишь ты. Линия такая: смонтировать перекрытие на рентген-камере, сделать опалубку и постараться пробить тяжелый бетон на потолок. А то грянет предпусковая суета, станут марафет наводить и начнут дергать бригаду. Ты должен проявить жесткость. Бей на то, что у нас обязательство — сдать камеру в ноябре.

— А если...

— Погоди. Затем и говорю, что знаю. Дипломатии тебя учить не надо. Сам кого угодно убедишь. А вот твердости... Станут нажимать, ссылайся на меня. Главное — закончить рентген-камеру.

На следующий день Фоменко уехал. А через сутки контролеры, просветив стены рентген-камеры, составили акт по всей форме, что тяжелый бетон уложен отлично, без раковин, и Арсен поставил под документами свою подпись. Сразу же подошел прораб, поздравил и бросил нарочито мимоходом: «Завтра займитесь полами. Будете бетонировать у отметки...» — И заспешил к дальнему концу корпуса.

Напрасно на следующий день Арсен, препираясь в спору, ссылаясь на распоряжение Фоменко, доказывал, что нельзя перебрасывать бригаду на другую работу — они вошли в ритм. Да и перекрытие рентген-камеры — дело сложное, на которое каждый из сорока бетонщиков должен быть настроен морально. В ответ на эти тирады прораб только иронически усмехнулся и морщился, а начальник участка слушал с непроницаемым лицом, думая о чем-то своем. И все били хитроумные доводы Арсена безоговорочным «надо» без объяснений.

Лишь главный инженер «Заводстрой» Андрей Андреевич Ковалевский, до которого Арсен все же добрался, спросил:

— Чего ты пылишь? Что стараешься доказать? Вы с Фоменко умные, а все остальные так себе? И потом полы для вас выгодны. Работа простая, знай гони метры. Никаких выкрутасов, как на рентген-камере. Да и не будет в ближайшие дни сверхплотного бетона. Кончится эта суета, вяжите арматуру на здоровье, бетонируйте перекрытие.

— Это окончательно?

— Окончательно! — с жесткой интонацией произнес главный инженер.

Шесть дней они заливали полы в соседнем пролете. Гнали метры. Работа простейшая! После рентген-камеры — отдых. А ребята не в духе. Никто напрямую Арсену не говорит, но по репликам в бытовке, по настрою, с которым работают, он понимает: бригада недовольна.

С уборкой они провозились без малого сутки. Ребята все время поминали про «мартышкин труд», с соответствующими добавлениями. Арсен молча вздыхал. И раздражение, которое кипело в нем все эти дни, растворялось в хлопотах: то машины надо было вывезать для мусора, то кран мостовой задействовать. За всем этим едва выбрался перекуисть.

Сейчас в выдавших виды кирзачах Арсен шагал по липкой, скользкой грязи. Через проходную с отмытыми добела полами уже не пропускать. И он, вместе со всеми шлепая по бровке шоссе, чуть присыпанного песком, обходя только что поставленную ограду, клял непогоду, зрящую работу, показуху...

Когда он обогул ограду, где еще не успели навесить ворота и можно было пройти к корпусу без всякой проходной, на шоссе показалась внушительная вереница машин. Она быстро проскользнула поворот на главный корпус и съехала с бетонки на свежепробитое, еще не раскисшее полотно грунтовой дороги. К первому корпусу со всех сторон тянулся народ, принарядившийся для праздничного митинга.

ЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТOKOВ

Публикуя в этом номере «Смены» вопросы и задания III тура «Олимпийского турнира знатоков», мы хотели бы напомнить участникам этого заочного соревнования болельщикам, что их ждут учрежденные редакцией призы:

- Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные велосипеды марки «КАМА».
- Десять призов для активнейших участников читательского турнира — олимпийские сувениры «МИШКА».
- Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ» с автографами победителей Олимпиады-80.

К сведению тех, кто включится в борьбу с третьего тура! Авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы III тура — до 1 июля 1980 года (дата отправки письма будет определяться по штемпелю на конверте). Просим не забывать делать приписку на конверте: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие — в конце письма надо сообщить свою фамилию, имя и отчество, адрес, профессию и место работы, возраст.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ III ТУРА

1. Почему Олимпийские игры 1980 года официально называются «Игры XXII Олимпиады»?
Расскажите о традициях и ритуалах современных Олимпийских игр, восходящих к древности.

2. Назовите имя олимпийской чемпионки, которая стала лауреатом премии Парижской консерватории.

Рисунки
Сергея
ТЮНИНА

3. Кто из советских спортсменов завоевал на Олимпийских играх в Монреале наибольшее количество наград?

4. Определите имена трех призеров в предстоящих олимпийских состязаниях среди мужчин по прыжкам в высоту и результат, который покажет чемпион.

5. Сколько советских спортсменов выйдет в финал соревнований Олимпиады-80 по боксу и кто именно?

ВОСЬМОЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

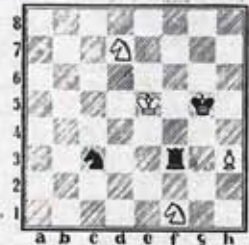
Ход черных. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (3 балла).

Вот так задача!

Белые начинают и дают мат в четыре хода. (2 балла).

Этюд — всегда красиво!

Белые начинают и делают ничью. (2 балла).

НАША ВИКТОРИНА

Назовите первых двух советских чемпионов мира среди юношей и годы завоевания ими этого титула. (1 балл).

Свои ответы на каждое из четырех заданий этого тура присылайте, пожалуйста, на отдельных открытках (без конвертов). Решения позиций должны указываться краткой шахматной нотацией без каких-либо словесных примечаний. Срок отправления писем в адрес нашей редакции на восьмой тур истекает 25 июня 1980 года (по почтовому штемпелю).

**АТАКУЮТ
ЧЕМПИОНЫ ЕВРОПЫ**

Читатели «Смены» знают о славной победе в шведском городе Скара на командном первенстве континента 1980 года, одержанной сборной СССР, которую возглавлял Анатолий Карпов. Кроме чемпиона мира, в нашей команде, в седьмой раз кряду (!) завоевавшей европейское первенство, играли еще несколько молодых

шахматистов, и вклад их в общую победу оказался весьма внушительным.

Предлагаем вниманию любителей шахмат два фрагмента из состязания, с лучшей стороны характеризующих динамичную игру 16-летнего бакинца Гарри Каспарова и 19-летнего москвича Артура Юсупова.

Перед вами нешаблонная, полная боевого задора позиция, сложившаяся после 19-го хода черных в партии Каспарова (у него были белые фигуры) с чехословацким спортсменом И. Пришибилом.

Несколько ранее ради инициативы белые пожертвовали пешку и создали себе сильную проходную на центральной вертикали. В данный момент Каспаров принимает смелое решение отдать и слона, чтобы оптимально активизировать свои силы и разъединить ферзя и короля противника.

20. d6—d7! f6: g5 21. Фa4—c4+ Kpg8—h8 22. Kf3: g5 Cg7—f6. 23. Kgb—e6 Ka6—c7 24. Ke6: f8 Лa8: f8 25. Лd1—d6 Cf6—e7 26. d7—d8Ф!

Эффектная заключительная комбинация — жертвой проходной пешки белые быстро дезорганизуют оборонительные средства партнера.

26. ...Ce7: d8 27. Фc4—c3+ Kph8—g8 28. Лd6—d7! Cd8—f6 29. Фc3—c4+ Kpg8—h8 30. Фc4—f4 Фb7—a6?

В трудной ситуации Пришибыл просматривает матовую угрозу.

31. Фf4—h6, и черные капитулировали.

К такому положению пришли после 18-го хода черных Юсупов (он играл белыми) и шведский мастер Б. Янссон.

Несложной комбинацией белые выигрывают пешку и с завидной легкостью реализуют перевес.

19. Kc4: b6! Фd8: b6 20. Лc1: c8 Ke8—c7 21. Kd2—c4 Фb6—a7 22. Фd1—g4 Kc7—b5 23. Лf1—c1! Kb8—d7 24. Лc8: a8 Лf8: a8 25. Kc4—a5 Ce7—g5 26. Ka5—c6 Фа7—b7 27. Лc1—a1 Лa8—c8 28. h2—h4 Cg5—d8 29. a3—a4! Kd7—f6 30. Фg4—e2 Kb5—c7 31. Лa1—c1 Лc8—a8 32. Лc1—c4 Kc7—e8 33. a4—a5 g7—g6 34. Фе2—d2 Kpg8—g7 35. f2—f3 Kf6—d7 36. Kc6: d8 Лa8: d8 37. Лc4—c6! Лd8—b8 38. Cd3: a6 Фb7: b4 39. Фd2: b4 Лb8: b4 40. Са6—f1!, и черные сдались, ибо крайняя проходная пешка соперника настолько опасна, что будет стоить им целой фигуры.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Вот глядят на тебя
С деревянной стены
Лица русских солдат,
Не пришедших с войны.
Перед ними всегда
В неоплатном долгу
И от снимков свой взгляд
Оторвать не могу.

Припев:

Очень многое могут поведать тебе
Фотографии в старой
Крестьянской избе...

Вот и мама моя —
Рядом с юным отцом —
В белоснежном наряде

Стоит под венцом,
Сколько вместе они
Испытаний прошли,
Сколько вместе вспахали
Нелегкой земли.

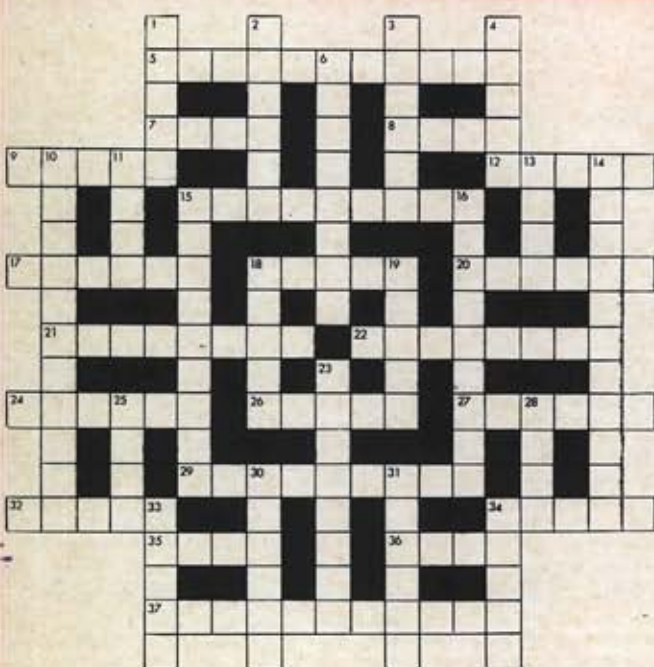
Припев.

Знали смерть не одну
И беду не одну,
Трудным хлебом своим
Накормили страну.
И течет, как река,
Не иссякнув на миг,
Их великая жизнь,
Родословная их.

Припев.

НАТОРОВА И Д. ЗАДРВЕТСКО.

The musical score is arranged in four systems, each with a piano accompaniment on the left and a vocal line on the right. The lyrics are in Russian and correspond to the text provided in the adjacent columns. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings.

КРОССВОРД

Составил Р. АЛИЕВ,
Джалилабадский р-н
Азербайджанской ССР

По горизонтали:

5. Старинный город в Московской области. 7. Музыкальная шутка М. П. Мусоргского. 8. Единица измерения радиоактивности. 9. Рыба рода сигов. 12. Черноморский порт в Болгарии. 15. Драгоценный камень. 17. Вещество, обладающее электропроводностью, ковкостью. 18. Стихотворная форма. 20. Кормовой злак. 21. Трагедия Софокла. 22. Подъемный брус, перекрывающий движение через железнодорожный путь. 24. Австрийский композитор XVIII века. 26. Систематическое собрание географических карт. 27. Дословная выдержка из определенного текста. 29. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 32. Водное растение. 34. Стихотворение А. С. Пушкина. 35. Город на севере Франции. 36. Один из Гебридских островов. 37. Наука об управлении, связи, переработке информации.

По вертикали:

1. Река, впадающая в Ладожское озеро. 2. Советский летчик-космонавт. 3. Судно для перевозки жидких грузов. 4. Наиболее деятельная часть общественной организации. 6. Декоративный живописный или скульптурный узор. 10. Наука о химических образованиях в земной коре. 11. Стихотворение В. В. Маяковского. 13. Роман М. О. Ауэзова. 14. Наука о монетах. 15. Крокодил, обитающий в Америке и Азии. 16. Мореплавание, судоходство. 18. Приток Терека. 19. Город в Киргизии. 23. Старинный клавишный инструмент. 25. Оросительный канал в Средней Азии. 28. Автор повести «Приключения Гекльберри Финна». 30. Норвежский исследователь Арктики. 31. Небесное тело. 33. Приток Куры. 34. Минерал, чистый кристаллический углерод.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8

По горизонтали:

7. Маяковский. 9. Дунаевский. 12. Кржижановский. 13. Гарда. 15. Канал. 17. «Космос». 18. Картинг. 20. Капрон. 21. Аномалия. 23. Черкассы. 24. Ермолова. 25. Айтматов. 29. Ланцет. 30. Андреев. 31. Чкалов. 34. Синяя. 38. Ламар. 39. Нейрохирургия. 40. Анализатор. 41. Фильмоскоп.

По вертикали:

1. Гамзатов. 2. Сопка. 3. Фиджи. 4. Буква. 5. Швейк. 6. Кирсанов. 8. Сюжет. 10. Анкер. 11. «Юность». 14. Демонстрация. 16. «Алпассионата». 18. Кольцова. 19. Горбатов. 22. Ялта. 23. Чара. 26. Малинина. 27. Грузия. 28. Иогансон. 32. Лайка. 33. Кегль. 35. Яншин. 36. Хорог. 37. Щукин. 38. Ляхов.

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ПОДВИГ

Начало на 25-й стр.

ми в Дельфийском храме: «Мера важнее всего», — присущ всему спектаклю.

Вся труппа, все 26 человек — а каждому не больше 23 лет, как раз возраст тех самых героев, которых им предстояло сыграть, — вся труппа воодушевилась замыслом нового спектакля. Актеры гордились тем, что к бойцам грузинской национальности, в частности к командующему 18-й армией К. Н. Леселидзе, автор книги обращает высокие слова восхищения; героем одного из ярких эпизодов является Шалва Таташвили, десантник, которому в день рождения его неразлучный друг Петр Верещагин подарил — по числу прожитых героем лет — 23 патрона, самый дорогой подарок накануне атаки. Так интернационализм, дружба народов, отраженные в книге, нашли свое воплощение и в содержании, в самой постановке спектакля.

Режиссер и актеры создали этот спектакль в радости и муках, поистине так. Каждый актер и к своей роли и к спектаклю в целом относился ревниво, влюбленно. «Малая земля» стала победой коллектива, спектаклем, подводившим итог десятилетнего творчества. «Это своего рода спектакль-штурм, — говорит режиссер, — мы штурмом взяли высоту зрелости в своем искусстве».

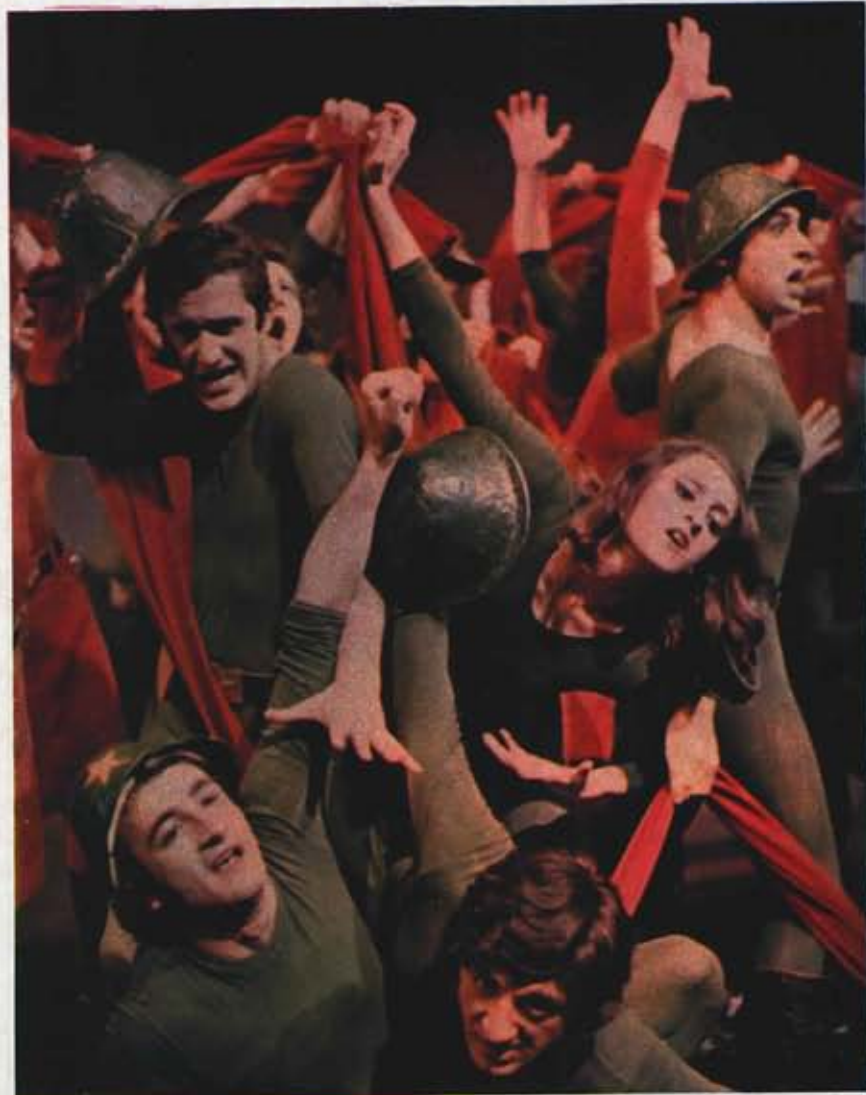
Танец тогда убедителен и интересен, когда его динамика рождается движением мысли, оправдывается глубиной душевного переживания героя. Наиболее сложным и ответственным в спектакле «Малая земля» оказался для режиссуры эпизод вручения партбилетов. Но заложенная в нем волнующая мысль дала возможность актерам создать экспрессивную сцену.

Да, он очень театрален, Амиран Шаликашвили. К прирожденной для каждого грузина артистичности прибавился семейный, традиционный профессионализм: дед Амирана был режиссером и актером в Тбилисском театре, работал со Станиславским; отец играл в Батумском театре. Наверное, этим объясняется разносторонняя одаренность Амирана: окончив театральное училище и институт, он занимался хореографией, вокалом, режиссурой, драматургией.

Сейчас на вопрос о том, как создавался спектакль «Малая земля», надо искать ответ в том, как создавался грузинский театр пантомимы, потому что спек-

такль — результат творческого пути театра. Даже тема «Малой земли» закономерна для него — определяющими в репертуаре театра всегда были спектакли героические: «Хиросима», «Освободите песню», посвященный Чили, «Последний звонок» — о Зине Портновой, героине Великой Отечественной войны. Искусство, высокое по содержанию и национальное по форме, — этот принцип с первых дней определил работу коллектива. Именно за эти спектакли в прошлом году режиссер и коллектив стали лауреатами премии Ленинского комсомола Грузии.

Из самодеятельной студии пантомимы, созданной А. Шаликашвили в 1965 году, был через пять лет создан театр при филармонии; два года назад он получил право на самостоятельность — стал Грузинским государствен-

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ.

чрезвычайно бережно относится к народным традициям, умеет ценить сокровища народного искусства, насильно их не осовременивая. И, хотя прекрасно знает историю пантомимы разных стран и народов, не заимствует чужеземных традиций. Искусство Марселя Марсо, этого Пьеро XX века, он высоко ценит именно за то, что оно основано на французском народном миме, что актер использовал старое национальное наследие, талантливо подчинив его собственному творчеству. А потом... весь мир стал слепо, бездумно подражать искусству Марселя Марсо. По мнению Амирана Шаликашвили, современная европейская и американская пантомима обезличена: лишенная своей первоосновы — народной и героической патетики и лиризма, — она замкнулась на бытовых сценках, изощренном, но бесцельном психологизме.

Аплодисментами встретили зрители заключительный эпизод спектакля — «Бессмертие героев». Он как бы иллюстрирует слова автора, обращенные к советским воинам:

«Какие же это богатыри духа! Какая неброская, но неистребимая любовь к Родине, какая жажда защитить ее, насколько не думая о собственной жизни».

На сцене — склоненные долу актеры. Заведенные за спину руки, в которых они держат таблички с именами погибших, создают впечатление надгробных обелисков. Эта сцена мгновенно запечатлевается в сердце, но взмах сведенных рук, точно взмах белых крыльев журавлей, взлетающих в небо, рождает новое переживание. Звучит песня на слова Расула Гамзатова — сцена пронзительна по своей образной выразительности, по насыщенности чувств.

Спектакль «Малая земля» — большое достижение молодежного коллектива. Он еще раз доказал, какими возможностями эстетического и воспитательного воздействия обладает пантомима, какие огромные задачи может решить такой театр.

Театр уже много раз выступал с этой премьерой в городах Грузии, в Москве, выезжал в зарубежные страны, и всегда ему сопутствовал подлинный успех.

Сейчас грузинский ансамбль ставит «Макбета». Уже идут репетиции, и новая полоса влюбленности в работу охватила этот дружный и талантливый коллектив.

В молодом театре творческая, радостная атмосфера. Здесь каждый день — праздник, и труд, тяжелый, многочасовой труд для актеров в радость. Все двадцать шесть — комсомольцы, все из хореографического училища или театрального института, то есть актеры профессиональные.

— О чем мечтаю я и все мы? — Амиран на этот вопрос ответил так, как если бы он долго ждал, чтобы его задали: — Нам нужно творческое соревнование, обмен опытом. Ведь трудно быть уникальным театром, как трудно быть единственным ребенком в семье. Нам нужен родной брат. Но когда и где он родится?

АТАКА

БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЕВ.

ным театром пантомимы. Он первый и пока единственный в стране. Театр крепко, постоянно и во всем поддерживают Министерство культуры и ЦК комсомола Грузии.

Театр пантомимы подлинно народен и национален. Рожденное в глубине веков в разных странах — в Греции, Японии, Индии, — искусство пантомимы пришло с полудомными людьми и петрушками на ярмарки Древней Руси, с бродячими комедиантами на площади Грузии. Народ, лишенный права на собственное слово, сумел выразить в искусстве мима свою боль, свой гнев и протест против порабощения; язык танца стал языком чувств; заставшая на лице актера маска безмолвия контрастировала с выразительной пластикой движений. Чувства простые и глубокие: любовь и ненависть, скорбь и радость — выражались предельно обнаженно, гиперболично.

Амиран Шаликашвили, создавший этот театр, стал в нем режиссером, драматургом, актером, художником. Он

Фото
Исаяк ТУНКЕЛЯ

